

Ф. Тютчев

E. F. Snodgrass

Библиотека
«ОГОНЕК»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КЛАССИКА

Ф. И. ТЮТЧЕВ

СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ

1

Москва. Издательство «Правда»
1980

Общая редакция
К. В. Пигарева

Составление и подготовка текста
А. А. Николаева

Иллюстрации художника
П. Караченцова

Ф. И. ТЮТЧЕВ И ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

«Вы знаете, кто мой любимый поэт?» — спросил однажды Лев Николаевич Толстой. И сам назвал Тютчева. Современники вспоминали о том «изумлении и восторге», с каким Пушкин отзывался о стихах Тютчева. Более ста лет тому назад Н. А. Некрасов назвал лирику Тютчева одним из «немногих блестящих явлений» русской поэзии. «Тютчев может сказать себе, что он... создал речи, которым не суждено умереть», — писал тогда же И. С. Тургенев¹.

Находясь в каземате Петропавловской крепости, Чернышевский просил А. Н. Пыпина прислать ему ряд книг, в том числе «Тютчева (если можно достать)». Менделеев любил повторять особенно запомнившиеся ему тютчевские стихи. Максим Горький рассказывал, что в тяжелые годы пребывания «в людях» — годы нужды и борьбы за жизнь — стихотворения Тютчева, наряду с некоторыми другими впервые им прочитанными произведениями русских писателей, «вымыли» ему «душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности» и научили его понимать, «что такое хорошая книга»². Высоко ценил поэзию Тютчева В. И. Ленин³. В рабочем кабинете великого основателя Советского государства находились не только сочинения поэта, но и такое рассчитанное на узкий круг специалистов-литературоведов издание, как «Тютчевиана», — выпущенный в 1922 году сборник эпиграмм, афоризмов и остроумия поэта.

¹ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, Гослитиздат, М., 1955, с. 271—272; «Звенья», кн. 2, М.-Л., 1933, с. 259; Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, с. 205; И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. V, М.-Л., 1963, с. 427.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, с. 488; А. М. Горький. Собр. соч., т. 13, М., 1951, с. 357—358.

³ П. Н. Лелешинский. На повороте, М., 1955, с. 112; В. Д. Бонч-Бруевич. Ленин о художественной литературе. «30 дней», 1934, № 1, с. 15.

Тютчев прожил почти семьдесят лет. Он был современником крупнейших исторических событий, начиная с Отечественной войны 1812 года и кончая Парижской коммуной. Его первые стихотворные опыты увидели свет в ту пору, когда господствующие позиции в русской литературе завоевывал романтизм; его зрелые и поздние произведения создавались тогда, когда в ней прочно утвердился реализм. Сложность и противоречивость поэзии Тютчева были обусловлены как сложностью и противоречивостью той исторической действительности, свидетелем которой он был, так и непростым его отношением к этой действительности, сложностью самой его человеческой и поэтической личности.

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября (5 декабря) 1803 года в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. Он принадлежал к стародворянской среднепоместной семье. Детские годы Тютчева протекли в Овстуге; юношеские годы были тесно связаны с Москвой.

Три человека оказали преимущественное влияние на умственное и нравственное развитие будущего поэта: мать, Е. Л. Тютчева, урожденная Толстая, — женщина, обладавшая недюжинным умом и «фантазией, развитой до болезненности»¹, дядька Н. А. Хлопов, отпущенный на волю крепостной Татищевых, в течение многих лет нежно опекавший своего «друга Федора Ивановича», и молодой поэт-переводчик С. Е. Раич, домашний учитель Тютчева, готовивший его к поступлению в университет. Начало плодотворной работы Раича над переводами латинских и итальянских поэтов относится ко времени его пребывания в доме Тютчевых. Юный Тютчев являлся для него «не учеником, а товарищем». Раич знакомил своего питомца с произведениями русской и мировой поэзии и поощрял его первые стихотворные опыты. «С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, — рассказывал впоследствии в своей автобиографии Раич, — когда, бывало, весною и летом, живя в подмосковной, мы вдвоем с Федором Ивановичем выходили из дому, запасались Горацием, Виргилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии». Там же, говоря о необыкновенных способностях своего «даровитого от природы» ученика, Раич упоминает о том, что по «тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом»².

¹ И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева, М., 1886, с. 9.

² Автобиография Раича. «Русский библиофил», 1913, вып. VIII, с. 24, 25.

Одно из тютчевских подражаний Горацию — ода «На новый 1816 год» — было прочитано 22 февраля 1818 года критиком и поэтом, профессором Московского университета А. Ф. Мерзляковым в Обществе любителей российской словесности. 30 марта того же года четырнадцатилетний поэт избирается сотрудником Общества, через год появляется в печати тютчевское вольное переложение «Послания Горация к Меценату».

Осенью 1819 года Тютчев поступил на словесное отделение Московского университета. Дневник его университетского товарища М. П. Погодина и записки Тютчева к нему свидетельствуют о том, что в эти годы литературные интересы находились в центре внимания Тютчева. Он беседует с Погодиным «о немецкой, русской, французской литературе», предлагает ему перевести на латинский язык «Слово о полку Игореве». Его живо занимают проблемы развития литературы в России. Однажды Погодин заносит в дневник такую запись: «Мерзляков должен, — сказал Тютчев, — показать нам историю русской словесности, должен показать, какое влияние каждый писатель наш имел на ход ее, чем именно способствовал к улучшению языка, чем отличается от другого...» Тютчев и Погодин небезучастно относятся к современному состоянию русской культуры вообще; они толкуют «о препятствиях у нас к просвещению», о «будущем просвещении у нас». Молодые приятели пересылают друг другу книги и обмениваются впечатлениями по поводу прочитанного. В дневнике Погодина отмечены беседы с Тютчевым «о новой поэме «Руслан и Людмила», «о молодом Пушкине, об оде его «Вольность», «о свободном, благородном духе мыслей», распространяющемся в русском обществе. Среди имен авторов, произведения которых читает Тютчев, можно назвать имена Горация, Виланда, Тика, Жуковского, Мерзлякова, Паскаля, Руссо. Только что закончив чтение романа замечательного французского писателя-просветителя XVIII века Жан-Жака Руссо «Новая Элоиза», Тютчев принимает за его же «Исповедь», которая производит на него очень сильное впечатление¹.

Тютчев принимает живое участие в литературной жизни университета. Стихи молодого поэта обсуждаются Мерзляковым и его учениками, читаются в публичных собраниях,

¹ Дневник М. П. Погодина. Записи под 9 августа, 6, 13, 15 октября, 1 ноября, 2 и 6 декабря 1820 года. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (частично приведены в издании Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. I, СПб. 1888). Записки Тютчева к Погодину см. во 2-м томе наст. издания.

печатаются в «Трудах Общества любителей российской словесности».

Подобно многим своим современникам, Тютчев рано усвоил стихотворную технику. Даже написанная в двенадцатилетнем возрасте ода «На новый 1816 год» обнаруживает стройную логику композиции. Отдельные стихи и в этой оде и в «Послании Горация к Меценату» показывают, что для него не прошли даром уроки Раича, придававшего большое значение мелодичности и инструментовке стиха. Вместе с тем все написанное Тютчевым в это время — не более чем ученические опыты. Тютчевский голос еще не определился; он еще часто заглушается чужими голосами, к которым начинающий поэт внимательно прислушивается.

Для уяснения идейной атмосферы, окружавшей Тютчева в эти годы, небезынтересно отметить, что его учитель С. Е. Раич и двоюродный брат А. В. Шереметев состояли членами одного из первых тайных обществ — Союза благоденствия, хотя их политическое свободомыслие и носило в достаточной степени умеренный характер. То же можно сказать и о вольнодумстве Тютчева, не оставшегося вовсе чуждым свободному духу времени. Под впечатлением оды «Вольность» он пишет стихотворное послание Пушкину («К оде Пушкина на Вольность»), образно и стилистически близкое русской гражданской лирике конца десятых — начала двадцатых годов. Однако, приветствуя Пушкина как обличителя «тиранов закоснелых», Тютчев одновременно предостерегает поэта: «Но граждан не смущай покою// И блеска не мрачи венца...»; «великий удел» глашатая «святых истин» сводится Тютчевым лишь к «смягчению сердец».

В ноябре 1821 года Тютчев окончил университет со степенью кандидата словесных наук, а в начале 1822 года поступил на службу в государственную коллегию иностранных дел. Через несколько месяцев он был назначен сверхштатным чиновником при русской дипломатической миссии в Мюнхене. В течение первых шести лет пребывания за границей поэт и числился «сверх штата» при русской миссии и лишь в 1828 году получил место младшего секретаря. Эту должность он занимал вплоть до 1837 года. Однажды в письме к родителям Тютчев иронизировал над тем, что «пережил» всех своих старших товарищей по службе, а сам не получил никакого повышения. Но поэт, как он сам признавался, «не умел» служить, — иначе сказать, выслуживаться.

С этого времени непосредственная связь Тютчева с русской литературной жизнью надолго прерывается или, вернее, ограничивается более или менее эпизодическими выступлениями со своими стихами на страницах русских журналов и альманахов, причем поначалу это были стихи; относящиеся

к самым ранним годам пребывания Тютчева в Мюнхене и даже к годам, предшествовавшим его отъезду.

И. С. Аксаков писал в «Биографии Ф. И. Тютчева» о полном отрыве поэта от родины в заграничный период его жизни. Позднее В. Я. Брюсов указывал, что такое представление о Тютчеве ошибочно, ибо связи его с Россией не порывались и на чужбине¹. Действительно, в Мюнхене поэт общался с приезжавшими туда братьями Киреевскими и близким к их кругу Н. М. Рожалиным, слушавшими лекции в тамошнем университете; переписывался с Раичем; печатал свои стихи в русских журналах и альманахах; наконец, четыре раза на несколько месяцев приезжал в Россию. И тем не менее сам Тютчев остро ощущал свой отрыв от родной стихии. В одном из писем к родителям он признается, что его тяготит «существование человека без родины». По-видимому, этим объясняются мотивы одиночества и скитальчества в лирике Тютчева заграничного периода. Несмотря на то, что недостатка в обществе у Тютчева в это время не было, бросается в глаза почти полное отсутствие в его стихах (за исключением стихов самых ранних лет) темы дружбы.

На чужбине Тютчев провел двадцать два года, из них двадцать лет в Мюнхене. Здесь он женился на вдове русского дипломата Элеоноре Петерсон (1826), немке по происхождению, здесь же познакомился с философом Шеллингом и подружился с Генрихом Гейне (1828). Дом Тютчевых в Мюнхене Гейне называл «прекрасным оазисом», а самого поэта — своим «лучшим» тогдашним другом². Тютчев первым из русских поэтов начал переводить стихи Гейне на русский язык.

Переводами из Гейне, однако, не ограничивалась довольно интенсивная переводческая деятельность Тютчева этих лет. Именно к этому времени относятся его перевод «Песни радости» Шиллера, превосходные переводы баллад Гете «Приветствие духа» и «Певец», стихотворения Уланда «Весеннее успокоение» и др. Большое внимание Тютчева привлекает «Фауст» Гете (он перевел ряд отрывков из первой части и весь первый акт второй части (последний не сохранился).

Собственное, оригинальное творчество Тютчева этого периода на первых порах еще очень близко его юношеской поэзии. Так, например, стихотворение «Слезы» (1823) стилистически родственно стихотворению «Весеннее приветствие стихотворцам», написанному более чем за год до отъезда поэта в Мюнхен.

¹ См. В. Я. Брюсов. Легенда о Тютчеве. «Новый путь», 1903, ноябрь, с. 16—30.

² Heine H. Briefwechsel, B. I. München und Berlin, 1914, S. 508.

Но вот, наконец, в 1829—1830 годах в журнале Раича «Галатее» появляются уже такие стихотворения Тютчева, которые свидетельствуют о полной зрелости его поэтического таланта,— «Летний вечер», «Видение», «Бессонница», «Сны» («Как океан объемлет шар земной...»). Однако эти и другие стихотворения, печатавшиеся в московских журналах и альманахах на протяжении двадцатых — начала тридцатых годов (а среди них были и такие шедевры, как «Цицерон» и «Весенние воды»), не принесли поэту широкой известности в читательских и литературных кругах. Из немногочисленных критических высказываний о Тютчеве за это время заслуживает внимания отзыв Н. А. Полевого, отнесшего его в одном из своих обзоров к числу поэтов, которые «подают блестящую надежду»¹.

Свое настоящее признание поэзия Тютчева впервые получила в 1836 году. Весной этого года копии тютчевских стихотворений через Вяземского и Жуковского попали в руки Пушкина. «Мне рассказывали очевидцы, в какой восторг пришел Пушкин, когда он в первый раз увидел собрание рукописное его стихов. Он носился с ними целую неделю...» — вспоминал впоследствии Ю. Ф. Самарин². Пушкин и его друзья предполагали выпустить стихи Тютчева отдельным сборником. Это издание осуществлено не было, но в третьем томе пушкинского «Современника» за 1836 год появилось шестнадцать стихотворений Тютчева под общим заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и с подписью «Ф. Т.». Восемь стихотворений с тем же заглавием и тою же подписью помещены в четвертом томе журнала. На страницах «Современника» стихи Тютчева продолжали печататься и после смерти Пушкина, вплоть до 1840 года (с 1838 года они подписывались «Ф. Т-в»).

Но, признанные в узком кругу ценителей поэзии, среди которых, кроме Пушкина, были Жуковский и Вяземский, «Стихотворения, присланные из Германии» по-прежнему не были замечены тогдашней критикой, если не считать нескольких беглых упоминаний о них, скорее информационного характера. Так, например, о напечатанном в двенадцатом томе «Современника» за 1838 год стихотворении «Арфа скальда» сообщалось, что оно «дышит той меланхолией, той негой и таинственностью, которые так очаровательны в его вдохновенных стихах, приводивших в умиление Пушкина»³.

Долголетнее пребывание на чужбине, вдали от русской литературной жизни (недаром Раич в своем «Письме другу

¹ «Московский телеграф», 1825, ч. I, с. 75.

² «Звенья», кн. 2, М.-Л., 1933, с. 259.

³ «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1838, № 48.

за границу» — см. о нем далее — утверждал, будто поэт о произведениях отечественной литературы судит «по переводам некоторых русских книг на иностранный язык»), не помешало Тютчеву по-своему ответить на те запросы, которые встали тогда перед русской поэзией. Одним из них было создание *поэзии мысли*, поэзии философской.

Русская философская лирика второй половины 20—30-х годов, как бы ни были сложны и противоречивы пути ее развития, возникла на почве неприятия русской последкабрьской действительности. Особенностью философской лирики Тютчева, ее социально-исторической подосновой, являлась не столько русская, сколько *общеевропейская* действительность этого времени.

В 1837 году Тютчев был назначен первым секретарем русской миссии в Турине и почти одновременно — поверенным в делах. Здесь довелось поэту пережить первую в его жизни тяжелую утрату: 28 августа 1838 года умерла его жена. «Есть ужасные години в существовании человеческом, — писал Тютчев В. А. Жуковскому. — Пережить все, чем мы жили — жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить...»

Вскоре после смерти жены Тютчев встретился за границей с Жуковским. Тогдашнее состояние поэта Жуковский определил в двух словах: «Горе и воображение». Однако душевные переживания Тютчева не до конца были понятны Жуковскому. Цельный по своему внутреннему складу, он не без удивления заносит в свой дневник такую запись о Тютчеве: «Он горюет о жене... а говорят, что он влюблен в Мюнхене»¹.

Действительно, еще в последние годы своего пребывания в Баварии Тютчев испытал глубокое чувство к молодой вдове Эрнестине Дернберг, внучатой племяннице известного немецкого баснописца К. Пфедфеля. 17 июля 1839 года поэт вступил с нею в брак. Служебный проступок, совершенный Тютчевым (самовольный отъезд в Швейцарию для венчания с Э. Дернберг), кладет конец его дипломатическому поприщу. Вынужденный подать в отставку, он с осени 1839 года снова поселяется в Мюнхене. Летом 1841 года Тютчева исключают из числа чиновников Министерства иностранных дел. Пребывание на чужбине, не обусловленное служебным положением, становится все более и более тягостным для поэта. Он настойчиво ищет путей возвращения на службу. И в конце 1844 года переезжает с семьей в Россию, а через

¹ Дневники В. А. Жуковского, СПб. 1903, с. 430.

полгода вновь зачисляется в ведомство Министерства иностранных дел¹.

Дипломатическая служба и связанное с нею длительное пребывание за границей оказали серьезное воздействие на выработку политического мировоззрения Тютчева.

В истории Европы это был период, когда так называемый «Священный союз», возникший после низложения Наполеона, объединял феодально-монархические правительства в их борьбе с национально-освободительным и буржуазно-революционным движением.

В политической системе посленаполеоновской Европы Тютчев отводит особую роль победившей России, но понимает эту роль по-своему. Так, еще в 1829 году в журнале «Галатея» было помещено «Письмо другу за границу» — без подписи, но, по всей вероятности, принадлежавшее самому издателю журнала Раичу и, несомненно, адресованное Тютчеву². Оно открывается следующими словами: «...Что происходит, или лучше сказать, происходит ли что в литературной России?» — спрашиваешь ты меня в одном из своих писем. На иронический вопрос твой хочу отвечать, на первый раз, коротким письмом. Мне давно хотелось поговорить с тобою о предмете, равно любимом для меня и для тебя. О русской литературе и вообще о ходе просвещения в России ты имеешь, как видно, понятие довольно темное, неопределенное. И немудрено: более шести лет протекло с того времени, как ты разлучился с отечеством...». (Указанный в этих строках срок разлуки «друга» с Россией совпадает с пребыванием Тютчева за границей.) Далее в «Письме другу за границу» Раич приводит следующие слова из не дошедшего до нас письма к нему Тютчева: «Странное дело! Россия как государство — гигант, как общество — младенец. Но этот младенец, верю и надеюсь, должен возмужать, и девятая часть поверхности земного шара займет подобную в области ума человеческого. Дотоле утешимся применением к России Виргилиевых стихов: *Tu regere imperio populos, Romane, memento; hae tibi erunt artes: pacisque imponere morem; parcere subjectis et debellare superbos.* (Тебе, Римлянин, править народами, вот твое искусство; тебе быть миротворцем, щадить покорен-

¹ До 1846 года, числясь чиновником министерства, Тютчев определенной должности не имел. 15 февраля 1846 года он был назначен чиновником особых поручений при государственном канцлере, а 1 февраля 1848 года — старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел.

² «Галатея», 1829, ч. I, № 1, с. 40—43.

ных и поражать гордых)». Последние строки, по-видимому, намекают на международную роль России в Европе после низвержения владычества Наполеона.

По своим политическим взглядам Тютчев был монархистом. Но это не мешало ему порою с большой остротой осознавать несоответствие между его представлением о монархии и ее конкретным воплощением в русском самодержавном строе. «В России канцелярия и казарма», «Все движется около кнута и чина», «Мы знали афишку, но не знали действия»¹, — в таких саркастических афоризмах выразил Тютчев свои впечатления от аракчеевского режима последних лет царствования Александра I. К концу 1829 года или началу 1830 года относится тютчевское стихотворное переложение одной из глав прозаических «Путевых картин» Гейне — о грядущем «прекрасном дне», когда воссияет «свободы солнце». Примечательно, что обычно Тютчев переводил только произведения, которые были чем-либо созвучны его думам и настроениям.

К «самовластью» Тютчев относился отрицательно, но вместе с тем не допускал мысли о возможности насильственного изменения русского самодержавного строя. Это явствует из его стихотворного отклика на восстание декабристов («14-е декабря 1825»). «Самовластье» отождествляется поэтом с «вечным полюсом», «железной зимой», но зато и выступление декабристов тут же расценивается как результат «безрассудной мысли».

В 1831 году в связи с подавлением польского восстания Тютчев, подобно Пушкину, дает отповедь «клеветникам России», причем «роковой удар» оправдывает не «кораном самодержавия», а некоей «таинственной метой», которая должна привести русский и польский народы к «общей свободе» («Как дочь родную на закланье...»). Сколь бы ни было туманно это понятие «общей свободы», ясно, что «кнут и чин», «зверство янычар», «чревобесие меча» претили сознанию поэта.

Июльская революция 1830 года во Франции была в глазах Тютчева свидетельством «наступления для Европы революционной эры»². Предчувствие, что Европа стоит на пороге грандиозных социальных потрясений, составляет с этого времени характерную черту тютчевского мироощущения.

¹ Дневник М. П. Погодина. Запись от 20—25 июня 1825 года. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I, СПб., 1888).

² Ср. И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева, М., 1886, с. 65.

В последние годы жизни Тютчева за границей его политические взгляды приобретают значительную близость к доктрине славянофилов. За несколько месяцев до своего возвращения на родину Тютчев выпускает в Мюнхене брошюру на французском языке «Письмо к г-ну доктору Густаву Кольбу» (впоследствии перепечатывалась под заглавием «Россия и Германия»). Посвященная взаимоотношениям царской России с германскими государствами, статья эта по существу является попыткой идеологического обоснования и оправдания ветшающей системы Священного союза. Но уже в этой статье Тютчев в противовес Западной Европе выдвигает Европу Восточную как особый мир, живущий своей самобытной исторической жизнью, где «Россия во все времена служила душою и двигательной силою».

Под впечатлением западноевропейских революционных событий 1848 года Тютчев задумывает большой философско-публицистический трактат «Россия и Запад». Сохранились лишь общий план этого трактата, две главы, обработанные в виде самостоятельных статей на французском языке («Россия и революция» — 1849 г., «Папство и римский вопрос» — 1850 г.)¹, и конспективные наброски остальных глав.

Как показывают эти статьи, Тютчеву стало ясно, что «Европа трактатов 1815 года» к этому времени уже перестала существовать, что ей не удалось «подавить революцию конституционными заклинаниями», ибо «революционное начало» слишком глубоко «проникло в общественную кровь». Ошибочно видя в революции только стихию разрушения, Тютчев ищет исход тому кризису, который колеблет мир, в реакционной утопии панславизма. При всем субъективном отращении поэта к «кнуту и чину» николаевская империя представляется ему «святым ковчегом» спасения посреди бурь, потрясающих западноевропейские страны (статья «Россия и революция»), незыблемым «утесом», о который расширяются «волны» революционного Запада (стихотворение «Море и утес» — 1848). Противопоставляя Россию Революции (он пишет слово «революция» с большой буквы), Тютчев подводит под это противопоставление религиозно-мистическое обоснование. Особенностью «нравственной природы» русского народа он считает его «способность к самоотвержению и самопожертвованию»; в силу этого свойства, а не только в силу господствующей в ней религии Россия «прежде всего

¹ Перепечатаны в «Сочинениях Ф. И. Тютчева» (СПб., 1886; СПб., 1900) и в Полн. собр. соч. Ф. И. Тютчева, изд. А. Ф. Маркса, СПб., 1912. Наброски к трактату «Россия и Запад» приведены в книге: И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева. М., 1886, с. 199—227.

христианская империя». Наоборот, определяющей чертой исторического развития западноевропейского буржуазного общества является, по мнению Тютчева, «апофеоз человеческого я». Воплощение этого «антихристианского» принципа Тютчев видит как в католицизме с его обожествлением власти папы, так и в революции. Отсюда им делается вывод о неизбежности столкновения между Россией и Западом и конечного торжества «России будущего». Эту «Россию будущего» Тютчев представляет себе в виде «всеславянской» империи. Реальная историческая действительность развеяла, как карточный домик, эту реакционную политическую фантазмагорию.

Жизнь Тютчева в Петербурге на первых порах проходит вне собственно литературной среды, в стороне от чисто литературных интересов. Характерно, что в 1847 году, встретившись с Жуковским и прослушав в его чтении отрывки из перевода «Одиссеи» Гомера, Тютчев писал жене: «Его Одиссея будет, действительно, величественным и прекрасным творением, и ему я обязан тем, что вновь обрел давно уже уснувшую во мне способность полного и искреннего приобщения к чисто литературному наслаждению»¹. В Петербурге о Тютчеве-поэте знают немногие. А между тем 1848 и особенно 1849 годы, когда, казалось, Тютчев весь был захвачен событиями политической жизни, отмечены новым подъемом его лирического творчества. Он пишет такие превосходные стихотворения, как «Неохотно и несмело...», «Когда в кругу убийственных забот...», «Слезы людские, о слезы людские...», «Русской женщине», «Как дымный столп светлеет в вышине...», «Святая ночь на небосклон взошла...», и др. Но поэт не предпринимает никаких попыток к их обнародованию. Для того чтобы он это сделал, требовался некий толчок извне.

И как раз в то самое время, когда после долгого перерыва Тютчев снова вернулся к поэтическому творчеству, Некрасов поместил в первом номере «Современника» за 1850 год большую статью, в значительной своей части посвященную разбору тютчевских стихотворений, печатавшихся еще в «Современнике» 1836—1840 годов. Правда, Некрасов в то время, по-видимому, не знал имени поэта, скрытого под инициалами «Ф. Т.» и «Ф. Т-в», не догадывался о том, что его разделяют с ним всего лишь несколько улиц одного города и что вдохновенный поэт слывет едва ли не самым блестящим остроумцем в петербургских светских гостиных, где никому и дела нет до его необыкновенного поэтического дара.

¹ Письмо от 17 августа 1847 года из Франкфурта-на-Майне. Подлинник по-французски. «Старина и новизна», кн. 18, Пг., 1914, с. 24 (курсив мой.— К. П.).

Содержание статьи Некрасова, отнесшего стихотворения «Ф. Т.» к «немногим блестящим явлениям в области русской поэзии», находится в кажущемся противоречии с ее заглавием — «Русские второстепенные поэты». Однако сам Некрасов оговаривается, что эпитет «второстепенные» употреблен им в качестве противопоставления «по степени известности» таким поэтам, как Пушкин, Лермонтов, Крылов и Жуковский, а не в смысле оценочном. И он, не обинуясь, причисляет «талант г. Ф. Т-ва к русским первостепенным поэтическим талантам», а в подтверждение справедливости своего мнения полностью перепечатывает двадцать четыре его стихотворения. Некрасов заканчивает статью пожеланием, чтобы привлекавшие его внимание стихи были переизданы отдельным сборником: «...мы можем ручаться, что эту маленькую книжечку каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения...».

Статья Некрасова побудила Тютчева преодолеть привычную «лень», на которую он любил ссылаться. Вслед за появлением некрасовской статьи ряд новых стихотворений Тютчева был напечатан в «Москвитянине» Погодина, «Киевлянин» Максимовича и «Рауте» Сушкова. В «Рауте» даже помещено было извещение о предстоящем выходе в свет отдельного издания стихов Тютчева. Издание это не осуществилось. Лишь в 1854 году в приложении к мартовскому выпуску «Современника» вышел первый сборник стихотворений Тютчева, а в майской книжке того же журнала появилось еще девятнадцать стихотворений. В том же году стихи Тютчева были выпущены редакцией «Современника» отдельным изданием, а в апрельском номере «Современника» вышла статья Тургенева «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева». Этой статьей Тургенев продолжил начатое Некрасовым открытие Тютчева — «одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина»¹.

Кроме стихотворений, перепечатанных из «Современника» 1836—1840 годов, в первом издании стихов Тютчева были помещены и ранее опубликованные оригинальные и переводные произведения поэта, а также около пятидесяти стихотворений конца сороковых — начала пятидесятых годов. Впервые был напечатан в издании 1854 года замечательный по своей психологической глубине цикл стихотворений, представляющий как бы лирическую повесть о любви поэта к Елене Александровне Денисьевой. Их «беззаконные» в гла-

¹ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. V, М.-Л., 1963, с. 423.

зах света отношения продолжались в течение четырнадцати лет. В 1864 году Денисьева умерла от чахотки. Не сумев оградить любимую женщину от «суда людского», Тютчев в страданиях, причиненных ей двусмысленным ее положением в обществе, винит прежде всего самого себя; к себе самому обращает он горький упрек:

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла.

Художественно-поэтическим выражением этой душевной драмы и является любовная лирика Тютчева пятидесятих—шестидесятых годов. Сам поэт, как видно по его стихам и письмам, сочетал в своем сердце эту «последнюю любовь» с привязанностью к жене, которую он называл своим «земным провидением».

Выход в свет в 1854 году первого издания стихотворений Тютчева был несомненно крупным событием тогдашней литературной жизни. Недаром Чернышевский собирался написать об этих «прекрасных» стихах отдельную статью¹. Сам поэт, однако, отнесся к своему литературному успеху в достаточной мере безучастно. Появление сборника созпало с грозными днями Крымской войны.

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное! —

писал Тютчев, поглощенный тревожными думами о будущем России.

Крымская война 1853—1856 гг. в полной мере обнаружила «гнилость и бессилие крепостной России»². Болезненно переживая дипломатические и военные поражения, понесенные в это время его родиной, поэт убеждается в том, насколько пагубна была для государственных интересов России вся внутренняя и внешняя политика царского правительства — та самая политика, которой он в конечном счете служил как дипломат и публицист. Еще недавно Тютчев обольщал себя мыслью, что самодержавная Россия — это «Великан — и Великан, хорошо сложенный»³. Теперь он не может отделаться от ощущения человека, запертого в карете, которая «катится по все более и более наклонной плоскости», и вдруг замечающего, что «на козлах нет кучера». Тютчев

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI, М., 1952, с. 28.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

³ Письмо Тютчева к С. С. Уварову от 20 августа 1851 года. См. 2-й том наст. издания.

потрясен «глупостью, подлостью, низостью и нелепостью» правительственных кругов, их несостоятельностью перед лицом испытания, постигшего страну. Он негодует на антипатриотическую беспечность петербургского общества, на его настойчивое стремление быть «изнанкой» Запада. Склонный ранее идеализировать личность Николая I, поэт провожает его в могилу гневной эпиграммой-эпитафией, в которой дает резкую оценку его деятельности («Не богу ты служил и не России...»). Тупости и бездарности высшего военного командования Тютчев с нескрываемым восхищением противопоставляет героизм, «воодушевление и самопожертвование простых солдат»¹. Тревожными думами о героических защитниках Севастополя и о будущем России проникнуты стихотворения «Вот от моря и до моря...» и «На Новый 1855 год». Славянофильская окраска не лишает подлинного лиризма и такие стихи Тютчева, как «Эти бедные селенья...» и «Над этой темною толпой...». В первом по-своему проникновенно и тепло прозвучала тема угнетенной рабством родины, во втором выразительно запечатлены те беды, которые принесло русскому народу крепостное право. Однако критическое отношение к русской социально-политической действительности, так ярко проявившееся в многочисленных письмах поэта, все же не нашло соответствующего отражения в его поэтическом творчестве.

В 1858 году Тютчев был назначен председателем Комитета иностранной цензуры. Незадолго до своего назначения он подал министру иностранных дел кн. А. М. Горчакову «Записку о цензуре в России»². Оглядываясь на недавнее прошлое, на цензурный гнет николаевского царствования, он писал: «...Нам было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма». В правительственных кругах, по мнению Тютчева, всегда существовало «какое-то предвзятое чувство сомнения и нерасположения» к писателям. Между тем Тютчев ставит в заслугу русской художественной литературе пятидесятых годов то, что «к живому сознанию современной действительности и часто к весьма замечательному таланту в ее изображении она присоединила не менее искреннюю заботливость о всех положительных нуждах, о всех интересах, о всех языках русского общества». В создавшихся условиях, как полагал

¹ Письмо Тютчева к жене от 11/23 декабря 1853 года. «Старина и новизна», кн. 18, Пг., 1914, с. 62 (ошибочно соединено с письмом от 24 ноября 1853 года).

² Помещена в «Сочинениях Ф. И. Тютчева» (СПб., 1886; СПб., 1890) и в Полн. собр. соч. Ф. И. Тютчева, изд. А. Ф. Маркса. Подлинник по-французски.

Тютчев, задачи правительства должны заключаться не в подавлении, а в направлении печати. Реальная действительность, однако, не замедлила показать поэту, что для правительства Александра II, как и для правительства Николая I, единственно приемлемым методом «направления» печати был метод полицейского преследования. Тютчев однажды очень образно определил сущность этого метода, сказав по поводу запрещения «Современника», что такой способ расправы напоминает ему «лечение зубной боли посредством удара кулаком»¹. Поэт не раз имел возможность убедиться в том, что, кроме явно официозных изданий, все органы печати, даже печати консервативной, не были застрахованы от подобных методов «лечения».

Занимая до конца своих дней должность председателя Комитета цензуры иностранной, Тютчев стремился, «не выходя из пределов закона ...постоянно соотнобразяться с разумом закона, требованиями века и общества»². Отчеты Тютчева свидетельствуют о постепенном из года в год сокращении числа запрещенных книг. Конечно, в понятие «требование века и общества» поэт вкладывал свое содержание. И тем не менее деятельность Тютчева-цензора (еще недостаточно изученная исследователями), принимая во внимание те условия, в которых она протекала, оправдывает характеристику, данную поэтом себе и своим сослуживцам, «державшим» при мысли «не арестантский, а почетный караул» («Веленью высшему покорны...»).

Пользуясь своим положением (в качестве председателя Комитета Тютчев являлся членом Совета Главного управления по делам печати) и связями (главным образом дружескими отношениями с Горчаковым), он не раз выступал в роли заступника изданий, подвергнутых цензурной каре или находившихся под угрозой преследования. Правда, издания, за которые ратовал поэт, были органами охранительного лагеря, но для поэта не было сомнения в том, что царская цензура вообще представляет собою не что иное, как «лицемерно-насильственный произвол». И борьба с таким произволом не раз приводила его к открытым столкновениям с начальством. Вот почему, несмотря на то, что вся общественно-политическая деятельность поэта отнюдь не была направлена на потрясение основ самодержавного строя, в правительственных кругах он пользовался репутацией фрондера и «либерала». Еще во время Крымской войны гр. Д. К. Нес-

¹ Письмо Тютчева к А. И. Георгиевскому (без даты). Центральный государственный архив литературы и искусства.

² Отчет Комитета цензуры иностранной за 1866 год. «Литературное наследство», вып. 19—21, 1935, с. 568.

сельроде, сын канцлера, в разговоре с братом жены поэта осуждал Тютчева за «оппозицию правительству». Позднее, когда министр народного просвещения Е. П. Ковалевский предложил Александру II назначить в Комитет по делам книгопечатания Тютчева, Тургенева и нескольких других литературных деятелей, царь отклонил это предложение словами: «Что твои литераторы? Ни на одного из них нельзя положиться»¹. И если Александр II терпел «литераторов» в рядах цензоров, так это потому, что он мог вполне «положиться» на следивших за ними Тимашевых и Шуваловых.

Сам Тютчев порою задыхался в окружавшей его придворно-бюрократической и светской среде. Л. Н. Толстой был прав, говоря о поэте, что он «хотя и был придворным (поэт имел звание камергера.— К. П.), но презирал придворную жизнь». В этом нетрудно убедиться, прочитав в настоящем издании те письма поэта, в которых он с нескрываемой иронией отзывался о своих обязанностях придворного. Э. Ф. Тютчева, жена поэта, писала впоследствии его биографу И. С. Аксакову, что, несмотря на кажущуюся любовь Тютчева к светскому образу жизни, «он все же никогда не был светским человеком в точном значении этого слова». В письмах поэт не раз жалуется на пустоту той жизни, которую он ведет. Однажды, с чувством горькой иронии, он признается: «...Третьего дня был вечер у княгини Юсуповой, где все, в том числе и я сам, разогорчили меня избытком невероятной глупости»².

Зоркий наблюдатель окружающей действительности, Тютчев остро ощущал гнилость и нравственную растленность старого мира. «...Если бы для государств и для отдельных личностей можно было ставить одинаковый диагноз,— пишет он в одном из писем,— то следовало бы опасаться, судя по некоторым симптомам изнуряющей нас болезни, что это начало размягчения мозга»³. Характеризуя придворно-аристократические круги как «накись русского общества», как «подделку под истинный народ», поэт неизменно противопоставлял им «настоящий народ». Он верил в то, что рус-

¹ Георгий Чулков. *Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева*, М.-Л., 1933, стр. 106; «Мурановский сборник», вып. I, 1928, с. 113.

² «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II, Гослитиздат, М., 1955, с. 221; письмо Э. Ф. Тютчевой к И. С. Аксакову от 20 апреля 1874 года (собр. К. В. Пигарева); письмо Тютчева к жене от 17 июля 1854 года (подлинник по-французски). «Старина и новизна», кн. 19, Пг., 1915, с. 124.

³ Письмо Тютчева к Е. Ф. Тютчевой от 23 ноября 1868 года. Центральный государственный архив литературы и искусства. Подлинник по-французски.

ский народ, несущий на своем теле многовековые «рубцы насилий и обид», таит в себе могучие нравственные силы — залог великого будущего.

Тютчев принадлежал к числу тех русских писателей, которых, при всем их различии между собой, объединяло, по словам Горького, «одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле»¹. Но, пытаясь представить себе это будущее, он глубоко ошибался в своих исторических прогнозах. Слабость Тютчева заключалась еще и в том, что он не пробовал искать для себя «животворной, воодушевляющей среды»² за пределами презируемого им самим общества.

В творчестве Тютчева шестидесятых — начала семидесятых годов преобладают политические стихотворения и мелкие стихотворения «на случай». Как бы иронически ни отзывался порою поэт о «беспольном и смешном пережевывании общих мест»³ панславизма, его политические стихотворения по-прежнему носят реакционно-славянофильский характер, чем и определяется их весьма относительное литературное значение. Исключением являются несколько стихотворений, объективный смысл которых шире вызвавшего их повода. Так, например, в стихотворном обращении к Вяземскому «Когда дряхлеющие силы...» (1866) Тютчев по своему откликается на острую в то время проблему «отцов и детей». Из его поздних политических стихов одно — «Славянам» («Они кричат, они грозятся...» — 1867) — не случайно цитировалось и перепечатывалось в годы Великой Отечественной войны: в нем поэт выражает уверенность в том, что братские славянские народы во главе с Россией смогут оказать отпор растущему германскому милитаризму. В этот же период Тютчевым создан был и ряд превосходных лирических стихотворений: «Как хорошо ты, о море ночное...» (1865), «Ночное небо так угрюмо...» (1865), «Как неожиданно и ярко...» (1865), «От жизни той, что бушевала здесь...» (1871).

Последние годы жизни Тютчева были омрачены тяжелыми утратами. В 1870 году умерли его старший сын Дмитрий и брат Николай, в 1872 году — младшая дочь Мария. Физические силы самого Тютчева слабели с каждым годом. Но вопреки его собственному горькому признанию: «Живая жизнь давно уж позади», — не угасал в нем острый интерес к окружающей действительности.

¹ А. М. Горький. Собр. соч., т. 24, М., 1953, с. 66.

² Выражение из письма Тютчева к И. С. Аксакову от 13 марта 1870 года. И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева, М., 1886, с. 185.

³ Письмо Тютчева к жене от 9 октября 1870 года. «Старина и новизна», кн. 22, Пг., 1917, с. 267.

События, совершающиеся в Западной Европе (франко-прусская война, объединение Германии, гражданская война 1871 года во Франции), привлекали к себе пристальное внимание поэта. С таким же интересом относился он и к русской общественно-политической жизни. В 1872 году Тютчев целыми днями просиживал на так называемом «нечаевском» процессе. Весной следующего года, прикованный к постели тяжелым предсмертным недугом, он диктовал пространные письма на политические темы. «Сделайте так, чтобы я хоть немного чувствовал жизнь вокруг себя» — с такими словами обращался поэт к своим близким, когда уже не дни, а часы его были сочтены¹.

Умер Тютчев 15 (27) июля 1873 года в Царском Селе и похоронен в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря.

Узнав о смерти Тютчева, Тургенев писал Фету: «Милый, умный, как день умный Федор Иванович, прости — прощай!»².

Внешне жизнь Тютчева казалась мало связанной с литературной жизнью его времени. Не примыкая ни к какому литературному течению, он, видимо, гораздо больше интересовался вопросами политики, чем вопросами литературы. Однако было бы ошибочным думать, что судьбы русской литературы были ему чужды. Ведь, по собственному его признанию, он одинаково горячо любил «отечество и поэзию».

По свидетельству мюнхенского сослуживца Тютчева И. С. Гагарина, за границей поэт часто беседовал с ним о Пушкине и его месте в русской поэзии. В сознании Тютчева Пушкин был лучшим выразителем «русского ума», стоящим «намного выше всех современных ему французских поэтов». Смерть Пушкина он пережил как общественное, народное горе («И осененный опочил хоругвью горести народной») и в чеканном и образном афоризме запечатлел не только свое, но и наше отношение к великому национальному поэту:

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

(«29-ое января 1837»)

Насколько дороги были Тютчеву судьбы русского просвещения вообще, можно судить и по его стихотворению памяти М. В. Ломоносова («Он, умирая, сомневался...») (1865).

¹ И. С. Аксаков. Биография Ф. И. Тютчева, М., 1886, с. 316.

² А. А. Фет. Мои воспоминания, ч. II, М., 1890, с. 279.

В Ломоносове поэт чтит самоотверженного борца за национальную самобытность русской культуры.

Отлично владевший французским языком, который в значительной степени был для него, как и для многих представителей светско-аристократического круга, бытовым, домашним языком, Тютчев, русский поэт, умел понимать и ценить богатые возможности своего родного языка. Однажды, обращая внимание жены на стихи Вяземского «Ночь в Венеции», поэт писал: «Своей нежностью и мелодичностью они напоминают движение гондолы. Что это за язык — русский язык!» «Чуткостью к русскому языку» поразил Тютчев молодого Л. Н. Толстого, разговаривая с ним в 1856 году о только что вышедших «Севастопольских рассказах»¹. Та же чуткость к многообразным оттенкам родной речи сказывается в тех поправках, подчас на первый взгляд незначительных, которые Тютчев вносил в собственные стихи.

Долгое время было широко распространено совершенно неверное представление о Тютчеве как о приверженце теории «чистого искусства». Это представление находится в противоречии с фактами творческой биографии поэта и основано на одностороннем понимании отдельных мотивов его творчества.

Глубоко знаменательно, что в своей борьбе с этой реакционной теорией великие революционно-демократические критики Чернышевский и Добролюбов никогда не относили Тютчева к числу представителей «чистой» поэзии. Мало того: «чистому» лирику Фету Добролюбов противопоставлял именно Тютчева как поэта, чей талант раскрывается отнюдь не в «уловлении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы», но которому «доступны, кроме того,— и знойная страстность, и суровая энергия, и глубокая дума, возбуждаемая не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни»².

В этой оценке тютчевского творчества Добролюбов подчеркнул основное, что отличало Тютчева от ревнителей теории искусства для искусства,— острое чувство социально-исторической действительности, пронизывающее его раздумья, склонность к философским обобщениям, тонкий психологизм и лирический пафос.

Ощущение того, что мир находится накануне грандиозных исторических потрясений, несущих с собой крушение

¹ Письмо Тютчева к жене от 16/28 ноября 1853 года. Подлинник по-французски. «Старина и новизна», кн. 18, Пг., 1914, с. 58; А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, с. 182—183.

² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 2., М., 1952, с. 176.

привычных социальных устоев и религиозных верований, с особенной силой овладело Тютчевым после 1830 года, явившегося в его глазах началом революционной эры в Европе. Исторические катаклизмы приковывали к себе настороженное внимание поэта. Ему принадлежат знаменитые строки:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призывали всеблагие,
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель...

(«Цицерон»)

Всю жизнь Тютчев не устал быть жадным зрителем этих «высоких зрелищ», настойчиво пытавшимся разгадать исторический смысл происходящего.

Эпоха «бурь гражданских и тревоги» и была той социально-исторической почвой, на которой развивалось лирическое творчество Тютчева.

Поэзия Тютчева полна мысли, это философская поэзия. Однако Тютчев прежде всего был художником. В поэтические образы он облакал лишь то, что было передумано и перечувствовано им самим. Сущность его творческого процесса прекрасно определил И. С. Тургенев: «...каждое его стихотворение начиналось мысляю, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления; вследствие этого, если можно так выразиться, свойства происхождения своего, мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно»¹.

В 1836 году Тютчев писал о стихах Бенедиктова: «В них есть вдохновение и, что служит хорошим предзнаменованием будущего, наряду с сильно выраженным идеалистическим началом, наклонность к положительному, вещественному и даже чувственному. Беды в этом нет... Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле»².

Эти строки важны для нас не оценкой творчества поэта, значение которого Тютчев, конечно, преувеличил, а выраженной в них мыслью о том, что составляло в его глазах основную сущность поэзии, залог ее роста и процветания.

¹ «Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева». И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. V, М.-Л., 1963, с. 426.

² Письмо к И. С. Гагарину от 3 мая 1836 года. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 120. Подлинник по-французски.

Поэзия самого Тютчева, раскрывающая «целый мир» мыслей и чувств, корнями своими связана с «землей» — и в этом ее сила. Тютчев недаром называл себя «верным сыном» «матери-Земли» и в пламенных стихах высказывал свою любовь к ней («Нет, моего к тебе пристрастья...»). Эта любовь к жизни, любовь к «настоящему» прошла через всю жизнь и через все творчество поэта. Ему были ведомы минуты «земного самозабвения», почти физическое ощущение «преизбытка» жизни. Не случайно так много стихов — и притом самых радостных, самых жизнеутверждающих из всего им написанного — посвятил он весне. Таково проникнутое бодрим, мажорным настроением «Весеннее приветствие стихотворцам» — «Любовь земли и прелесть года...», таковы с детства знакомые каждому из нас ликующие строфы «Весенней грозы» и «Весенних вод», поэтическое описание пробуждения природы и одновременного пробуждения души человека в стихотворении «Еще земли печален вид...», изображение победы весны над зимою, нового над старым, жизни над смертью — в стихотворении «Зима недаром злится...», такова торжественная ода «Весна» («Как ни гнетет рука судьбины...»).

Но ни в одном из стихотворений Тютчева «жизни преизбыток» не нашел, пожалуй, такого ясного и светлого выражения, как в стихотворении «Я помню время золотое...». На нем лежит яркий отблеск того молодого, быть может впервые пробудившегося чувства, под влиянием которого чистый облик возлюбленной поэта совершенно естественно приобретает в его воображении воздушные черты «младой феи». Стихи проникнуты большой психологической и художественной правдой. Впечатления от внешнего мира органически слиты в них с душевными ощущениями лирических героев:

И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

То, что вспоминается в этом стихотворении, происходит весной, когда яблони осыпаны цветом, когда день долог, а ночи коротки. Но поэту кажется, что солнце нарочно «медлит» зайти, чтобы дать себе время налюбоваться на юную красавицу.

Все стихотворение дышит «настоящим», «счастливым днем», не затуманенным мыслью о будущем. Даже упоминание в последних строках о скоротечности жизни не омрачает общей безмятежной настроенности этих стихов:

И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Тот же образ — жизнь-тень — возникает впоследствии в другом стихотворении Тютчева, но уже лишается прежней, ничем не нарушаемой беззаботности:

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь,— промолвила ты мне,—
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

И, сколь ни парадоксальным может показаться такое утверждение,— чем сильнее испытывал поэт любовь к «матери-Земле», тем острее и мучительнее осознавалась им мимолетность человеческого бытия.

Сам поэт настолько любил «землю», что ему хотелось бы остановить время: «О время, погоди!» («Так в жизни есть мгновения...»). Для романтика Жуковского и поэтов его школы воспоминание было источником сладостных душевных переживаний, заменой утраченного. Иным было воспоминание для Тютчева:

Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Надежда на «лучший, неизменный свет», на свиданье «там» с теми, кого потерял «здесь», примиряла Жуковского с жизненными несчастьями. Не таков был Тютчев. В душе поэта, по собственному его образному выражению, клокотал настоящий «бунт против смерти». «Ах, она мне на земле нужна, а не там где-то»,— писал он после смерти Е. А. Денисьевой. Страшнее всего кажется поэту то, что самые дорогие воспоминания постепенно теряют свою остроту, «вымирают» в душе:

Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Тютчев знает: жизнь торжествует над увяданием, над старостью, над смертью. Даже в минуты сокрушающего его горя, у постели умирающей любимой женщины («Весь день она лежала в забытии, //и всю ее уж тени покрывали...»), «убитый, но живой», он различает за окном «веселый» (не унылый, а именно «веселый») шум летнего дождя:

Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

Среди стихотворений Тютчева заграничного периода есть одно, которое представляет собою как бы поэтическую

зарисовку с натуры—«И гроб опущен уж в могилу...». В этом стихотворении раскрытой могиле, «пристойной» речи «сановитого» пастора, толпе, «различно» занятой происходящим, поэт противопоставляет голубую бездну неба и «голосистый» хор птиц, славящий жизнь.

В сравнении с мимолетностью человеческого существования единственной живой реальностью представлялась Тютчеву природа—«Великая Мать». Каждая новая весна так же молода, как и ее предшественница: «Бессмертьем взор ее сияет // И ни морщины на челе». Перед лицом этого постоянно обновляющегося внешнего мира человек, на каждом шагу своего бытия сталкивающийся с непреложным законом времени, не более как «злак земной», «мыслящий тростник», «беспомощное дитя», «грёза природы». Эти настроения звучат не только в стихах Тютчева, но и в его письмах, порою как бы объединяя их общностью тона.

Поэт не раз признается своим близким, что его неотвязно преследуют и стали для него «привычными» ощущения «внутренней тревоги» и «чувство тоски и ужаса». Время, кладущее неизгладимые морщины на любимые черты, пространство, разделяющее людей и отдающее их во власть времени, и, наконец, смерть—равно могущественные и враждебные человеку силы в глазах Тютчева. Именно они заставляют его «с такой болезненной живостью и настойчивостью» испытывать «сознание непрочности и хрупкости всего в жизни». Это возраставшее с годами ощущение скоротечности бытия сочеталось у поэта с отчетливым сознанием обреченности действительности, чреватой потрясениями и бурями. Бросается в глаза близость образов, которыми в своих стихах и письмах пользуется Тютчев для передачи подобных настроений (бездна, пропасть, вулкан, оторванная от берега льдина и т. п.).

Поэтическое творчество Тютчева отражает «страшное раздвоение» человека, посетившего «сей мир в его минуты роковые». При этом тревожное, мятущееся мироощущение поэта как бы противостоит его консервативному мировоззрению. «Минуты роковые» истории—его стихия. Недаром они отражались в его поэзии резкими творческими взлетами. Так было и в 1830 и в 1848—1849 годах. И речь здесь идет не о непосредственных откликах Тютчева на политические события этих лет, но о том, что именно грозы современности вызывали в нем творческий подъем.

«Обломок старых поколений», обреченный уступить дорогу «новому младому племени», поэт не испытывает малодушного желания бежать от «бурь гражданских и тревоги». Наоборот, когда прежняя «твердая и непоколебимая почва»

содрогается от гула социальных землетрясений, он — говоря его же словами —

...чутким ухом

Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом...

(«Безумие»)

Но это чувство истории не мешало поэту переживать настроения человека, идеологически еще крепко связанного со старым миром, не мешало ему сознавать самого себя человеком «заката», не избавляло его от щемящих мук сиротства и одиночества. С предельной прямоотой раскрывает Тютчев, почему именно тягостны и «ненавистны» ему «багровые» лучи «младого пламенного дня»:

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

(«Как птичка, раннею зарей...»)

Но, как бы ни было тягостно сознавать себя «полусонной тенью», поэт предостерегает себя и своих сверстников

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознанья,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед.

(«Когда дряхлеющие силы...»)

Своеобразным отражением социально-исторического мировосприятия поэта, отчетливого ощущения непрочности окружающей действительности, колеблемой «бурями» и «тревогами», и двойственного отношения к ней — притяжения и отталкивания — являются космические темы и образы тютчевской философской лирики.

В основе мироздания, по глубокому убеждению Тютчева, лежит «древний хаос». «Внешний мир» — это только «златотканый покров», накинутый на «безымянную бездну». Ночь, являющаяся в глазах Тютчева разоблачением хаоса, одновременно и страшит и манит к себе поэта. Подобно тому как в «минуты роковые» истории он напряженным взором ста-

рается уловить сокровенный смысл ее «высоких зрелищ», так ночью, когда ему кажется, что он стоит «на краю земли», «немощен и гол, лицом к лицу пред пропастью темной», он стремится заглянуть в бездонные тайники космической жизни. И, как пушкинский Вальсингам, герой «Пира во время чумы», Тютчев умел обретать «неизъяснимы наслажденья» в бездумных сетованиях полночного ветра, «в одичалой бездне вод», «Среди громов, среди огней, // Среди клокочущих страстей // В стихийном, пламенном раздоре» — всюду, где оживал, «шевелился» и рвался наружу «родимый хаос». В этом влечении Тютчева к изображению «стихийных споров» в природе и в человеческой душе — одна из отличительных особенностей его лирики, обусловленная все той же привычной для мироощущения поэта «внутренней тревогой».

Многое в поэтике Тютчева на первый взгляд может показаться традиционным. Не он один, например, любил сопоставлять то или иное явление природы с душевным состоянием человека. Но в то время, как у других подобный прием сравнения или уподобления был всего лишь образительным средством, и притом одним из многих, у Тютчева он вытекал из самых глубин его мировосприятия и был без преувеличения основным.

Тютчев обладал на редкость живым и непосредственным чувством природы. В некоторых стихотворениях, говоря о ней, он пользуется готовыми мифологическими образами («Весенняя гроза», «Полдень»). Однако от них не только не веет архаическим холодком, но они даже приобретают под его пером какую-то новую жизненность. Охотно прибегает Тютчев к олицетворениям, нередко переходящим в своего рода мифологизацию образов и явлений природы («Летний вечер», «Весенние воды»). Но и в тех стихах, где нет ни мифологических образов, ни явных олицетворений, природа рисуется им как некое одушевленное целое. И это опять-таки не просто художественный прием. Только поэт, действительно веривший в таинственную жизнь природы, мог с такой страстностью и убежденностью утверждать:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Представлением о всеобщей одушевленности природы порождены характерные тютчевские образы. У него полдень «лениво дышит», небесная лазурь «смеется», осенний вечер озарен «кроткой улыбкой увяданья», солнечный луч будит спящую девушку «румяным, громким восклицаньем».

Тютчева принято называть «певцом природы». Таким он предстает перед нами и тогда, когда стремится философски осмыслить жизнь вселенной, и тогда, когда пишет как бы небольшие «этюды с натуры», запечатлевая в них конкретно-зримые приметы внешнего мира («Вечер», «Утро в горах», «Успокоение», «Песок сыпучий по колени...»).

Некрасов поставил в особую заслугу Тютчеву «живое, грациозное, пластически-верное изображение» внешнего мира и указал на умение поэта подмечать в нем «именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собою данная картина»¹. Достигает этого Тютчев различными художественными средствами.

Зоркость художника поэт обнаруживает уже в стихах заграничного периода. Зрительное впечатление от сгущающихся сумерек очень точно передается им в строках:

И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слились тень.

(«Песок сыпучий по колени...»)

Но в не меньшей степени обладал он и тонкостью слуха. По мере того как потухает день, отчетливей становятся звуки природы, и поэт подчеркивает это, говоря:

День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

(«Я помню время золотое...»)

С годами эта чуткость к конкретным деталям заметно усиливается в лирике Тютчева, отражая общее движение русской поэзии от романтизма к реализму. Наблюдая летнюю бурю, поэт не только видит, как гнутся «лесные исполины», но подмечает и «первый желтый лист», который «крутясь, слетает на дорогу» («Как весел грохот летних бурь...»). В жаркий августовский день улавливает «медовый» запах, доносящийся с «белеющих полей» гречихи («В небе тают облака...»). В «короткую, но дивную пору» наступающей осени любителю блестящим на сжатой полосе «тонким волосом» паутины («Есть в осени первоначальной...»). Поздней осенью, когда небо становится «бледнее», а доли «пасмурнее», ощущает дуновение «теплого и сырого» ветра, напоминающего о весне («Когда в кругу убийственных забот...»).

Усиление внимания поэта к конкретно-зрительной передаче впечатлений от картин и явлений природы с большой

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, с. 205.

наглядностью явствует из следующего примера. У Тютчева есть два стихотворения, в которых описывается надвигающаяся гроза: «В душном воздуха молчанье...» и «Неохотно и несмело...». Первое относится к 1830-м годам, второе — к 1849 году. В обоих упоминается о молнии. Но в первом стихотворении она, в сущности, только называется («Небо молнией летучей// Опоясалось кругом»), а во втором поэт находит для нее очень меткое цветковое определение:

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Такое усиление внимания к передаче не только зрительной, но и звуковой стороны явления природы может быть прослежено на примере творческой работы поэта над текстом одного из самых прославленных его стихотворений — «Весенняя гроза».

Написано оно в конце двадцатых годов и тогда же напечатано в такой редакции:

Люблю грозу в начале мая:
Как весело весенний гром
Из края до другого края
Грохочет в небе голубом!

С горы бежит ручей проворный,
В лесу не молкнет птичий гам;
И говор птиц и ключ нагорный —
Все вторит радостно громам!

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Через двадцать лет Тютчев подвергает это стихотворение существенной переработке.

Введение в третьей строке окончательного текста метафоры «Как бы резвяся и играя» сделало ненужным в предыдущей строке эпитет «весело», и поэт устраняет его («Когда весенний, первый гром»).

После первой строфы Тютчев вставляет отсутствовавшие в первоначальной редакции четыре строки:

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

Эти строки обогатили картину грозы теми зрительно-конкретными образами, которых в ней недоставало.

В третьей строфе переработка сводится к уточнению ряда образов, к придаче им большей обобщенности, к подчеркиванию повторами отдельных слов и звуков стремительности ритмического движения строфы:

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Тютчев по справедливости считается мастером «пейзажа в стихах». Но сравнительно редко пейзаж дается поэтом сам по себе. Поэту в высокой степени доступна передача эмоционального ощущения, вызываемого в человеке явлениями внешнего мира. Именно поэтому каждую весну Л. Н. Толстой повторял тютчевские строфы: «Как ни гнетет рука судьбины...», а Некрасов писал по поводу стихотворения «Весенние воды»: «Читая их, чувствуешь весну, когда сам не знаешь, почему делается весело и легко на душе, как будто несколько лет свалилось долой с плеч...»¹.

Гораздо чаще образы природы служат поэту для воплощения его дум о человеке. Нередко двойной смысл стихотворения — прямой, связанный с миром природы, и переносный, иносказательный, связанный с внутренним миром человека, — подчеркивается самой композицией. Так, например, в стихотворении «Поток сгустился и тускнеет...» образ застывшего «под твердым льдом» потока, на дне которого продолжает журчать ключ, переносится во второй строфе на «убитую хладом бытия» человеческую душу, «подо льдистой корой» которой по-прежнему бьются жизненные силы. Совершенно так же, в виде своего рода композиционно-смысловой параллели, построены такие стихотворения, как «Еще земли печален вид...», «Фонтан», «Как неожиданно и ярко...». В других стихотворениях оба плана настолько слиты друг с другом, что составляют единое целое («В душном воздуха молчанье...», «Как дымный столп светлеет в вышине!...», «Дума за думой, волна за волной...»). В некоторых же случаях, когда на первый взгляд Тютчев дает только эмоционально окрашенный «пейзаж в стихах» («Что ты клонишь над водами...», «Обвеян вещею дремотой...»), аналогии с человеком невольно возникают в сознании читателя. При этом в стихотворении «Обвеян вещею дремотой...» сам поэт последней строфой наталкивает нас на сравнение солнечного луча, оза-

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, с. 208.

рившего осеннюю «изнуренную» листву деревьев, с «немощной» и «хилой» улыбкой увядающего живого существа. Смысловой подтекст стихотворения «Что ты клонишь над водами...» может быть различным, но символический характер самого образа склоненной ивы очевиден.

Прочитав впервые «Записки охотника» Тургенева, Тютчев дал им такую оценку: «Редко встречаешь в такой мере и в таком полном равновесии сочетание двух начал: чувства художественности и чувства глубокой человечности. С другой стороны, не менее поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного, и сокровенного природы со всей ее поэзией»¹. Сказанное в этих строках о Тургеневе с полным правом может быть отнесено к поздней лирике самого Тютчева. Явно усиливается в творчестве поэта «чувство глубокой человечности», или, иначе сказать, гуманистическое начало.

Глубоким сочувствием к людям согреты такие стихотворения Тютчева, как «Слезы людские, о слезы людские...» и «Пошли, господь, свою отраду...». Потоки беспросветного осеннего дождя сливаются в художественном восприятии поэта со столь же «неисчислимыми» и «безвестными» людскими слезами, а вид «бедного нищего», бредущего в летний зной вдоль решетки недоступного для него сада, вызывает по контрасту образ «гостеприимной сени» деревьев и «росистой пыли» фонтана, наводит на мысль о человеческом одиночестве, человеческой отверженности.

В некоторых стихотворениях гуманизм поэта непосредственно связан с реальными историческими условиями и событиями русской действительности.

Таково прежде всего стихотворение «Русской женщине», которое Добролюбов привел в своей статье «Когда же придет настоящий день?», указав на то, что эти «безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещения поэта» в мертвящей атмосфере крепостнической России сбываются «так постоянно и беспощадно... над самыми лучшими, избранными натурами»².

Жизнь человека в представлении Тютчева всегда «борьба», «бой», «подвиг». Эта борьба часто «отчаянна» и «безнадежна», бой «жесток» и «неравен». Однако потому-то и велик подвиг «непреклонных сердец», что они гибнут, не одолев «рока», но внутренне устояв перед ним. В самой гибели их таится для поэта жизнеутверждающее начало («Два голоса»).

¹ Письмо к Э. Ф. Тютчевой от 16/28 ноября 1853 года. Подлинник по-французски. «Старина и новизна», кн. 18, Пг., 1914, с. 58.

² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 3, М., 1952, с. 67.

Мотив жизни-борьбы с большой трагической силой раскрывается и в любовной лирике Тютчева, через которую проходит ярко индивидуализированный и глубоко человеческий образ женщины, «Так пламенно, так горячо любившей// Наперекор и людям и судьбе». Образ этот намечается еще в ранних стихах Тютчева. Уже в стихотворении «К Н.» («Твой милый взор, невинной страсти полный...»), «чистый огонь» женского взгляда противопоставлен «сердцам, в которых правды нет» и которых этот взор не может «умилостивить». С этими стихами перекликается позднейшее стихотворение «Как ни бесилося злоречье...»: здесь опять-таки «безоблачная душа» женщины оказывается сильнее «глупых сплетней, злых речей» и даже самой черной клеветы. Любовь как земная испепеляющая страсть изображается в стихотворениях Тютчева тридцатых годов — «Итальянская villa», «С какою негою, с какой тоской влюбленный...» и «1-ое декабря 1837» («Так здесь-то суждено нам было...»), которые по своему трагическому тону предвосхищают цикл стихов, навеянных «последней любовью» поэта. Вместе с тем именно в любовных стихах пятидесятых—шестидесятых годов лирический женский образ получает свое наиболее законченное развитие. Он возникает перед читателем во всей сложности своих внутренних переживаний («Не говори: меня он, как и прежде, любит...», «Чему молилась ты с любовью...»), во всей конкретности своей судьбы («О, как убийственно мы любим...», «Не раз ты слышала признание...», «Весь день она лежала в забытии...»). В этих стихотворениях, заключающих гениальные по своей психологической силе обобщения личного душевного опыта, поэт достигает полного «равновесия» художественной правды и чувства «глубокой человечности», столь ценимого им самим в искусстве.

Человечность, дышащая в стихах Тютчева и находящая в них различные формы художественного воплощения, находится в явном противоречии с представлением о нем как о крайнем индивидуалисте, замыкавшемся в своем внутреннем мире. Стремление уйти от «бесчувственной толпы», от «бессмысленного народа», которое порою испытывал поэт, отнюдь не свидетельствовало о пренебрежении или презрении его к человеку. «Все пошлое и ложное» в людях, «бесмертная пошлость», стирающая в человеке человеческое, — вот что было неприемлемо для Тютчева и от чего подчас он отгораживался в своем молчаливом одиночестве («Silentium!», «Душа моя, Элизиум теней...»).

Часто обращают внимание на неоднократные повторения в творчестве Тютчева одних и тех же тем; мотивов и образов. Но стоит лишь сравнить такие близкие по своему содержанию стихотворения, как «День и ночь» и «Святая ночь

на небосклон взошла...», «Через ливонские я проезжал поля...» и «От жизни той, что бушевала здесь...», «Не остывшая от зною...» и «Ночное небо так угрюмо...», как станет ясным, что поэзию Тютчева нельзя назвать ни однообразной, ни монотонной.

Невольно вспоминается то, что писал в своей статье о Тютчеве Фет: «Два года тому назад, в тихую осеннюю ночь, стоял я в темном переходе Колизея и смотрел в одно из оконных отверстий на звездное небо. Крупные звезды пристально и лучезарно глядели мне в глаза, и по мере того как я всматривался в тонкую синеву, другие звезды выступали передо мною и глядели на меня так же таинственно и так же красноречиво, как и первые. За ними мерцали во глубине еще тончайшие блески и мало-помалу всплывали в свою очередь. Ограниченные темными массами стен, глаза мои видели только небольшую часть неба, но я чувствовал, что оно необъятно и что нет конца его красоте. С подобными же ощущениями раскрываю стихотворения Ф. Тютчева»¹.

Действительно, несмотря на близость между собою отдельных стихотворений Тютчева, исключительная насыщенность мыслью и совершенство ее художественного выражения делают книгу его стихов одним из замечательнейших явлений русской поэзии.

Тонкий мастер, Тютчев не стремится блеснуть внешними эффектами и изысканностью формы. Основным стихотворным размером, которым пользовался поэт, был ямб. Чаще всего это ямб четырехстопный, реже пятистопный, еще реже смешанный; другие виды ямба обнаруживаются у Тютчева лишь в единичных случаях. Наряду с ямбом поэт охотно обращается к четырехстопному хорею. Однако при таком сравнительно ограниченном выборе двухсложных размеров Тютчев придает им большое ритмическое разнообразие. Трехсложные размеры у Тютчева крайне редки. Анапест, например, встречается у него лишь в отдельных строках написанного амфибрахием стихотворения «Сон на море» и в своеобразной метрической ткани стихотворения «Мотив Гейне» («Если смерть есть ночь, если жизнь есть день...»), где каждая строка делится цезурой на два полустипия, в которых первая стопа — анапест, а вторая — ямб. Тютчев вообще нередко прибегает в своих стихах к метрическим перебоям, но его отступления от основного размера внутренне обоснованы, оправданы смыслом. Так, например, лишние безударные слоги, перебивающие во второй, четвертой и восьмой строках четырехстопный ямб стихотворения «Последняя любовь», придают ему тем большую ритмическую вырази-

¹ «Русское слово», 1859, февраль, отд. II, с. 67—68.

тельность, что она находится в полном соответствии с содержанием:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Чисто смысловое значение приобретает у Тютчева и такой стихотворный прием, как внутренняя рифма. Не определяя собою строфической формы стихотворения, она лишь подчеркивает тот или иной оттенок содержания. В стихотворении «Cache-cache», например, неожиданное появление внутренней рифмы в последней строке четвертой строфы усиливает беспечно-игривый тон стихотворения:

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

В стихотворении «Слезы людские, о слезы людские...», не ограничиваясь рифмовкой в смежных строках слов «незримые» и «неисчислимы», поэт вводит еще в качестве дополнительной, внутренней рифмы слово «неистощимые». В результате такого повторения подряд трех многосложных рифм стихотворение приобрело отпечаток безысходной грусти:

Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые...

Столь же оправдан у Тютчева внутренним содержанием и такой прием художественной изобразительности, как звукопись. Насколько мастерски пользовался Тютчев языком звуков, можно судить, например, по его знаменитому стихотворению «Весенняя гроза», где сами звуки напоминают читателю о резвых раскатах грома, или по замечательному стихотворению «Как хорошо ты, о море ночное...», весь ритм которого, подчеркнутый аллитерациями и ассонансами, вызывает слуховое ощущение грохочущей и движущейся морской стихии. В названных стихотворениях, которым не уступают по мастерству инструментовки и многие другие, например: «Тени сизые смешались...», «Море и утес» — только нагляднее и резче обнаруживаются те приемы звукописи, которые могут быть прослежены и в некоторых отдельных

строках тютчевских стихотворений (например, сочетание взрывного «п» и плавного «л» в строке: «Как *пляшут* пылинки в полдневных лучах»).

Поэзия Тютчева, как и многие другие выдающиеся литературные явления прошлого, далеко не сразу получила всеобщее признание. «О Тютчеве не спорят,—заявлял Тургенев,—кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии»¹. Самая запальчивость этого заявления уже была свидетельством того, что о Тютчеве спорили. В высшей степени интересно признание Л. Толстого: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта...» Впоследствии раздавались голоса, относившие Тютчева к числу поэтов-дилетантов и даже «посредственностей». Эти голоса сыграли свою роль. Тютчев в последней трети XIX века оказался основательно забытым поэтом. И не кто иной, как тот же Л. Н. Толстой, говоря однажды о Тютчеве, сетовал: «Его все, вся интеллигенция наша забыла... он, видите, устарел, он не шутит с музой, как мой приятель Фет. И все у него строго: и содержание и форма»².

Из этого забвения в середине девяностых годов Тютчева извлекли символисты. Они подняли его на щит, как «учителя поэзии для поэтов», стараясь «приблизиться к совершенству им созданных образцов»³.

Однако восприятие тютчевского наследия символистами носило в значительной степени внешний характер, ограничивалось вариациями отдельных и далеко не основных мотивов его лирики и заимствованием у него приемов и форм их выражения. В истолковании поэзии Тютчева символистами было немало субъективного, одностороннего и внеисторичного. Глубоко ложное представление о нем как о родоначальнике декадентов показывало, насколько чужда оставалась символистам основная сущность тютчевского творчества.

Внутренне ближе другим Тютчеву был только один представитель символизма, сумевший, однако, преодолеть эстетско-формалистическую ограниченность и политическую реакционность этого течения, крупнейший поэт дореволюци-

¹ Письмо Тургенева к А. А. Фету. А. А. Фет. Мои воспоминания, ч. I, М., 1890, с. 283.

² «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I, Гослитиздат, М., 1955, с. 413, 273.

³ В. Я. Брюсов. Ф. И. Тютчев, критико-биографический очерк. Полн. собр. соч. Ф. И. Тютчева, изд. А. Ф. Маркса, с. XI, VI—XI, VII.

онной России — Александр Блок. Ему, как и Тютчеву, свойственна была «безумная любовь» к жизни наряду с трагическим восприятием реальной действительности, «неотступное чувство катастрофы», вызванное ощущением непрочности и обреченности старого мира, постоянная «внутренняя тревога», пронизывающая его творчество и в конечном счете обусловленная «революционными предчувствиями».

Блок утверждал, что историческая эпоха внушает поэту, способному ее чувствовать, даже «ритм и размеры стихов». Поэзия Тютчева оправдывает это тонкое замечание. Ее тревожные тона и оттенки с необыкновенной выразительностью отражают тяготение поэта не только к изображению «стихийных споров» в природе и в истории, но и к воспроизведению их ритмов.

Время, отбросив все случайное и наносное в истолковании поэзии Тютчева, оправдало оценку, данную его творчеству Некрасовым, Тургеневым, Добролюбовым. Его стихотворное наследие получило широкое и достойное признание.

Еще в 1918 году, в первый год существования молодого Советского государства, Совет Народных Комиссаров постановил воздвигнуть памятники выдающимся деятелям русской и мировой культуры. В приложенный к этому постановлению и утвержденный В. И. Лениным список имен включено было и имя Тютчева¹. Память поэта была ознаменована в 1920 году открытием мемориально-литературного музея его имени в подмосковной усадьбе Тютчевых Муранове.

В наши дни о Тютчеве более «не спорят». Его изучают и — что гораздо важнее — читают. Советский читатель хранит в золотом фонде русской классической литературы лучшие достижения этого лирика-мыслителя, вдохновенного и вдумчивого певца природы, тонкого и проникновенного выразителя человеческих чувств и переживаний. Именно теперь в полной мере подтвердились слова Некрасова, «ручавшегося» за то, что небольшую книгу тютчевских стихов «каждый любитель отечественной литературы поставит в своей библиотеке рядом с лучшими произведениями русского поэтического гения»².

К. Пигарев

¹ «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР». «Известия» от 2 августа 1918 года.

² Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, с. 221.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Неверные преодолев пучины,
Достиг пловец желанных берегов;
И в пристани, окончив бег пустынный,
С веселостью знакомится он вновь!..
Ужель тогда челнок свой многомогущий
Восторженный цветами не увьет?..
Под блеском их и зеленью роскошной
Следов не скроет мрачных бурь и вод?..

И ты рассек с отважностью и славой
Моря обширные своим рулем,—
И днесь, о друг, спокойно, величаво
Влетаешь в пристань с верным торжеством.
Скорей на брег — и дружеству на лоно
Склони, певец, склони главу свою —
Да ветвию от древа Аполлона
Его питомца я увью!..

14 сентября 1820

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.

От лиры искры побежали
И вседряющею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

1820(?)

ВЕСЕННЕЕ ПРИВЕТСТВИЕ СТИХОТВОРЦАМ

Любовь земли и прелесть года,
Весна благоухает нам! —
Творенью пир дает природа,
Свиданья пир дает сынам!..

Дух силы, жизни и свободы
Возносит, обвевае нас!..
И радость в сердце пролилась,
Как отзыв торжества природы,
Как бога животворный глас!..

Где вы, Гармонии сыны?..
Сюда!.. и смелыми перстами
Коснитесь дремлющей струны,
Нагретой яркими лучами
Любви, восторга и весны!..

О вы, чей взор столь часто освящен
Благоговения слезами,
Природы храм отверст, певцы, пред вами!
Вам ключ к нему поэзией вручен!

В парении своем высоком
Не изменяйтесь никогда!..
И вечная природы красота
Не будет вам ни тайной, ни упреком!..

Как полным, пламенным расцветом,
Омытые Авроры светом,
Блистают розы и горят —
И Зефир — радостным полетом
Их разливает аромат,—

Так разливайся жизни сладость,
Певцы, за вами по следам!
Так похвай ваша, други, младость
По светлым счастья цветам!..

<Апрель 1821>

А. Н. М<УРАВЬЕВУ>

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников — их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь — сам опыт в том порукой,—
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье — веселей,
Чем наяву — томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

ПОСЛАНИЕ К А. В. ШЕРЕТЕВУ

Насилу добрый гений твой,
Мой брат по крови и по лени,
Увел тебя под кров родной
От всех маневров и учений,
Казарм, тревог и заточений,
От жизни мирно-боевой.
В кругу своих, в халате, дома
И с службой согласив покой,
Ты праздный меч повесил свой
В саду героя-агронома.
Но что ж? Ты мог ли на просторе
Мечте любимой изменить?
Ты знаешь, друг, что праздность — горе,
Коль не с кем нам ее делить.
Прими ж мой дружеский совет
(Оракул говорил стихами
И убеждал, бывало, свет):

Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет
С умом, душою и душами.
Оставь на время плуг Толстого,
Забудь химеры и чины,
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены.
Тогда предамся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей,
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей!

Январь 1823

СЛЕЗЫ

O lacrimarum fons...

Gray¹

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданья
Как бы погружены в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Зефир лобзаньем пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

¹ О источник слез...(лат.). Грей.

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

* * *

«Не дай нам духу празднословия!»
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.

Начало 1820-х гг.

ПРОТИВНИКАМ ВИНА

(Яко и вино веселит сердце человека)

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.

Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.

Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?

Но честь и слава Ною,—
Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.

Ни ссоры, ни упреку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.

Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х гг.

ДРУЗЬЯМ
ПРИ ПОСЫЛКЕ «ПЕСНИ РАДОСТИ» —
ИЗ ШИЛЛЕРА

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах — луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей; —

И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщется звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!

Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!),
К протекшему душою улетал
И Радость пел — пока о вас мечтал.

Между февралем 1823 и серединой 1826

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем,—
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон,—

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

<Осень 1825>

К НИСЕ

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой,—
Наших чувств тебе, знать, мало,—
Ниса, Ниса, бог с тобой!

<Осень 1825>

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог, увы! умиловить их —
Он служит им укором безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,
Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодетель;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горé духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

14-ое ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил,—
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула,
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

1826, не ранее августа

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,—
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,—
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Около 1826

На камень жизни роковой
 Природою заброшен,
 Младенец пылкий и живой
 Играл — неосторожен,
 Но Муза сирого взяла
 Под свой покров надежный,
 Поэзии разостлала
 Ковер под ним роскошный.
 Как скоро — Музы под крылом
 Его созрели годы —
 Поэт, избытком чувств влеком,
 Предстал во храм Свободы,—
 Но мрачных жертв не приносил,
 Служа ее кумиру,—
 Он горсть цветов ей посвятил
 И пламенную лиру.
 Еще другое божество
 Он чтил в молодые лета —
 Амур резвился вокруг него
 И дани брал с поэта.
 Ему на память стрелку дал,
 И в сладкие досуги
 Он ею повесть начертал
 Орфеевой супруги.
 И в мире сем, как в царстве снов,
 Поэт живет, мечтая,—
 Он так достиг земных венцов
 И так достигнет рая...
 Ум скор и сметлив, верен глаз,
 Воображение — быстро...
 А спорил в жизни только раз —
 На диспуте магистра.

1827 (?)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной, и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

<1828>; начало 1850-х гг.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Еще гремит твоих побед
Отзывный гул в колеблющемся мире...

.
.

И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

<1828>

САСНЕ-САСНЕ¹

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне послышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

<1828>

¹ Игра в прятки (франц.).

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.

<1828>

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу...

Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

<Первая половина 1829>

ОЛЕГОВ ЩИТ

1

«Аллах! пролей на нас твой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза гяуров лицемерных!
Пророк твой — Магомет!..»

2

«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.

Между 1827 и 1829; начало 1850-х

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —

И мы, в борьбе, природой целой,
Покинуты на нас самих.

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

<1829>

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

<1829>

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,—
И задымилась гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи...

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил,—

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей,
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

<1829>

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мгlistый,
Лениво катится река,
В лазури пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

<1829>

СНЫ

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами...
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

<Начало 1830>

ДВУМ СЕСТРАМ

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж свежесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!..

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилось вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!..

<1830>

К N. N.

Ты любишь! ты притворствовать умеешь:
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей,
Ты мне ответ даешь — и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красой послушной!..

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет... Он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с молодых твоих ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть... В палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

<1830>

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала —
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала —

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной,—
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный — и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье...
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

<1830>; 1851

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

<1830>

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,—
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,

Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

<1830>

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит,—
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

<1830>

СТРАННИК

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук создание,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога,—
Ему отверста вся земля,
Он видит все и славит бога!..

<1830>

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлась.

<1830>

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огонь сокрытый и глухой
Слова и строки пожирает,—

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом,
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О Небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле —
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

<1830>

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!..

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призывали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

<1830>

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой Весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет,
И тихих, теплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..

<1830>

SILENTIUM!¹

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,—
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

<1830>

¹ Молчание! (лат.)

СОН НА МОРЕ

И море, и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалась пена ревущих валов.

<1830>

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный-ласково-ручной,
То бешено-игривый!

Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле,
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав,
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег —
И в брызги разлетишься!..

<1830>

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной,—

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

<1830>

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного — ослабеем,
Убавим шаг — отстаем.

<1830>

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы,— мыслил я,— пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной,—
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчанье хранит.

Начало октября 1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

Октябрь 1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Осень 1830

ЛИСТЬЯ

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят,—
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блеским
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Осень 1830

АЛЬПЫ

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари,
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блеснит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

Октябрь(?) 1830

MALE ARIA¹

Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима!
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит.
Все тот же теплый ветер верхи деревьев колышет,
Все тот же запах роз... и это все есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки.
Благоухания, цветы и голоса —
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки, —
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою, свой образ прикрывает...
Да утаит от них приход ужасный свой!..

1830

* * *

Сей день, я помню, для меня
Был утром жизненного дня:
Стояла молча предо мною,
Вздыхалась грудь ее волною,
Алели щеки, как заря,
Все жарче рдея и горя!
И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!..

1830

¹ Зараженный воздух (итал.).

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Прося попутных бурь дыханья
У негодующих небес,—
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билась в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознание
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!

Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

Сентябрь(?) 1831

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех, на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозой
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не бурный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал — как из венка!

1832, после 22 марта

PROBLEME¹

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины сам собой,
Иль был низринут волею чужой?

Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

15 января 1833; 2 апреля 1857

¹ Проблема (франц.).

* * *

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем, неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет,
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Начало 1830-х гг.

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет
В оцепененье ледяном,—
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всеисильный хлад не может:
Она все льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя,—

Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот!

Начало 1830-х гг.

* * *

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо-жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Начало 1830-х гг.

* * *

[I]

Ты зрел его в кругу большого Света:
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик, иль полон тайных дум —
Таков поэт, — и ты презрел поэта!..

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог,—
Настала ночь — и, светозарный Бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

[II]

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..
Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный...
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

Начало 1830-х гг.

* * *

Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных,—

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

Начало 1830-х гг.

АРФА СКАЛЬДА

О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,

Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит,—

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

* * *

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало,—
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,—
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя,—
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

<1835>

* * *

Что́ ты клонишь над водами,
Ива, ма́кушку свою
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

<1835>

* * *

И гроб опущен уж в могилу
И все столпилось вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор сановитый
Речь погребальную гласит.

Вещает бренность человечью,
Грехопадение, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

<1835>

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Резче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Некий жизни преизбыток
В знойном воздухе разлит!
Как божественный напиток
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковы́е
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

<1835>

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музы́ки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

<1835>

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!

Хоть свежесть утрення вее
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний энрой, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!..
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

<1835>

* * *

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час...
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

<1835>

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.

Там-то, бают, в стары годы,
По лазуревым ночам,
Фей вились хороводы
Под водой и по водам;

Месяц слушал, волны пели...
И, навесясь с гор крутых,
Замки рыцарей глядели
С сладким ужасом на них.

И лучами неземными,
Заключен и одинок,
Перемигивался с ними
С древней башни огонек.

Звезды в небе им внимали,
Проходя за строем строй,
И беседу продолжали
Тихомолком меж собой.

В панцирь дедовский закован,
Воин-сторож на стене
Слышал, тайно очарован,
Дальний гул, как бы во сне.

И лишь дремой забывался,
Гул ясел и грохотал...
Он с молитвой просыпался
И дозор свой продолжал.

Все прошло, все взяли годы —
Поддался и ты судьбе,
О Дунай, и пароходы
Ныне рыщут по тебе...

* * *

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движение разрешились
В сумрак зыбкий, в дальный гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, темный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

<1835>

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля...
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я...
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день в бездействии глубоком
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить,
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту?..

<1835>

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов, в унынии моем,
Не нахожу.

Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло —
За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей злак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом — новый злак
И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь...

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской —
То знает бог?
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
Последний вздох...

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон!

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, пророс к земле!..

<1835>

* * *

Какое дикое ущелье!
Ко мне навстречу ключ бежит —
Он в дол спешит на новоселье,—
Я лезу вверх, где ель стоит.

Вот взобрался я на вершину,
Сижу здесь радостен и тих —
Ты к людям, ключ, спешишь в долину,—
Попробуй, каково у них!

<1835>

* * *

«Все бешеной буря, все злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей». —
«О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!» —
«Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас». —

«О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!» —
«Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она». —
«О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, —
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.

Между 1831 и апрелем 1836

* * *

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, безвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834 и апрелем 1836

* * *

Зима недаром элится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуше лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

<Апрель 1836>

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

<Апрель 1836>

* * *

Яркий снег сиял в долине,—
Снег растаял и ушел;
Вешний знак блестит в долине,—
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

<Апрель 1836>

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.
.
.
.

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.
.
.
.

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

<Апрель 1836>

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

<Апрель 1836>

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

<Апрель 1836>

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегом целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц
В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

<Апрель 1836>

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

<Апрель 1836>

* * *

Вчера, в мечтах обворуженных,
С последним месяца лучом
На веждах, темно-озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-лёгко, мгlisto-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно-брезжащим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям,—

Вот, словно змейка, извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента, развеваясь,
Меж пологамн развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

<Апрель> 1836

29-ое ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он вышею рукою
В "цареубийцы" заклеимен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

Май — июль(?) 1837

1-ое ДЕКАБРЯ 1837

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее истлило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей брег с его полуденным сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

Декабрь 1837

ИТАЛЬЯНСКАЯ VILLA¹

И распростясь с тревогою житейской
И кипарисной рощей заслонясь,—
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.

И вот уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... все было так спокойно!
Так все от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал,—
Фонтан замолк — и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал:

«Что это, друг? Иль злая жизнь не даром,
Та жизнь, увы! что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?»

Декабрь 1837

¹ Вилла (итал.).

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль — хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они все те же и поныне —
Все так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством выюги,
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

Декабрь 1837

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижную средою
Деля, не соединяет их?

<Начало 1838>

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,—
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:

По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,—
И страх кончины неизбежной
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

<1838>

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен злототканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и, с мира рокового

Ткань благодатную покова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

<Начало 1839>

* * *

Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но как пчела его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

<Начало 1839>

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одею
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной;
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

<Середина 1839>

* * *

С какою негою, с какой тоской влюбленный
Твой взор, твой страстный взор изнемогал на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем,—

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущее для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась —
Иль в сон иной бы перешла.

Между концом 1838 и серединой 1839

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затеряя,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины блеснет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты,—

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет —
Боготворить умеет он!

Октябрь(?) 1840

К ГАНКЕ

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были,
И, как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случилось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,—
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

И вражды безумной семя
Плод сторичный принесло:
Не одно погибло племя
Иль в чужбину отошло.

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех обезьязычил немец,
Этих — турок осрамил.

Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах.

О, какими вдруг лучами
Озарились все края!
Обличилась перед нами
Вся Славянская земля!

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпатов за Урал.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвой золотоглавой
Вышеград заговорил!

И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам,—
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

26 августа 1841

ЗНАМЯ И СЛОВО

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья — русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

25 июня 1842

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело,
Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, неожиданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое.
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех странах, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет, и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —

И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой,—
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан!

И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И клубится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час-другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она —
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной, везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,—
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

1848

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848 или 1849

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнул твои молодые годы,

Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле,—
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь,— промолвила ты мне,—
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля,
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

6 июня 1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые —
И где, теперь, туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забывтого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах —
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блещут в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной....

23 июля 1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, — вдруг знает бог откуда
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее доли,
Вдруг ветер подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

22 октября 1849

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимы,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

Октябрь(?) 1849

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей,—
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

29 ноября 1849

РАССВЕТ

Не в первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся благовестный звон,
И весь Восток им огласится!
Тебя зовет и будит он,—
Вставай, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,
И с богом, исполни державный!..
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!

Ноябрь 1849

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...

Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провевавет летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

1849

* * *

Как он любил родные ели
Своей Савойи дорогой!
Как мелодически шумели
Их ветви над его главой!..
Их мрак торжественно-угрюмый
И дикий, заунывный шум
Какою сладостною думой
Его обворожали ум!..

1849

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

<Начало 1850>

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты,—
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами,—
Как над этим дольным чадом,
В горнем, выпрленном пределе,
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

<Начало 1850>

РИМ, НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и — овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

<Начало 1850>

НАПОЛЕОН

I

Сын Революции, ты с матерью ужасной
Отважно в бой вступил — и изнемог в борьбе...
Не одолел ее твой гений самовластный!..
Бой невозможный, труд напрасный!..
Ты всю ее носил в самом себе...

II

Два демона ему служили,
Две силы чудно в нем слились:
В его главе — орлы парили,
В его груди — змии вились...
Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змииной мудрости расчет.
Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн,—
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый челн.

И ты стоял,— перед тобой Россия!
 И вещий волхв, в предчувствии борьбы,
 Ты сам слова промолвил роковые:
 «Да сбудутся ее судьбы!..»
 И не напрасно было заклинанье:
 Судьбы откликнулись на голос твой!..
 Но новою загадкою в изгнанье
 Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли — и вот из ссылки тесной
 На родину вернувшийся мертвец,
 На берегах реки, тебе любезной,
 Тревожный дух, почил ты наконец...
 Но чуток сон — и по ночам, тоскуя,
 Порою встав, он смотрит на Восток
 И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
 Передразнительный ветерок.

<Начало 1850>.

ВЕНЕЦИЯ

Дож Венеции свободной
 Средь лазоревых зыбей,
 Как жених порфирородный,
 Достославно, всенародно
 Обручался ежегодно
 С Адриатикой своей.

И не даром в эти воды
 Он кольцо свое бросал:
 Веки целые, не годы
 (Дивовалися народы)
 Чудный перстень воеводы
 Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
 Много славы нажила —

Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.

А теперь?

В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколения,—
Эти кольца обручения,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

<Начало 1850>

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

ПРОРОЧЕСТВО

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе,—
Свершится он — и грянет час!

И слоды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России,—
И встань как всеславянский царь!

1 марта 1850

* * *

Уж третий год беснуются языки,
Вот и весна — и с каждою весной,
Как в стае диких птиц перед грозой,
Тревожней шум, разноголосней крики.

В раздумье тяжком князи и владыки
И держат вожжи трепетной рукой,
Подавлен ум зловещею тоской —
Мечты людей, как сны больного, дики.

Но с нами бог! Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина,—

Но твоего не помutilа зрака!..
Ветр свирепел. Но... «Да не будет тако!» —
Ты рек,—и вспять отхлынула волна.

Между 1 и 6 марта 1850

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...

Иль, все святыя упования,
Все убеждения потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой,—
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей,—

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом,—

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет, вам ее не запрудить!..

Май 1850

* * *

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вождеденный водворится,
Как с Русью Польша помирится,—
А помирятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

1850

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой —

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не осенит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

НА НЕВЕ

И опять звезда играет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

И меж зыбью и звездою
Он скользит как бы во сне
И два призрака с собою
Вдаль уносит по волне.

Дети ль это праздной лени
Тратят здесь досуг ночной?
Иль блаженные две тени
Покидают мир земной?

Ты, разлитая как море,
Дивно-пышная волна,
Приюти в своем просторе
Тайну скромного челна!

Июль 1850

* * *

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу!

Июль 1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

Июль 1850

* * *

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом,

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И — уносит их поток...
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

ДВА ГОЛОСА

I

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
 Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
 Над вами безмолвные звездные круги,
 Под вами немые, глухие гроба.

Пуускай олимпийцы завистливым оком
 Глядят на борьбу непреклонных сердец.
 Кто ратуя пал, побежденный лишь Роком,
 Тот вырвал из рук их победный венец.

1850

ГРАФИНЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
 Как околдованный зимой,
 Каким-то сном усопшей тени
 Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чувю, надо мною,
 Не наяву и не во сне,
 Как бы повеяло весною,
 Как бы запело о весне...

Знакомый голос... голос чудный...
 То лирный звук, то женский вздох...
 Но я, ленивец беспробудный,
 Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжелой лени,
 Под осьмимесячной зимой,
 Как дремлют праведные тени
 Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всеильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-Нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем!..

Вдвоем! — И песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

1850

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежно тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

<Весна 1851>

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изнает наконец...

Между июлем 1850 и серединой 1851

БЛИЗНЕЦЫ

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Между июлем 1850 и серединой 1851

1

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их, — знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютomu врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревливой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, узнаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно устыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилия
Бессмертной пошлости людской!

Между июлем 1850 и серединой 1851

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горячей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебны взоры, речи
И смех младенческо-живой?

И что ж теперь? И где ж все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль злую, боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

Первая половина 1851

* * *

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Апрель 1851

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым,—
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

* * *

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она созданье —
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колено
Пред колыбелью дорогой,

Где спит она — твое рожденье —
Твой безымянный херувим, —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851, после 20 мая

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

10 июня 1851

* * *

Дума за думой, волна за волной —
Два проявления стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе, —
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...

14 июля 1851

* * *

В разлуке есть высокое значение:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

* * *

День вѣчереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня,—
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,—
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

Недаром милосердным богом
Пугливой птичка создана —
Спасенья верного залогом
Ей робость чуткая дана.

И нет для бедной пташки проку
В свойстве с людьми, с семьей людской...
Чем ближе к ним, тем ближе к Року —
Несдобровать под их рукой...

Вот птичку девушка вскормила
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, вырастила
И не жалела, не щадила
Для ней ни ласки, ни труда.

Но как, с любовью тревожной,
Ты, дева, ни пеклась о ней,
Наступит день, день непреложный —
Питомец твой неосторожный
Погибнет от руки твоей...

1851

* * *

Mobile comme l'onde ¹

Ты волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

¹ Непостоянная, как волна (франц.).

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод,—

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую.
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

ПАМЯТИ В. А. ЖУКОВСКОГО

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...

О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он все в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости эминной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»

Конец июня 1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,—
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

Между серединой 1851 и началом 1854

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

Между 5 и 7 сентября 1853

СПИРИТИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц.

Между осенью 1853 и весной 1854

ЛЕТО 1854

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас...

Август 1854

* * *

Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

* * *

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...

Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попушеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Все богохульные умы,
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Тебе они готовят плен,
Тебе пророчат посрамленье,—
Ты — лучших, будущих времен
Глагол, и жизнь, и просвещение!

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед богом...

24 октября 1854

НА НОВЫЙ 1855 ГОД

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет,—
И вот — в железной колыбели,
В громах рождается Новый год...

Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар,—
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

Конец 1854 или начало 1855

ПО СЛУЧАЮ ПРИЕЗДА АВСТРИЙСКОГО ЭРЦГЕРЦОГА НА ПОХОРОНЫ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

Нет, мера ^оесть долготерпенью,
Бесстыдству также мера есть!..
Клянусь его венчанной тенью,
Не все же можно перенести!

И как не грянет отовсюду
Один всеобщий клич тоски:
Прочь, прочь австрийского Иуду
От гробовой его доски!

Прочь с сих предательским лобзаньем
И весь апостольский их род
Будь заклеямен одним прозваньем:
Искарот, Искарот!

1 марта 1855

* * *

Пламя рдеет, пламя пышет,
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне,—
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеяв,
Страстный говор твой люблю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне — как в раю.

10 июля 1855

* * *

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.

И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

1855(?)

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится все над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

О, в эти дни — дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!

Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

* * *

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги —
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так ты — жилища двух миров,
Твой день — болезненный и страстный.
Твой сон — пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

Н<ИКОЛАЮ> П<АВЛОВИЧУ>

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

1855

* * *

Тому, кто с верой и любовью
Служил земле своей родной —
Служил ей мыслию и кровью,
Служил ей словом и душой,
И кто — недаром — провиденьем,
На многотрудном их пути,
Поставлен новым поколениям
В благонадежные вожди...

4 января 1856

* * *

Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1856

Н. Ф. ЩЕРБИНЕ

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

* * *

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес —
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

15 августа 1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней — какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником,—
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Конец августа 1857

* * *

Когда осьмнадцать лет твои
И для тебя уж будут сновиденьем,—
С любовью, с тихим умилением
И их и нас ты помяни...

23 февраля 1858

* * *

В часы, когда бывает
Так тяжело на груди,
И сердце изнывает,
И тьма лишь впереди;

Без сил и без движенья,
Мы так удручены,
Что даже утешенья
Друзей нам не смешны,—

Вдруг солнца луч приветный
Войдет украдкой к нам
И брызнет огнецветной
Струю по стенам;

И с тверди благосклонной,
С лазуревых высот
Вдруг воздух благовонный
В окно на нас пахнет...

Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.

Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать...

Так мило-благодатна,
Воздушна и светла
Душе моей стократно
Любовь твоя была.

<Апрель> 1858

* * *

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала —
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала —

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела —
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно-пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

<Апрель> 1858

УСПОКОЕНИЕ

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело,—

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат-бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1858

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою,
Как бы дремотою, объят
И белокрылые виденья
На тусклом озера стекле
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

22 октября 1858

НА ВОЗВРАТНОМ ПУТИ

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал — и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек — не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек — не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так — и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озерá...

Конец октября 1859

* * *

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Их бодрый, радующий души,⁴
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.

Для мира дольного отрада,
Они — краса небес родных,
Для этих звезд очков не надо,
И близорукий видит их...

20 декабря 1859

ДЕКАБРЬСКОЕ УТРО

На небе месяц — и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день,—

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Декабрь 1859

Е. Н. АННЕНКОВОЙ

И в нашей жизни повседневной
Бывают радужные сны,
В край незнакомый, в мир волшебный,
И чуждый нам и задушевный,
Мы ими вдруг увлечены.

Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восходу
Другое солнце светит там...

Все лучше там, светлее, шире,
Так от земного далеко...
Так розно с тем, что в нашем мире,—
И в чистом пламенном эфире
Душе так родственно-легко.

Проснулись мы,—конец виденью,
Его ничем не удержать,
И тусклой, неподвижной тенью,
Вновь обреченных заключенью,
Жизнь обхватила нас опять.

Но долго звук неувимый
Звучит над нами в вышине,
И пред душой, тоской томимой,
Все тот же взор неотразимый,
Все та ж улыбка, что во сне.

1859

* * *

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской ты избой —
Теперь ты сделалась лакейской.

1850-е годы.

MEMENTO¹

Vevey 1859—Genève 1860²

Ее последние я помню взоры
На этот край — на озеро и горы,
В роскошной славе западных лучей, —
Как сквозь туман болезни многотрудной,
Она порой ловила призрак чудный,
Весь этот мир был так сочувствен ей...

Как эти горы, волны и светила
И в смутных очерках она любила
Своею чуткой, любящей душой —
И под грозой, уж близкой, разрушенья
Какие в ней бывали умиленья
Пред этой жизнью вечно молодой...
Светились Альпы, озеро дышало —
И тут же нам, сквозь слез, понятно стало.

¹ Помни (лат.).

² Веvey 1859 — Женева 1860 (франц.).

Что чья душа так царственно светла,
Кто до конца сберег ее живую —
И в страшную минуту роковую
Все той же будет, чем была...

Конец октября 1860

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя,—
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам,—
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

Октябрь 1860

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА ВЯЗЕМСКОГО

У Музы есть различные пристрастья,
Дары ее даются не равно;
Стократ она божественнее счастья,
Но своенравна, как оно.

Иных она лишь на заре лелеет,
Целует шелк их кудрей молодых,
Но ветерок чуть жарче лишь повеет —
И с первым сном она бежит от них.

Тем у ручья, на луговине тайной,
Нежданная, является порой,
Порадует улыбкою случайной,
Но после первой встречи нет второй!

Не то от ней присуждено вам было:
Вас, юношей, настигнув в добрый час,
Она в душе вас крепко полюбила
И долго всматривалась в вас.

Досужая, она не мимоходом
Пеклась о вас, ласкала, берегла,
Растила ваш талант, и с каждым годом
Любовь ее нежнее все была.

И как с годами крепнет, пламенея,
Сок благородный виноградных лоз,—
И в кубок ваш все жарче и светлее
Так вдохновение лилось.

И никогда таким вином, как ныне,
Ваш славный кубок венчан не бывал.
Давайте ж, князь, подыдем в честь богине
Ваш полный, пенистый фиал!

Богине в честь, хранящей благородно
Залог всего, что свято для души,
Родную речь... расти она свободно
И подвиг свой великий доверши!

Потом мы все, в молитвенном молчанье,
Священные поминки сотворим,
Мы сотворим тройное возлиянье
Трем незабвенно-дорогим.

Нет отклика на голос, их зовущий,
Но в светлый праздник ваших именин
Кому ж они не близки, не присущи —
Жуковский, Пушкин, Карамзин!..

Так верим мы, незримыми гостями
Теперь они, покинув горний мир,
Сочувственно витают между нами
И освящают этот пир.

За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносим вам заздравное вино,
И долго-долго в этой светлой чаше
Пускай кипит и искрится оно!..

Около 25 февраля 1861

АЛЕКСАНДРУ ВТОРОМУ

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью...

25 марта 1861

* * *

Я знал ее еще тогда
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,

Той дорассветной темноты,
Когда, незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

* * *

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты мировым...

Март(?) 1861

КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

12 июля 1861

* * *

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь...

Как часто, грустными мечтами
Томимый, на тебя гляжу,
И взор туманится слезами...
Зачем? Что общего меж нами?
Ты жить идешь — я ухожу.

Я слышал утренние грезы
Лишь пробудившегося дня...
Но поздние, живые грозы,
Но взрыв страстей, но страсти слезы,—
Нет, это все не для меня!

Но, может быть, под зноем лета
Ты вспомнишь о своей весне...
О, вспомни и про время это,
Как о забытом до рассвета,
Нам смутно грезившемся сне.

25 июля 1861

ПРИ ПОСЫЛКЕ НОВОГО ЗАВЕТА

Не легкий жребий, не отрадный,
Был вынут для тебя судьбой,
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ты билась с мужеством немногих
И в этом роковом бою
Из испытаний самых строгих
Всю душу вынесла свою.

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Но скудны все земные силы:
Рассвирепеет жизни зло —
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно-тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомни. —
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

<Октябрь> 1861

* * *

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын — положим, так,
А все не Александр Великий.

1861

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески-слепой,—
Они им чуют-слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

14 апреля 1862

А. А. ФЕТУ

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

14 апреля 1862

* * *

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

Февраль (?) 1863

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.

Осьмой уж месяц длятся эти битвы
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.

И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!..

И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искажение слова —
Все поднялось и все грозит тебе,

О край родной! — такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Начало августа 1863

ЕГО СВЕТАЛОСТИ КНЯЗЮ А. А. СУВОРОВУ

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему,—

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе,—

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошлостям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

* * *

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой,—

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь вострепелась живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда,
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья,—
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей
И этот длинный, тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

1863

Н. И. КРОЛЮ

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И все для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно,—
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поглубел
И вновь подернулся сияньем...

И все опять зазеленело,
Все обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

1863(?)

19-ое ФЕВРАЛЯ 1864

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновления —
Великий день, новозаветный день,—
И на лице его от умиления
Предсмертная вдруг озарилась тень.

Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним — царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба,—
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

Между 19 и 21 февраля 1864

* * *

Не всё душе болезненное снится:
Пришла весна — и небо прояснится.

12 апреля 1864

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной,
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

11 октября 1864

* * *

Весь день она лежала в забытии,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
 «О, как все это я любила!»

.

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

Октябрь или первая половина декабря 1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарование,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

* * *

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...

Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864

* * *

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней,
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Ноябрь 1864

ENCYCLICA ¹

Был день, когда господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм
И, собственным мечом своим заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Еще страшней, еще неумолимей
И в наши дни — дни божьего суда —
Свершится казнь в отступническом Риме
Над лженаместником Христа.

Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, темные дела,
Но не простится правдой бога
Его последняя хула...

¹ Энциклика (лат.) — папское послание.

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет,—
Его погубит роковое слово:
«Свобода совести есть бред!»

21 декабря 1864

КНЯЗЮ ГОРЧАКОВУ

Вам выпало призванье роковое,
Но тот, кто призвал вас, и соблюдет.
Все лучшее в России, все живое
Глядит на вас, и верит вам, и ждет.

Обманутой, обиженной России
Вы честь спасли,—и выше нет заслуг;
Днесь подвиги вам предстоят иные:
Отстойте мысль ее, спасите дух...

1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное,—
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

Январь 1865

* * *

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,—
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он, милосердный, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

11 января 1865

ОТВЕТ НА АДРЕС

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат:
Вы просто члены Английского клуба...

Вторая половина января 1865

Есть и в моем страдальческом застое
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассеи:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней,—

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе,—

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Конец марта 1865

* * *

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог недаром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошло в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь память вечную гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему,—

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Начало апреля 1865

* * *

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...
«То божья месть за поляков»,—
Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?...
Кто говорит так: польский поп
Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия,—

И отповедью — да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена — царь в плену!» —
И Русь спасти его не встанет.

8—11 апреля 1865

12-ое АПРЕЛЯ 1865

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца,—
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца —

Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего,—
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней,—

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

12 апреля 1865

* * *

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил».

30 апреля 1865

* * *

*Est in arundineis modulatio musica ripis*¹

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,—
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

17 мая 1865

¹ Есть музыкальный строй в прибрежных тростниках (лат.).

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит — во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

30 мая 1865

* * *

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далекий?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она —

Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

29 июля 1865

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ 4 АВГУСТА 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

3 августа 1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!

Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

18 августа 1865

* * *

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем,—

Как тот, кто жгучею тоскою
Томился по краю родном
И вдруг узнал бы, что волною
Он схоронен на дне морском.

23 ноября 1865

* * *

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865

ГРАФИНЕ А. Д. БЛУДОВОЙ

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* — не значит *жить*, —

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

1 марта 1866

* * *

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

КНЯЗЮ СУВОРОВУ

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.

Сама природа, зная, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

Апрель 1866

* * *

И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злился,
Несвоевременная дурь,—
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время летних бурь.

11 мая 1866

* * *

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак,—
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк.

3 июня 1866

* * *

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопазностей бывших.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывшее чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое былое
Словно дышит в забыти;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866

* * *

На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.

2 сентября 1866

* * *

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать,—

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем зазорней,
Чем глубже крылось с давних пор,—
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

Начало сентября 1866

* * *

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.

Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живет как во сне.

Все привольней, все приветней
Умалющийся день,—
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.

Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.

Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.

Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.

И святое умиление
С благодатью чистых слез
К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...

Небывалое доселе
Понял вещий наш народ,
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

28 ноября 1866

НА ЮБИЛЕЙ Н. М. КАРАМЗИНА

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчиной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души
Высокой и ко благу страстной,—

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить,—

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

30 ноября — 1 декабря 1866

* * *

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866

* * *

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.

И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..

Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах —
Везде он правды личным стал врагом!

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

31 декабря 1866

* * *

Над Россией распростертой
Встал внезапную грозой
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.

1866 или 1867

* * *

Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

1 марта 1867

ДЫМ

Здесь некогда, могучий и прекрасный,
Шумел и зеленел волшебный лес,—
Не лес, а целый мир разнообразный,
Исполненный видений и чудес.

Лучи сквозили, трепетали тени;
Не умолкал в деревьях птичий гам;
Мелькали в чаще быстрые олени,
И ловчий рог взывал по временам.

На перекрестках, с речью и приветом,
Навстречу нам, из полутьмы лесной,
Обвеянный каким-то чудным светом,
Знакомых лиц слетался целый рой.

Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние создания,
Но близок был нам этот дивный мир.

И вот опять к таинственному лесу
Мы с прежнею любовью подошли.
Но где же он? Кто опустил завесу,
Спустил ее от неба до земли?

Что это? Призрак, чары ли какие?
Где мы? И верить ли глазам своим?
Здесь дым один, как пятая стихия,
Дым — безотрадный, бесконечный дым!

Кой-где насквозь торчат по обнаженным
Пожарищам уродливые пни,
И бегают по сучьям обожженным
С зловещим треском белые огни...

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесет с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет,
Все тот же лес, волшебный и родной.

25 апреля 1867

СЛАВЯНАМ

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей,—
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России — не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: — Это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской

Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилие и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронута Коссово поле,
Не скрыта Белая Гора!

А между нас, — позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...

И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив — верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово царь-освободитель
За русский выступит предел...

Начало мая 1867

СЛАВЯНАМ

Man muß die Slaven an die Mauer drücken¹

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть — стена большая,—
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала,—
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой...

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам,—
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их,—
Не выдаст вас страна родная,
Не оттолкнет она своих.

¹ Славян надо прижать к стене (нем.).

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

11—16 мая 1867

* * *

Напрасный труд — нет, их не вразумишь,—
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Май 1867

НА ЮБИЛЕЙ КНЯЗЯ А. М. ГОРЧАКОВА

В те дни кроваво-роковые,
Когда, прервав борьбу свою,
В ножны вложила меч Россия —
Свой меч, иззубренный в бою,—
Он волей призван был державной
Стоять на страже,— и он стал,
И бой отважный, бой неравный
Один с Европой продолжал.

И вот двенадцать лет уж длится
Упорный поединок тот;
Иноплеменный мир дивится,
Одна лишь Русь его поймет.

Он первый угадал, в чем дело,
И им впервые русский дух
Союзной силой признан смело,—
И вот венец его заслуг.

13 июня 1867

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья,—
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

* * *

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отворотить, не избежать удара —
И правда божья видима для всех...

То божьей правды праведная кара,
И, ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.

А ты, ее носитель неповинный,—
Спаси тебя господь и отрезви —
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.

27 октября 1867

ПО ПРОЧТЕНИИ ДЕПЕШ
ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА,
НАПЕЧАТАННЫХ
В «JOURNAL DE ST.-PETERSBOURG»

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток,—
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!

Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!

И в излиянье чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!

На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!

5 декабря 1867

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Июнь 1868

ПОЖАРЫ

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготее над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один,—
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотою,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомощное дитя.

16 июля 1868

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильнее,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веем запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

2 августа 1868

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ

Стихов моих вот список безобразный —
Не заглянув в него, дарю им вас,
Не совладал с моею ленью праздной,
Чтобы она хоть вскользь им занялась...

В наш век стихи живут два-три мгновенья,
Родились утром, к вечеру умрут...
О чем же хлопотать? Рука забвенья
Как раз свершит свой корректурный труд.

Конец августа 1868

ПАМЯТИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он необоримо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся — и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

21 сентября 1868

* * *

Печати русской доброты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

1868(?)

* * *

Вы не родились поляком,
Хоть шляхтич вы по направлению,
А русский вы — сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделенью.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Середина января 1869

* * *

«Нет, не могу я видеть вас...» —
Так говорил я в самом деле,
И не один, а сотню раз, —
А вы — и верить не хотели.

В одном доносчик мой неправ —
Уж если доносить решился,
Зачем же, речь мою прервав,
Он досказать не потрудился?

И нынче нудит он меня —
Шутник и пошлый и нахальный —
Его затею устраняя,
Восстановить мой текст буквальный.

Да, говорил я, и не раз —
То не был случай одинокий —

Мы все не можем видеть вас —
Без той сочувственно-глубокой

Любви сердечной и святой,
С какой — как в этом не сознаться? —
Своею лучшею звездой
Вся Русь привыкла любоваться.

5 февраля 1869

* * *

Великий день Кирилловой кончины —
Каким приветствием сердечным и простым
Тысячелетней годовщины
Святую память мы почтим?

Какими этот день запечатлеть словами,
Как не словами, сказанными им,
Когда, прощаясь и с братом и с друзьями,
Он нехотя свой прах тебе оставил, Рим...

Причастные его труду,
Чрез целый ряд веков, чрез столько поколений,
И мы, и мы его тянули борозду
Среди соблазнов и сомнений.

И в свой черед, как он, не довершив труда,
И мы с нее сойдем, и, словеса святые
Его вспомняв, воскликнем мы тогда:
«Не изменяй себе, великая Россия!

Не верь, не верь чужим, родимый край,
Их ложной мудрости иль наглым их обманам,
И, как святой Кирилл, и ты не покидай
Великого служения славянам»...

13 февраля 1869

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

* * *

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы,—
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...:

Но Смерть честней — чужда лицепритию,
Не тронута ничем, не смущена,
Смирненную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разногolosья —
Ревнивый властелин — не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей — увы, двойное горе,—
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах — в неравный бой.

Когда она, при роковом сознание
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаяние
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу,—

Да, горе ей — и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

Март 1869

11-ое МАЯ 1869

Нас всех, собравшихся на общий праздник
Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте:
«Не утаится Град от зренья людского,
Стоя на горней высоте».

Будь это и для нас возвещено не все —
Заветом будь оно и нам,
И мы, великий день здесь братски
Поставим наш союз на высоту такую,
Чтоб всем он виден был — всем братским
племенам.

11 мая 1869

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись,—
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись.

Май 1869

АНДРЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ МУРАВЬЕВУ

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь — очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест,—

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислоня,
Живешь ты там — не праздный житель,—
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиленья
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремленья
И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел;

Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Август 1869

В ДЕРЕВНЕ

Что за отчаянные крики,
И гам, и трепетанье крыл?
Кто этот гвалт безумно-дикий
Так неуместно возбудил?
Ручных гусей и уток стая
Вдруг одичала и летит.
Летит — куда, сама не зная,
И, как шальная, голосит.

Какой внезапною тревогой
Звучат все эти голоса!
Не пес, а бес четвероногой,
Бес, обернувшийся во пса,
В порыве буйства, для забавы,
Самоуверенный нахал,
Смутил покой их величавый
И их размыкал, разогнал!

И словно сам он, вслед за ними,
Для довершения обид,
С своими нервами стальными,
На воздух взвившись, полетит!
Какой же смысл в движении этом?
Зачем вся эта трата сил?
Зачем испуг таким полетом
Гусей и уток окрылил?

Да, тут есть цель! В ленивом стаде
Замечен страшный был застой,
И нужен стал, прогресса ради,
Внезапный натиск роковой.

И вот благое провиденье
С цепи спустило сорванца,
Чтоб крыл своих предназначенье
Не позабыть им до конца.

Так современных проявлений
Смысл иногда и бестолков,—
Но тот же современный гений
Всегда их выяснить готов.
Иной, ты скажешь, просто лает,
А он свершает высший долг —
Он, осмысляя, развивает
Утиный и гусиный толк.

16 августа 1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Август 1869

ЧЕХАМ ОТ МОСКОВСКИХ СЛАВЯН

На ваши, братья, празднества,
Навстречу вашим ликованьям,
Навстречу вам идет Москва
С благоговейным упованьем.

В среду восторженных тревог,
В разгар великого волненья,
Приносит вам она залог,
Залог любви и единенья.

Примите же из рук ея
То, что и *вашим* прежде было,
Что старочешская семья
Такой ценой себе купила,—

Такою страшною ценой,
Что память эта и поныне —
И вашей лучшею святыней
И вашей жизненной струей.

Примите Чашу! Вам звездой
В ночи судеб она светила
И вашу немощь возносила
Над человеческой средой.

О, вспомните, каким она
Была вам знаменьем любимым,
И что в костре неугасимом
Она для вас обретена.

И этой-то великой мзды,
Отцов великих достоянья,
За все их тяжкие труды,
За все их жертвы и страданья,

Себя лишать даете вы
Иноплеменной дерзкой ложью,
Даєте ей срамить, увы,
И честь отцов и правду божью!

И долго ль, долго ль этот плен,
Из всех тягчайший, плен духовный,
Еще сносить ты осужден,
О чешский люд единокровный?

Нет, нет, недаром благодать
На вас призывали предки ваши,
И будет вам дано понять,
Что нет спасенья вам без Чаши.

Она лишь разрешит вконец
Загадку вашего народа:
В ней и духовная свобода,
И единения венец.

Придите ж к дивной Чаше сей,
Добытой лучшей вашей кровью,
Придите, приступите к ней
С надеждой, верой и любовью.

Около 24 августа 1869

* * *

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится — и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

14 октября 1869

СОВРЕМЕННОЕ

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках иступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настезь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И все ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима, дочь, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам,—

Только там, где тени бродят
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Первая половина октября 1869

А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГУ

Спешу поздравить с неудачей:
Она — блистательный успех,
Для вас почетна наипаче
И назидательна для всех.

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.

Ах нет, то знают и они;
И что в славянском вражьем мире
Вы совершили — вы одни,—
Все ведают, et inde irael!¹

Во всем обширном этом крае
Они встречали вас не раз,
В Балканах, Чехах, на Дунае —
Везде, везде встречали вас.

И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,

Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

17 декабря 1869

Ю. Ф. АБАЗЕ

Так — гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной.

В них что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется,
И хочет высказаться вслух...

Не то совсем при вашем пенье;
Не то мы чувствуем в себе:
Тут полнота освобожденья,
Конец и плену и борьбе...

¹ Отсюда — гнев (лат.).

Из тяжелой вырвавшись юдоли
И все оковы разреша,
На всей своей ликует воле
Освобожденная душа...

По всемогущему призыву
Свет отделяется от тьмы,
И мы не звуки — *душу живу*,
В них вашу душу слышим мы.

22 декабря 1869

* * *

Так провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

1860-е гг.

ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя; все молчит, —
Лишь слышен легкий треск, и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.

Дым побежал — народ столпился гуще;
Вот все они — весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд, и люд гнетущий,
Ложь и насилие, рыцарство и клир.

Тут вероломный кесарь, и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.

Тут и она — та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.

И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится — и голос не дрожит...

Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель
В своей высокой простоте, —

Не изменив ни богу, ни народу,
Боролся он — и был необорим —
За правду божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.

Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.

О чешский край! О род единокровный!
Не отвергай наследья своего!
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!

И, цепь порвав с юродствующим Римом,
Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.

15—17 марта 1870

Над русской Вильной стародавной
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.

В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

Начало июля 1870

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепетнется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

26 июля 1870

ДВА ЕДИНСТВА

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!—
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство,— возвестил оракул наших дней,—
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью,—
А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

* * *

Веленью высшему покорны,
У мысли стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не арестантский, а почетный
Держали караул при ней.

27 октября 1870

А. В. ПЛ<ЕТНЕ>ВОЙ

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Начало ноября 1870

* * *

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободною волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом,—

Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Ноябрь 1870

* * *

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один,— и пусто все кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой,— и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И — что со мной, не сознавая сам...

Бесследно все — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Все будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть,
На роковой стою очереди.

11 декабря 1870

* * *

Давно известная всем дура —
Неугомонная цензура
Кой-как питает нашу плоть —
Благослови ее господь!

1870(?)

* * *

Впросонках слышу я — и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Январь или февраль 1871

ЧЕРНОЕ МОРЕ

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула —
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово — русского царя.

И все, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Все рушилось само собой.

И вот: *свободная стихия*, —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил — насилие пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам — и без урона —
Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день,—
Он — наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

Начало марта 1871

ВАТИКАНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Был день суда и осуждения —
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень,—

И, божьим промыслом теснимый
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту,—

Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...

О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась — и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.

О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кошунство зреет и соблазн растет.

В испуге ищут *правду божью*,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.

И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь,— и где исход?

.

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

6 июля 1871

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело.
Красуются, шумят,— и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезой природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

17 августа 1871

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был русский,
В науке был он человеком.

29 декабря 1871

ПАМЯТИ М. К. ПОЛИТКОВСКОЙ

Elle a été douce devant la mort¹

Многозначительное слово
Тобою оправдалось вновь:
В крушении всего земного
Была ты — кротость и любовь.

В самом преддверье тьмы могильной
Не оскудел, в последний час,
Твоей души любвеобильной
Неисчерпаемый запас...

И та же любящая сила,
С какой себе не изменя,
Ты до конца переносила
Весь жизни труд, всю злобу дня,—

Та ж торжествующая сила
Благоволенья и любви,
Не отступив, приосенила
Часы последние твои.

И ты, смиренна и послушна,
Все страхи смерти победив,
Навстречу ей шла благодушно,
Как на отеческий призыв.

¹ Она была кроткой перед лицом смерти (франц.).

О, сколько душ, тебя любивших,
О, сколько родственных сердец —
Сердец, твоею жизнью живших,
Твой ранний поразит конец!

Я поздно встретился с тобою
На жизненном моем пути,
Но с задушевною тоскою
Я говорю тебе: прости.

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной,
Когда все гуще сходят тени
На одичалый мир земной,—

О, если в страшном раздвоенье,
В котором жить нам суждено,
Еще одно есть откровенье,
Есть уцелевшее звено

С великой тайною загробной,
Так это — видим, верим мы —
Исход души, тебе подобной,
Ее исход из нашей тьмы.

Начало марта 1872

* * *

День православного Востока,
Святись, святись, великий день,
Разлей свой благовест широко
И всю Россию им одень!

Но и святой Руси пределом
Его призыва не стесняй:

Пусть слышен будет в мире целом,
Пускай он льется через край,

Своею дальнею волною
И ту долину захвата,
Где бьется с немощию злою
Мое родимое дитя,—

Тот светлый край, куда в изгнанье
Она судьбой увлечена,
Где неба южного дыханье
Как врачество лишь пьет она...

О, дай болящей исцеленье,
Отрадой в душу ей повей,
Чтобы в Христово воскресенье
Всецело жизнь воскресла в ней...

16 апреля 1872

* * *

Все отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

Февраль 1873

БЕССОННИЦА

(ночной момент)

Ночной порой в пустыне городской
Есть час один, проникнутый тоской,
Когда на целый город ночь сошла
И всюду водворилась мгла,
Все тихо и молчит; и вот луна взошла,

И вот при блеске лунной сизой ночи
Лишь нескольких церквей, потерянных вдали,
Блеск золоченых глав, унылый, тусклый зев
Пустынно бьет в недремлющие очи,
И сердце в нас подкидышем бывает
И так же плачется и так же изнывает,
О жизни и любви отчаянно взывает.
Но тщетно плачется и молится оно:
Все вокруг него и пусто и темно!
Час и другой все длится жалкий стон,
Но наконец, слабея, утихает он.

Апрель 1873

* * *

Бывают роковые дни
Лютейшего телесного недуга
И страшных нравственных тревог;
И жизнь над нами тяготеет
И душит нас, как кошмар.
Счастлив, кому в такие дни
Пошлет всемилосердый бог
Неоценимый, лучший дар —
Сочувственную руку друга,
Кого живая, теплая рука
Коснется нас, хотя слегка,
Оцепенение рассеет
И сдвинет с нас ужасный кошмар
И отвратит судеб удар, —
Воскреснет жизнь, кровь заструится вновь,
И верит сердце в правду и любовь.

<Май> 1873

И вот теперь, мой друг, томит меня тревога:
От тех минут вдвоем какой остался след?
Обрывок мысли, взгляд... Увы, совсем немного!
И было ли все то, чего уж больше нет?

4 апреля 1838

(Перевод М. П. Кудинова)

* * *

Que l'homme est peu réel, qu'aisément il
s'efface! —
Présent, si peu de chose, et rien quand il
est loin.
Sa présence, ce n'est qu'un point,—
Et son absence — tout l'espace.

Как зыбок человек! Имел он очертанья —
Их не заметили. Ушел — забыли их.
Его присутствие — едва заметный штрих.
Его отсутствие — пространство мирозданья.

1842

(Перевод М. П. Кудинова)

Un rêve

«Quel don lui faire au déclin de l'année?
Le vent d'hiver a brûlé le gazon,
La fleur n'est plus et la feuille est fanée,
Rien de vivant dans la morte saison...»

Et consultant d'une main bien-aimée
De votre herbier maint doux et cher feuillet,
Vous réveillez dans sa couche embaumée
Tout un Passé d'amour qui sommeillait...

Tout un Passé de jeunesse et de vie,
Tout un Passé qui ne peut s'oublier...
Et dont la cendre un moment recueillie
Rehuit encore dans ce fidèle herbier...

Vous y cherchez quelque débris de tige —
Et tout à coup vous y trouvez deux fleurs...
Et dans ma main par un secret prodige
Vous les voyez reprendre leurs couleurs.

C'étaient deux fleurs: l'une et l'autre était
belle,
D'un rouge vif, d'un éclat peu commun...
La rose brille et l'oeillet étincelle,
Tous deux baignés de flamme et de parfum...

Et maintenant de ce mystère étrange
Vous voudriez reconnaître le sens...
Pourquoi faut-il vous l'expliquer, cher ange?..
Vous insistez. Eh bien soit, j'y consens.

Lorsqu'une fleur, ce frêle et doux prestige,
Perd ses couleurs, languit et se flétrit,
Que du brasier on approche sa tige,
La pauvre fleur aussitôt refleurit...

Et c'est ainsi que toujours s'accomplissent
Au jour fatal et rêves et destins...
Quand dans nos coeurs les souvenirs pâlissent,
La Mort les fait refleurir dans ses mains...

МЕЧТА

«Что подарить в такое время года?
Холодный вихрь обрушился на луг —
И нет цветов. Безмолвствует природа.
Пришла зима. Все вымерло вокруг».

И взяв гербарий милой мне рукою,
Перебирая хрупкие цветы,
Вы извлекали из сонного покоя
Все прошлое любви и красоты.

Вы разбудили то, что незабвенно,
Вы воскресили молодость и пыл
Минувших дней, чей пепел сокровенный
Гербарий этот бережно хранил.

На два цветка ваш выбор пал случайный,
И вот они, без влаги и земли,
В моей руке, подвластны силе тайной,
Былые краски снова обрели.

Цветы живут и шепчут: «Посмотри-ка,
Красивы мы, и ярок наш наряд...»
Сверкает роза, искрится гвоздика,
И вновь от них струится аромат.

Кто два цветка живой наполнил силой?
В чем тут секрет,— спросили вы меня.
Открыть его? Зачем же, ангел милый?
Вы просите? Ну что ж, согласен я.

Когда цветок, дар мимолетный, тленный,
Утратил краски, сник и занемог —
К огню его приблизьте, и мгновенно
Вновь расцветет зачахнувший цветок.

Таковыми же мечты и судьбы станут,
Когда часы последний час пробьют...
В душе у нас воспоминанья вянут,
Приходит смерть — и вновь они цветут.

7 октября 1847

(Перевод М. П. Кудинова)

* * *

Un ciel lourd que la nuit bien avant
l'heure assiège,
Un fleuve, bloc de glace et que l'hiver
ternit —
Et des filets de poussière de neige
Tourbillonnent sur des quais de granit...

La mer se ferme enfin... Le monde recule,
Le monde des vivants, orageux, tourmenté...

Et, bercée aux lueurs d'un vague
crépuscule,
Le pôle attire à lui sa fidèle cité...

Безвременная ночь восходит безнадежно
На небо низкое; река, померкнув, спит,
Как груды мертвых льдов, и нити пыли снежной
Кружатся и звездят береговой гранит.

Нет выхода! Весь мир исчез в тумане этом,
Тот мир, где место есть живым, грозе, борьбе!
И, убаюканный тем смутным полусветом,
О полюс! — город твой влечется вновь к тебе!

6 ноября 1848

(Перевод В. Я. Брюсова)

* * *

Comme en aimant le coeur devient pusillanime,
Que de tristesse au fond et d'angoisse et
d'effroi!
Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi,
Car le moment qui vient pourrait comme un
abîme
S'ouvrir entre elle et moi.

C'est là l'affreux souci, la terreur implacable,
Qui pèse lourdement sur mon coeur oppressé.
J'ai trop vécu, trop de passé m'accable,
Que du moins son amour ne soit pas du passé.

Как любящую грудь печаль и ужас гложат,
Как сердце робкое сжимается тоской!
Я времени шепчу: остановись, постой,
Ведь предстоящий миг, подобно бездне, может
Зиять меж ней и мной.

Неумолимый страх, предчувствие потери
На сердце налегли; я прошлым удручен,
Я слишком долго жил, но пусть, по крайней мере,
Не канет в прошлое ее любовь, как сон.

Начало 1850-х гг.

(Перевод С. М. Соловьева)

* * *

Vous, dont on voit briller, dans les nuits
azurées,
L'éclat immaculé, le divin élément,
Etoiles, gloire à vous! Splendeurs toujours
sacrées!
Gloire à vous qui durez incorruptiblement!
L'homme, race éphémère et qui vit sous
la nue,
Qu'un seul et même instant voit naître
et défleurir,
Passe, les yeux au ciel. — Il passe et vous salue!
C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir.

Огни, блестящие во глуби светло-синей,
О непорочный блеск небесного венца!
О звезды! Слава вам! Божественной святыней
Зажглись вы над землей, — и длится без конца.

А люди, жалкий род, несчастный и мгновенный,
Которому дано единый миг дышать,
В лазурь глаза вперив, поет вам гимн священный, —
Торжественный привет идущих умирать.

23 августа 1850

(Перевод В. Я. Брюсова)

Dès premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!

Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suaves rêveries
Se reflétait dans son azur!..

Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je crois sentir dans une brise
Glisser comme un printemps voilé...

О, как люблю я возвращаться
К истоку первых дней твоих
И, внемля сердцем, восхищаться
Рассказом — тем же все — о них!

Как много свежести и тайны
На тех встречаю берегах!
Что за рассвет необычайный
Сквозил в тех дымных облаках!

В каких цветах был луг прибрежный,
Ручья как чисто было дно,
Как много дум с улыбкой нежной
Лазурью той отражено!

О детстве, понятном так мало,
Чуть упомянешь ты порой, —
И мнилось мне, что овевало
Меня незримую весной.

12 апреля 1851

(Перевод А. А. Фета)

ПЕРЕВОДЫ

Гораций

ПОСЛАНИЕ ГОРАЦИЯ К МЕЦЕНАТУ, В КОТОРОМ ПРИГЛАШАЕТ ЕГО К СЕЛЬСКОМУ ОБЕДУ

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди,— тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!

Возженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Льют на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.

Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,
Приди в мою смиренную обитель!

Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенные

Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой.

Под кровом сельского Пената,
Где все красуется, все дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата,—
Там сладок кубок круговой!

Чело, наморщенное думой,
Теряет здесь свой вид угрюмый;
В обители отцов все льет отраду нам!

Уже небесный лев тяжелою стопою
В пределах зноя стал — и пламенной стезею
Течет по светлым небесам!..
В священной рощице Сильвана,
Где мгла таинственна с прохладою слиянна,
Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет,
Игривый ручеек едва-едва течет
И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;
Здесь в знойные часы, пред рощею густою,
Спит стадо и пастух под сению прохлада,
И в розовых кустах зефиры легки спят.
А ты, Фемида жрец, защитник беззащитных,
Проводишь дни свои под бременем забот;
И счастье сограждан — благий, достойный плод
Твоих желаний неусыпных! —
Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.
Благоговейте, персти чада! —
Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец — посмешище богов! —
Мы можем, странствуя в тернистой сей пустыне,
Сорвать один цветок, ловить летящий миг;
Грядущее не нам — судьбине;
Так предадим его на произвол благих! —
Что время? Быстрый ток, который в долах мирных,
В берегах, украшенных обильной муравой,
Катит кристалл валов сапфирных;
И по серебру зыбей свет солнца золотой
Играет и скользит; но час — и бурный вскоре,
Забыв свои берега, забыв свой мирный ход,
Теряется в обширном море,
В безбрежной пустоте необозримых вод!
Но час — и вдруг нависших бурь громады
Извергли дождь из черных недр;
Поток возвысился, ревет, расторг преграды,
И роет волны ярый ветер!..
Блажен, стократ блажен, кто может в умиление,
Возревши на Вождя светил,

Текущего почить в Нептуновы владенья,
Кто может, радостный, сказать себе: я жил!
Пусть завтра тучею свинцовой
Всесильный бог громов вокруг ризою багровой
Эфир сгущенный облечет,
Иль снова в небесах рассыплет солнца свет,—
Для смертных все равно; и что крылаты годы
С печального лица земли
В хранилище времен с собою увлекли,
Не пременит того и сам Отец природы.
Сей мир — игралище Фортуны злой.
Она кичливый взор на шар земной бросает
И всей вселенной потрясает
По прихоти слепой!..
Неверная, меня сегодня осенила;
Богатства, почести обильно мне лиет,
Но завтра вдруг простерла крыла,
К другим склоняет свой полет!
Я презрен — не ропщу,— и, горестный свидетель
И жертва роковой игры,
Ей отдаю ее дары
И облакаюсь в добродетель!..
Пусть бурями увитый Нот
Пучины сланные крутит и воздымает
И черные холмы морских кипящих вод
С громовой тучею сливает,
И бранных кораблей
Рвет снасти, все крушит в свирепости своей...
Отчизны мирная покрытый небесами,
Не буду я богов обременять мольбами;
Но дружба и любовь, среди житейских волн,
Безбедно приведут в пристанище мой челн.

Микеланджело Буонаротти

* * *

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

1855

В. Шекспир

* * *

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец то есть); сей, равно безумный,
Любовник страстный видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленье,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображенья виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и названье!..

II

ПЕСНЯ

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 1820-х гг.

Ж. Расин

<ИЗ «ФЕДРЫ»>

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил кругом воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли ответствует стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора,—
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, выблясь, стонет от его рыканья;
День, негодуя, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,

Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Все скрылося, ища спасенья в бегстве,—
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копые
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням,
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней — они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей,—
Напрасно с ними борется возница,
Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами,—
Прости слезам моим!.. сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей,—
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почитает древних!..
Я прибежал, зову... с усиьем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:

«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

Конец 1820-х гг.

И.-Г. Гердер

ПЕСНЬ СКАНДИНАВСКИХ ВОИНОВ

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся,—
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
Бодрей, бодрей
На пир мечей
На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..
Вихрем помчимся
Сквозь тучи и гром
К солнцу победы
Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит — перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Прорвет дружине в железной ночи.
За ним, за ним — в ряды врагов,
Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —
Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся,—
Дружина, воспрянь!..

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;
Но вас, обновленных прохладой сна,—
Кровавые битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

<1825>

И.-В. Гете

САКОНТАЛА

Что юный год дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий;
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья,—
Все, все Поэзия слила
В тебе одной — Саконтала́.

<1826>

ИЗ «ФАУСТА»

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!

Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг?
Как в первый день, непостижимы
Дела, всевышний, рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меня тихий свет небесный
С глубокой. ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой брег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И непрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.

Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!

II

«Кто звал меня?» —

«О страшный вид!» —

«Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз недаром —
И днесь...» —

«Твой взор меня мертвит!» —

«Не ты ль молил, как иступленный,
Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой
И се предстал! Какой же страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..

Та ль эта грудь, чья творческая сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И, в упоении отваги неземной,
С неутомимым напряженьем
До нас, духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным молением?
Ты, Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим дхновеньем,
Во всех души своей дрожащий глубинах?..» —
«Не удручай сим пламенным презреньем
Главы моей! Не склонишь ты ея!
Так, Фауст я, дух, как ты! твой равный я!..» —
«Событий бурю и вал судеб

Вращаю я,
Воздвигаю я,

Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рождение, Воля и Рок,

Волны в боренье,
Стихии во пренье,
Жизнь в измененье —
Вечный, единый поток!..

Так шумит на стану моем ткань роковая,
И богу прядется риза живая!» —
«Каким сродством неодолимым,

Бессмертный дух! влечешь меня к себе!» —
«Лишь естествам, тобою постижимым,
Подобен ты — не мне!..»

III

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищете моей,
Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть — но веры нет для ней!
О вера, вера, мать чудес родная,

Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но, к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный,—
Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и доли уводил —
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас —
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

IV

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?
Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит,— и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его течение?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечереющий, смеется...
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в златые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.
Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,

И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною ночь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и ввысь и вдале стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди...
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширясь, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

V

Державный дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод —
В них братий познавать и их любить!
Когда ж в бору скрипит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей — и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!
Подыметесь ль, всеулажда, месяц
В сиянье кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлажненного бора,

Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

Конец 1820-х — начало 1830-х гг.

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХА

На старой башне, одинок,
Дух рыцаря стоит —
И лишь завидит он челнок,
Приветом огласит:

«Играла жизнь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца...

Пробушевал полжизни я —
Полжизни проволока...
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток».

<1830>

ПЕВЕЦ

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор — не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен — поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой —
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты витязям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом господь благословил,
Где это — скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

<ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА»>

I

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

II

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд,—
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня,—
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночью и днем
Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..
Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

<1830>

Kennst du das Land?..¹

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет...
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь — уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

<1851>

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви — и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уж свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

<1830>

¹ Ты знаешь край?.. (нем.)

ИЗ «ЗАПАДНО-ВОСТОЧНОГО ДИВАНА»

Запад, Норд и Юг в крушение,
Троны, царства в разрушение,—
На Восток укройся дальный
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,

Память праотцев святивших,
Иноземню претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль — тесна, пространна вера,
Слово — в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазиси цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Ислежу все направленья.

Песни Гафица святыя
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То уплюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает,—

И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымолая!..

<1830>

ЗАВЕТНЫЙ КУБОК

Был царь, как мало их ныне,—
По смерти он верен был:
От милой, при кончине,
Он кубок получил.

Ценил его высоко
И часто осушал,—
В нем сердце сильно билось,
Лишь кубок в руки брал.

Когда ж сей мир покинуть
Пришел его черед,
Он делит все наследство,—
Но кубка не дает.

И в замок, что над морем,
Друзей своих созвал
И с ними на прощанье,
Там сидя, пировал.

В последний раз упился
Он влагой огневой,
Над бездной наклонился
И в море — кубок свой...

На дно пал кубок морское,—
Он пал, пропал из глаз,
Забилось ретивое,
Царь пил в последний раз!..

<1830>

<ИЗ «ЭГМОНТА»>

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волненье,
В небе ликуя, томясь на земли,
 Страстно ликующей,
 Страстно тоскующей
Жизни блаженство в одной лишь любви...

Февраль 1870

Ф. Шиллер

ГЕКТОР И АНДРОМАХА

А н д р о м а х а

Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани,
Где с булатом в неприступной длани
Мстительный свирепствует Пелид?..
Кто же призрит Гекторова сына,
Кто научит долгу властелина,
Страх к богам в младенце поселит?..

Г е к т о р

Мне ль томиться в тягостном покое?..
Сердце жаждет прохладенья в бое,
Мести жаждет за Пергам!..
Древняя отцов моих обитель!
Я паду!.. но, родины спаситель,
Сниду весел к Стиксовым брегам...

А н д р о м а х а

Суждено ль мне в сих чертогах славы
Видеть меч твой праздный и заржавый? —
Осужден ли весь Приамов род?..
Скоро там, где нет любви и света, —
Там, где льется сумрачная Лета,
Скоро в ней любовь твоя умрет!..

Гектор

Все души надежды, все порывы,—
Все поглотят воды молчаливы,—
Но не Гектора любовь!..
Слышишь?.. Мчатся... Пламя пышет боя!..
Час ударил!.. Сын, супруга, Троя!..
Бесконечна Гектора любовь!..

<1822>

ПЕСНЬ РАДОСТИ

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Все, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость,—
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить,— из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*

У грудей благой природы
Все, что дышит, Радость пьет!
Все создания, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,
Ангел — богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени — солнце там,—
Выше звезд его ищите!..

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы — хаос развила
И в пространствах — звездочету
Неподвластных — разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!

В ярком истины зеркале
Образ твой очам блеснит;

В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохлажденья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!

Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?
В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести — купим друга,
Пурпур — вретница ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живет!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, — на колена!
Всеблагодару кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!

Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым — братскую услугу,
Добрым — братскую любовь,
Верность клятв — врагу и другу,
Долгу в дань — всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, отец,
Простираем в бесконечность!
Нашим клятвам даруй вечность,
Наши клятвы — гимн сердец!

Февраль 1823

ПОМИНКИ

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко славя всех богов...
 «Раздавайся, глас победный!
 Вы к брегам родной земли
 Окрыляйтесь, корабли,
 В путь возвратный,
 в путь безбедный!»

И сидели в длинном строе —
Грустно-бледная семья —

Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...

«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градожиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!

«Опрокинут, уничтожен
Град великий Илион!
Долгий, долгий спор решен,—
Суд бессмертных непреложен».

Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атрев сын,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:
Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.

«Так возвысьте ж глас хвалебный!
Пой и радуйся стократ,
У кого златой возврат
Не похитил рок враждебный!»

«Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...

Жив и цел вернулся с бою —
Гибнет в храмине своей!..» —
Рек Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...

«Тот лишь дом и тверд и прочен,
Где семейный свят устав:
Легковерен женский нрав,
И изменчив, и порочен».

И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
«Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит —
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...

Злой конец началу злomu!
Правоправящий Кронид
Вероломцу страшно мстит —
И семье его и дому».

«Хорошо любимцам счастья, —
Рек Аякса брат меньшей, —
Олимпийцев самовластье
Величать своей хвалой!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:
Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..

Счастье жеребии сеет
Своевольною рукою.
Веселись и песни пой
Тот, кого светило греет!

Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты — оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!

Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...
 Не врага рукой победной —
 От руки ты пал своей...
 Ах, и лучших из людей
 Часто губит гнев зловерный!

И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...»
«Как тебя, о мой родитель,
Никого, — он возгласил, —
Зевс, великий промыслитель,
На земле не возносил!
 На земле, где все изменно,
 Выше славы блага нет.
 Нашу персть — земля возьмет,
 Имя славное — нетленно».

«Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин, —
Сын Тидеев провещал —
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...
 Честь тому, кто, не робея,
 Жизнь за братий положил!
 Победитель — победил,
 Слава падшего святее!»

Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...

Мать, вкуси струи целебной
И забудь судеб закон.
Дивно нас врачует он
Бога Вакха дар волшебный».

И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила —
И утешилась она.
«Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!»

И воздвиглась на прощанье
Провозвестница-жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обзрев в последний раз:
«Дым и пар — здесь все земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни,—
Все земное идет мимо!»

Конец 1850 — начало 1851

<ИЗ «ВИЛЬГЕЛЬМА ТЕЛЛЯ»>

Es lächelt der See...¹

С озера веет прохлада и нега,—
Отрок заснул, убаюкан у берега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне;

¹ Смеется озеро...(нем.).

То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна,—
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятия мои!»

1851

* * *

С временщиком Фортуна в споре
К убогой Мудрости летит:
«Сестра, дай руку мне — и горе
Твоя мне дружба облегчит.

Дарами лучшими моими
Его осыпала, как мать,—
И что ж? Ничем не насытимый,
Меня скупой он смел назвать!..

София, верь мне, будем дружны!
Смотри: вот горы серебра —
Кинь заступ твой, теперь ненужный,—
С нас будет, милая сестра». —

«Лети! — ей Мудрость отвечала. —
Не слышишь? Друг твой жизнь клянет —
Спаси безумца от кинжала,
А мне в Фортуне нужды нет...»

1857, до 2 апреля

П.-Ж. Беранже

* * *

Пришлось кончить жизнь в овраге:
Я слаб и стар — нет сил терпеть!
«Пьет, верно», — скажут о бродяге, —
Лишь бы не вздумали жалеть!
Те, уходя, пожмут плечами,
Те бросят гривну бедняку!
Счастливый путь, друзья! Бог с вами!
Я и без вас мой кончить век могу!

Насилу годы одолели,
Знать, люди с голода не мрут.
Авось, — я думал, — на постели
Они хоть умереть дадут.
Но их больницы и остроги —
Все полно! Силой не войдешь!
Ты вскормлен на большой дороге —
Где жил и рос<?>, старик, там и умрешь.

Я к мастерам ходил сначала,
Хотел кормиться ремеслом.
«С нас и самих работы мало!
Бери суму да бей челом».
К вам, богачи, я потащился,
Грыз кости с вашего стола,
Со псами вашими делился, —
Но, я, бедняк, вам не желаю зла.

Я мог бы красть, я — Ир убогой,
Но стыд мне руки оковал;
Лишь иногда большой дорогой
Я дикий плод с дерев сбивал...
За то, что нищ был, между вами
Век осужден на сиротство...
Не раз сидел я за замками,
Но солнца свет — кто продал вам его?

Что мне до вас и вашей славы,
Торговли, вольностей, побед?
Вы все передо мной неправы —
Для нищего отчизны нет!
Когда пришлец вооруженный
Наш пышный город полонил,
Глупец, я плакал, раздраженный,
Я клял врага, а враг меня кормил!

Зачем меня не раздавили,
Как ядовитый гад какой?
Или зачем не научили —
Увы! — полезной быть пчелой!
Из ваших, смертные, объятий
Я был извержен с первых лет,
Я в вас благословил бы братий,—
Днесь при смерти бродяга вас клянет!

Между 1833 и апрелем 1836

А. Мандзони

<ИЗ «ПЯТОГО МАЯ»>

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон,—

Все испытал он! — счастье,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком
Его узрев, смирились вдруг
Как пред всеильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
Свой век неимоверный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

Концу 1820-х гг.

А. Уланд

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

<1830>

Дж. Байрон

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ

Как медлит путника внимание
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в вашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

<1826>

И.-Х. Цедлиц

БАЙРОН

(Отрывок)

1

Войди со мной — пуста сия обитель,
Сего жилища одичали боги,
Давно остыл алтарь их — и без смены
На страже здесь молчанье. На пороге
Не встретит нас с приветствием слуги,
На голос наш откликнутся лишь стены.

Зачем, о сын Камены
Любимейший, — ты, наделенный даром
Неугасимо-пламенного слова,
Зачем бежал ты собственного крова,
Зачем ты изменил отцовским ларам?
Ах, и куда, безвременно почивший,
Умчал тебя сей вихрь, тебя носивший!

2

Так, некогда здесь был жилец могучий,
Здесь песнями дышал он — и дыханье
Не ветерка в черемухе душистой
Казалось игривое журчанье, —
Нет, песнь его грозней гремящей тучи,
Как божий гнев, то мрачный, то огнистый,
Неслась по тверди мгlistой, —
Вдруг над зеленой нивой или садом

Невыцветшим заклепы расторгала
И мрак, и лед, и пламень извергала,
Огнем палила, бороздила градом,—
Местами лишь, где туча разрывалась,
Лазурь небес прелестно улыбалась!

3

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало,—
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
И нечто грудь теснило.
Как бы кругом воздушный слой, редя,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, неоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею,—
Ты был орел — и со скалы родимой,
Где свил гнездо — и в нем как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неустоимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твое искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,

Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете
Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье,—
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залого,—
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель,—
Так и ему по жизненной дороге
Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой кущи! —
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
На встречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный,—
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
Душистей и свежее,—
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвевает светом

Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

То совершитель тризны благочестной,
Теней погибших окруженный роем,
Равнину ту обходит он с тоскою,
Где жребий мира выпал славным боем,
Где был судим сей страшный суд железный!..
Сия земля, клейменная судьбою,

Под чуткою стопою
Дрожит еще невольно и поныне,
Как тундра крови,—здесь, в мученьях страшных,
Притоптаны ряды сердец отважных,
И слоем лег их пепел по равнине,—
Враждебные, они затихли вместе,
Те с жаждою, те в упоенье мести!..

9

Но дале бард — и видит пред собою
Гроздоносящий вечно-юный Рейн,—
И там и сям, на выси виноградной
Мелькает замок, и поднесь обвеян
Волшебной былью, мглисто-золотою!..
И вот, вдали, сияющий и хладный,

Возник титан громадный —
Швейцария!.. Там мир как за оградой;
Звучит рожок, поют вольней потоки,
В горах, как в чаше, озера глубоки,
Свет на холмах, в долинах тень с прохладой
И надо всем вершины ледяные,
То бледные, то огненно-живые!..

10

Потом с высот, где, разлучаясь, воды
В широкие, полдневные равнины,
Как бы на пир, стремят свое теченье,
Отколь не раз, как льдистые лавины,
Полночные срывались народы,—

В Италию, родимое владенье,
Он сводит вдохновенье —
Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит,
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всеильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насилья, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запустенье
И жизнь и разрушенье
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
Горе над ней светило,—
И скоро ли — то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

Певец угас пред жертвенником брани!..
 Но песнь его нигде не умолкала,—
 Хоть из груди, истерзанной страстями,
 Она нередко кровью вытекала,
 Волшебный жезл не выпадал из длани,
 Но двигал он лишь адскими властями!..

В распре с небесами

Высокая божественность мученья
 Была ему загадкою враждебной —
 И, упиваясь чашею врачебной,
 Отравы жаждал он, не исцеленья,—
 Вперенные в подземный ужас очи
 Он отвращал от звездной славы ночи!..

Таков он был, могучий, величавый,
 Восторженный хулитель мирозданья!..
 Но зависти ль удел его достоин?..
 Родительским добром существованья
 Он приобрел даруемое славой!
 Но был ли он, сим демоном присвоен,
 Иль счастлив, иль спокоен?
 Сиянье звезд, денницы луч веселый
 Души его, где вихри бушевали,
 Лишь изредка угрюмость пропевали..
 Он стихнул днесь, вулкан перегорелый..
 И позднее бессмертия светило
 С ночных небес глядит в него уныло...

Между 1828 и 1830

А. Ламартин

ОДИНОЧЕСТВО

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
Светлеет в тишине глубокой.
По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
На колеснице облаков,
И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает,— и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
Прекрасен мир! Но восхищенью
В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.
С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но, ах, где встречу то, чтоб взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного — и мир весь опустел.

Встает ли день, ночные ль сходят тени,—
И мрак и свет противны мне...
Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье.
Когда на лучший мир покину дольный прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполнение,
Где солнца истины в нетленных небесах?..
Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
К чему душа и здесь еще стремится,
И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
Живые мысли божества!
Какая ночь сгустилась над землею,
И как земля, в виду небес, мертва!..
Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный!
И мне, и мне, как мертвому листу,
Пора из жизненной долины,—
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Между 1820 и первой половиной марта 1822; <1823>

Г. Гейне

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ

На севере мрачном, на дикой скале
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

1823 или 1824

* * *

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч,—
Так, один, в ночи бывшего
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лике
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

Между 1824 и 1829

* * *

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.

Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

Между 1823 и 1830

ВОПРОСЫ

Над морем, диким полуночным морем
Муж-юноша стоит —

В груди тоска, в уме сомненья —
И, сумрачный, он вопрошает волны:
«О, разрешите мне загадку жизни,
Мучительно-старинную загадку,
Над коей сотни, тысячи голов —
В египетских, халдейских шапках,
Гиероглифами ушитых,
В чалмах, и митрах, и скуфьях,
И с париками и обритых —
Тьмы бедных человеческих голов
Кружилися, и сохли, и потели, —
Скажите мне, что значит человек?

Откуда он, куда идет,
И кто живет над звездным сводом?»
По-прежнему шумят и ропщут волны,
И дует ветер, и гонит тучи,
И звезды светят холодно и ясно, —
Глупец стоит — и ждет ответа!

Между 1827 и 1830

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Надежда и любовь — все, все погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной — пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,

И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..

Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадные встают!

Живет на севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!...

О черно-пламенное солнце,
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млея, и трепетал,—
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскрылялся
И к солнцу, как орел, парил!..

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло — счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один,—
На дикий брег заброшенный грозою,
Лежу простерт — и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

Между 1827 и 1830

Закралась в сердце грусть,— и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног,—
Господь-бог на небе скончался
И в аде сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брызга, везде раскол,—
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Между 1826 и 1830

<ИЗ «ПУТЕВЫХ КАРТИН»>

«Прекрасный будет день»,— сказал товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки.—
Так, день прекрасный будет,— повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристокрация светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных,—
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов,— и в сих душах

Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огонь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истощили —
И бледных, преждевременно одряхших,
Нас озарит победы поздний день!..
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный!..

Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,
Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе.— Бедный месяц!
В глухую полночь одиноко, сиротливо,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал — и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитой зарей,

Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

1830

* * *

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! —
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?..

Между 1834 и апрелем 1836

МОТИВ ГЕЙНЕ

Если смерть есть ночь, если жизнь есть день—
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя...

Обессиленный, отдаюсь ему..
Но все грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...

1868 или начало 1869

В. Гюго

ИЗ «ЭРНАНИ»

Великий Карл, прости! — Великий, незабвенный,
Не сим бы голосом тревожить эти стены —
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей, живущих миг один!
Сей европейский мир, руки твоей создание,
Как он велик, сей мир! Какое овладанье!..
С двумя избранными вождями над собой —
И весь багрянородный сонм — под их стопой!..
Все прочие державы, власти и владенья —
Дары наследия, случайности рожденья, —
Но папу, кесаря сам бог земле дает,
И промысл через них нас случаем блюдет.
Так соглашает он устройство и свободу!
Вы все, позорищем служащие народу,
Вы, курфюрсты, вы, кардиналы, сейм, синклит, —
Вы все ничто! Господь решит, господь велит!..
Родись в народе мысль, зачатая веками,
Сперва растет в тени и шевелит сердцами —
Вдруг воплотилась и увлекла народ!..
Князья куют ей цепь и зажимают рот,
Но день ее настал, — и смело, величаво
Она вступила в сейм, явилась средь конклава,
И, с скипетром в руках иль митрой на челе,
Пригнула все главы венчаннные к земле...
Так папа с кесарем всесильны — все земное
Лишь ими и чрез них. Как таинство живое
Явило небо их земле, — и целый мир —

Народы и цари — им отдан был на пир!..
Их воля строит мир и здание замыкает,
Творит и рушит. — Сей решит, тот рассекает.
Сей Истина, тот Сила — в них самих
Верховный их закон, другого нет для них!..
Когда из алтаря они исходят оба —
Тот в пурпуре, а сей в одежде белой гроба —
Мир, цепenea, зрит в сиянье торжества
Сию чету, сии две полы божества!..
И быть одним из них, одним! О, посрамление
Не быть им!.. и в груди питать сие стремленье!
О, как, как счастлив был почивший в сем гробу
Герой! Какую бог послал ему судьбу!
Какой удел! и что ж? Его сия могила.
Так вот куда идет — увы! — все то, что было
Законодатель, вождь, правитель и герой,
Гигант, все времена превывсивший главой!
Как тот, кто в жизни был Европы всей владыкой,
Чье титло было кесарь, имя Карл Великий,
Из славимых имен славнейшее поднесь,
Велик — велик, как мир, — а все вместилося здесь!
Ищи ж владычества и взвесь пригоршни пыли
Того, кто все имел, чью власть как божью чтили.
Наполни грохотом всю землю, строй, возвысь
Свой столп до облаков, все выше, высь на высь —
Хотя б бессмертных звезд твоя коснулася слава,
Но вот ее предел!.. О царство, о держава,
О, что вы? все равно — не власти ль жажду я?
Мне тайный глас сулит: твоя она — моя —
О, если бы моя! Свершится ль предвещанье? —
Стоять на высоте и замыкать создание,
На высоте — один — меж небом и землей
И видеть целый мир в уступах под собой:
Сперва цари, потом — на степенях различных —
Старейшины домов удельных и владычных,
Там доги, герцоги, церковные князья,
Там рыцарских чинов священная семья,
Там духовенство, рать, — а там, в дали туманной,

На самом дне — народ, несчетный, неустанный,
Пучина, вал морской, терзающий свой брег,
Стозвучный гул, крик, вопль, порою горький смех,
Таинственная жизнь, бессмертное движение,
Где, что ни брось во глубь, и все они в брожение —
Зерцало грозное для совести царей,
Жерло, где гибнет трон, всплывает мавзолей!
О, сколько тайн для нас в твоих пределах темных!
О, сколько царств на дне — как остовы огромных
Судов, свободную теснивших глубину,
Но ты дохнул на них — и груз пошел ко дну!
И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироуправленья жезл! Кто я? Исчадь праха!

Неизвестный автор

В РИМЕ

(С французского)

Средь Рима древнего сооружалось зданье —
То Нерон воздвигал дворец свой золотой.
Под самую дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, бог земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя». —
«Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной!» —
«Весь мир тебе слуга, а мне слугою — Время».

Конец декабря 1866 — начало января 1867

ПРИЛОЖЕНИЕ

Отроческие стихотворения

НА НОВЫЙ 1816 ГОД

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеанный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющий свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца — Новый год!..

Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зеркало! —
Все рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..

Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колючи терны обвились!..

А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отнять насущный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! стезя богатств к гибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва Евменид,
Блеск пышности твоей, грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..

Там вечно будешь зреть секиру изощренну,
На тонком волоске висящу над главою;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны — червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге лстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет — на жупел раскаленный,—
И вечный вопль пронзит твой слух!

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград! —
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской мести!—
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

Начало 1816

ДВУМ ДРУЗЬЯМ

В сей день, блаженный день, одна из вас прияла
И добродетели и имя девы той,
 Котора споборала
 Религии святой;
Другой же бытие Природа даровала.

Она обеих вас на то произвела,
 Чтоб ваши чувства и дела
 Взаимно счастье составляли
И полу нежному пример бы подавали.

Разлука угнетает вас,
О верные друзья! Настанет вскоре час —
Приятный, сладостный, блаженный час свиданья:
 И в излиянии сердец
 Вы узрите ее конец
И позабудете минувшие страданья!..

4 декабря 1816

* * *

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю — о том не рассуждаю,
Я много отдаю, но мало получаю,
И в имя же свое собой повелеваю,
 И если бить хочу кого,
 То бью себя я самого.

Вторая половина 1810-х гг.

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды покроют
И Дивного во храм бессмертья проведут!

8 мая 1818

УРАНИЯ

Открылось! — Не мечта ль? Свет новый!
Нова сила

Мой дух восторженный, как пламень, облекла!
Кто, отроку, мне дал парение орла! —
Се муз бесценный дар — се вдохновенья крыла!
Несусь, — и дольный мир исчез передо мной, —

Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой, —
Исчез! — Как солнца луч златой,
Коснулся вежд эфир небесный...

И свеял прах земной...

Я зрю превыспренных селения чудесны...
Отсель — отверзшимся таинственным вратам —

Благоволением судьбины

Текут к нам дщери Мнемозины,
Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,
И в светлой лазури спокойных валов
С горящими небо пылает звездами,
Как в чистом сердце — лик богов;
Как тихий трепет — ожиданье;
Окрест священное молчанье.

И се! Как луна из-за облак, встает
Урании остров из серебряной пены;
Разлился вокруг немерцающий свет,
Богинь улыбкою рожденный...
Несутся свыше звуки лир;
В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала
И пояс волшебный всеильных харит,
Здесь образ *Урания* свой восприняла,
И звездный венец на богине горит!
Что нас на земле мечтою пленяло,
Как *Истина* то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь под ясным небосклоном
Прояснится жизни мрачный ток;
Токмо здесь, забытый *Аквилоном*,
Льется он, и светел и глубок!
Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн *Поэзии* венок!..

Как *Фарос* для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесныя* храм; —
И *Мудрость* приветствует горним плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окрест благодатной в зарях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижимыми вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, *Благосердие*, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне — отчизны ограда,
И хладная *Доблесть* с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клеветет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вокруг них в святом благоговенье
Свершает по холмам облаковидных гор
В кругах таинственных течение
Наук и знаний светлый хор...

Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит *Гармонию* и правит их путями:

По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
Где прежде мрачна ночь была,
Там светозарна дня явление;

Как звезд река, по небосклону вокруг
Простершись, оно вселенну обнимает
И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем
векам? —
Восток таинственный! — Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце врат
Рожденья своего обителью надменно
Исходит и течет, царь томный и сомненный..
Где Вавилоны здесь, где Фивы? — где мой град?
Где славный Персеполь? — где Мемнон, мой
глашатай?

Их нет! — Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...

Сокройся, брэнного величья мрачный вид!..
И солнце в путь стремится дальный:

Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады;
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,

И сладки песни пастухов; —

Рим встал, — и Марсов гром и песни сладкогласны
Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..

Но что сретает взор? — Куда, куда ты скрылась,
Небесная! — Бежит, как бледный в мгле призрак,

Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!

«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод

И не умрет!..» —

Рекла Урания и скиптром помавает,

И бледную, изъязвленную главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозная ужасная краса!

Все возвратили вы, что в ярости несытой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,
Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы
Победу и венец; —

Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, молодой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира; —

Но кто сии два гения стоят?
Как светonosны серафимы,
Хранители Эдемских врат
И тайн жрецы непостижимых? —

Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;
Земного чуждые, возносят к небу взор

В огне божественных мечтаний!..
Почто горит лицо морских пучин?

Куда восторженны бегут Тамизы воды?
Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..
Благоговей, земля! Склоните слух, народы!
Певцы бессмертные вещают бога вам:
Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;

Другой, как благодать, благовестит спасенье

И путь, ведущий к небесам.

И се! среди снегов Полунощи глубокой,
Под блеском холодных зорь, под свистом льдистых вьюг,
Восстал от Холмогор, — как сильный кедр, высокой,
Встает, возносится и все объемлет вокруг

Своими крепкими ветвями;

Подъемлясь к облакам, глава его блеснит
Бессмертными плодами.

И тамо, где металл блистательный сокрыт,
Там роет землю он глубокими корнями, —
Так Русский Пиндар встал! — взнес руку к небесам,

Да воспретит пылающим громам;

Минервы копием бьет недра он земные —

И истекли сокровища златые;

Он повелительный простер на море взор —

И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..

Певец, на гроб отца, царя-героя,

Он лавры свежие склонил

И дни бесценные блаженства и покоя

Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний

Дал отблеск на крутых Аракса берегах;

И гении туда простерли взор и длани,

И Фивы новые зарделися в лучах...

Там, там, в стране денницы,

Возник Певец Фелицы!..

Таинственник судеб прорек

Царя-героя в колыбели...

Он с нами днесь! Он с неба к нам притек,

Соборы гениев с ним царственных слетели;

Престол его обстали вокруг;

Над ним почиет божий дух!

И музы радостно воспели

Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всеильною рукою

Закрылись Януса врата!

Ты оградил нас тишиною,

Ты слава наша, красота!

Смиренно к твоему склоняся престолу,
Перуны спят горé и долу.
И здесь, где все — от благодати твоей,
Здесь паки гений просвещенья,
Блистая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священи,
Что, постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете.

<Июнь 1820>

ПРИМЕЧАНИЯ

В первый том настоящего двухтомного собрания сочинений Ф. И. Тютчева вошла бóльшая часть его поэтического наследия (352 стихотворения из 394-х). Не включены только некоторые стихотворения «на случай» и мелкие шуточные стихотворения, имеющие узкобиографический интерес, недоработанные произведения последних месяцев жизни и стихи, приписываемые поэту (в том числе «Средство и цель», «К***» («Уста с улыбкою приветной...») и «И дым отечества нам сладок и приятен...», ранее печатавшиеся в основных разделах тютчевских изданий без достаточных оснований). Из переводов не включено только стихотворение баварского короля Людвига «Императору Николаю I», переведенное Тютчевым по долгу службы. Первый раздел занимает оригинальная лирика. Стихотворения, написанные на французском языке, переводы и отрывочные стихотворения выделены в особые разделы.

Внутри разделов (кроме раздела переводов) по возможности соблюден хронологический порядок. Датировки целого ряда стихотворений уточнены. Это касается прежде всего стихотворений конца 1820-х годов, присланных в Россию не позднее начала 1830 года, и нескольких стихотворений, копии которых имеются в основной части Сушковской тетради, датированной не позднее середины 1851 года. Все точные даты даются без скобок. Даты, не позднее которых, по тем или иным сведениям, написаны стихотворения, заключены в угловые скобки. Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком.

До настоящего времени с изданием поэтического наследия Тютчева связаны немалые трудности текстологического характера. Тютчев был невысокого мнения о своих стихах, не стремился к их публикации отдельными сборниками, не хранил рукописей, зачастую был географически оторван от основных мест публикации его лирики. В подготовке первого издания (1854) он принял лишь пассивное участие, а от участия во втором издании (1868) отказался вовсе. В результате тексты этих изданий оказались настолько неисправны, что второе из них (а в основу его лег текст первого издания) Тютчев назвал «списком безобразным» (в стихотворении «Миханлу Петровичу Погодину»). Отсутствие авторизованных изданий поставило перед советскими текстологами сложную задачу установления критически проверенного текста стихов поэта. Последнее научное издание стихотворений Тютчева («Лирика» 1965 г. в двух томах) обобщило многолетний опыт изучения

тютчевских текстов. Тексты «Лирики» положены в основу подавляющего большинства текстов стихотворений данного тома. За годы, прошедшие после выхода «Лирики», были дополнительно изучены рукописи Тютчева 1820—1830-х годов (то есть ранчевское и гагаринское собрания) и источники издания 1854 года (прежде всего Сушковская тетрадь и Мурановский альбом). Тексты настоящего издания были сверены и с другими важнейшими источниками. Это позволило сделать ряд уточнений в текстах настоящего тома. Все существенные исправления оговорены в примечаниях.

Тексты печатаются с сохранением некоторых особенностей правописания Тютчева, имеющих звуковое, смысловое или стилистическое значение. В значительной степени сохранена тютчевская пунктуация. Грамматические особенности языка Тютчева сохранены полностью.

В примечаниях указываются место первой публикации, источник печатаемого в настоящем издании текста, если он отличается от издания 1965 г., и внесенные в текст уточнения. К некоторым стихотворениям приведены важнейшие редакции и варианты, дающие материал для определения первоначального замысла, характеристики творческого процесса или для истории публикации. Во всех случаях, когда это установлено или весьма вероятно, указываются повод к написанию и адресат стихотворения. В остальной части примечания носят по преимуществу справочный характер.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аксаков 1886 — И. С. Аксаков. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886.

АБ — альбом М. Ф. Тютчевой-Бирилевой (собрание К. В. Пигарева).

ГБЛ — отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

ГПБ — отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Изд. 1854 — Стихотворения Ф. Тютчева. СПб., 1854.

Изд. 1868 — Стихотворения Ф. Тютчева. М., 1868.

Лирика 1965 — Ф. И. Тютчев. Лирика, т. I—II. Издание подготовил К. В. Пигарев. М., «Наука», 1965 (серия «Литературные памятники»).

МА — Мурановский альбом (ЦГАЛИ).

Нов. стих. 1926 — Ф. И. Тютчев. Новые стихотворения. Редакция и примечания Г. Чулкова. М.-Л., «Круг», 1926.

ПД — отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

Пигарев 1962 — К. В. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., изд-во АН СССР, 1962.

- ПССоч. 1913 — Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений. С критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, библиографическим указателем, примечаниями, вариантами, факсимиле и портретом. Издание восьмое. Редакция П. В. Быкова. СПб., изд-во А. Ф. Маркса, <1913>.
- ПССтих. 1933—1934 — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Редакция и комментарии Г. Чулкова. Вступительная статья Д. Д. Благого. Т. I. М.-Л. «Academia», 1933. Т. II. 1934.
- ПССтих. 1939 — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья и общая редакция Вас. Гиппиуса. Редакция текстов и примечания К. Пигарева. Л., «Советский писатель», 1939 («Библиотека поэта», большая серия).
- ПССтих. 1957 — Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. Вступительная статья Б. Я. Бухштаба. Подготовка текста и примечания К. В. Пигарева. Л., «Советский писатель», 1957 («Библиотека поэта», большая серия, 2-е издание).
- Совр. 1854—3 — Стихотворения Ф. Тютчева. СПб., 1854. Приложение к журналу «Современник». 1854, т. 44, № 3.
- Совр. 1854—5 — Стихотворения Ф. Тютчева (служащие дополнением к напечатанным в № 3 «Современника»). Приложение к журналу «Современник», 1854, т. 45, № 5.
- Соч. 1886 — Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1886.
- Соч. 1900 — Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900.
- СТ — Сушковская тетрадь (ЦГАЛИ).
- Стих. 1953 — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. Д. Благого, Л., «Советский писатель», 1953 («Библиотека поэта», малая серия, 2-е издание).
- Стих. 1962 — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Вступительная статья и подготовка текста Н. Я. Берковского. Примечания Н. В. Королевой. М.-Л., «Советский писатель», 1962 («Библиотека поэта», малая серия, 3-е издание).
- Стих. Письма 1957 — Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. Вступительная статья, подготовка текста и примечания К. В. Пигарева. М., Гослитиздат, 1957.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Неверные преодолев пучины...» Впервые — Соч. 1900, с. 13. Обращено к С. Е. Раичу (1792—1855) и написано по поводу окончания им перевода «Георгик» Вергилия (70—19 до н. э.). Долгое время скрывая свой труд от посторонних, Раич показывал его только Тютчеву. См.: С. Е. Раич. Автобиография. — «Русский библиофил», 1913, № 8, с. 24. Отдельное издание раичевского перевода «Георгик» вышло в свет в 1821 году. *Древо Аполлона* — лавр.

К оде Пушкина на Вольность. Впервые — журн. «Русская старина», 1887, т. 56, октябрь, с. 129, с цензурными пропусками в 8 и 11 строках. Печатается по списку из тетради С. Д. Полторацкого (ГБЛ), сверенному с текстом, опубликованным в «Северных цветах» на 1903 год (с. 190—191) по другому списку. М. П. Погодин отметил в своем дневнике 1 ноября 1820 года разговор с Тютчевым о пушкинской оде «Вольность». См.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1, СПб., 1888, с. 194. В бумагах Погодина в ГБЛ имеется копия двух последних строк «Вольности» Пушкина, сделанная рукою Тютчева. *Проснулся в лире дух Алцея...* Тютчев сравнивает Пушкина с древнегреческим поэтом Алкеем (VII—VI в. до н. э.), в одах которого были сильны тираноборческие мотивы.

Весеннее приветствие стихотворцам. Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности». 1822, ч. 1, кн. 2, с. 164—165. Печатается по первой публикации. В 1828 году в журнале «Русский зритель» (ч. 3, № 11—12, с. 195) была напечатана иная редакция стихотворения — под названием «Весна (посвящается друзьям)», без 4 и 5 строк, содержащих неуместный к тому времени намек на давние натурфилософские споры в кружке Раича, и с припиской, со стихотворением органически не связанной и являющейся своеобразным сопроводительным письмом:

Вам, вам сей бедный дар признательной любви,
Цветок простой, не благовонный,
Но вы, наставники мои,
Вы примете его с улыбкой благосклонной.
Так слабое дитя, любви своей в залог,
Приносит матери на лоно
В лугу им сорванный цветок!..

А. Н. М<уравьеву>. Впервые полностью — журн. «Русский зритель», 1828, ч. 4, № 13—14, с. 70—71. Первые две строфы были ранее приведены в статье Делибюрадера (Д. П. Ознобишина) «Отрывок из сочинений об искусствах», напечатанной в «Северной лире» на 1827 год, с. 358. Печатается по первой полной публикации. Хотя стихотворение посвящено А. Н. Муравьеву (1806—1874) (он был следующим после Тютчева учеником С. Е. Раича), оно вряд ли обращено к нему. *Напрасно, критик,*

гонимы ты... По предположению А. Е. Тархова, стихотворение направлено против основоположника школы русского исторического скептицизма М. Т. Каченовского (1775—1842), курсы которого по археологии и теории изящных искусств Тютчев слушал в Московском университете. В своих воспоминаниях о Тютчеве М. П. Погодин рассказывает, что поэт, сидя на лекциях Каченовского и не слушая профессора, «строчил на него эпиграммы». См.: «Московские ведомости», 1873, 29 июля, № 190. Из них сохранилась только незаконченная эпиграмма «Харон и Каченовский»:

Харон

Неужто, брат, из царства ты живых —
Но ты так сух и тощ. Ей-ей, готов божиться,
Что дух нечистый твой давно в аду томится!

Каченовский

Так, друг Харон. Я сух и тощ от книг...
Притом (что долее таиться?)
Я полон желчи был — отмстителен и зол,
Всю жизнь свою я пробыв спичкой...

Послание к А. В. Шереметеву. Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 247—248. В списке из собрания Б. В. Томашевского, опубликованном в «Тютчевском сборнике» (Пг., 1923, с. 41—42) между строками 14 и 15 имеются еще две строки:

Хоть лень с Амуром часто в споре,
Но их нетрудно примирить.

Посвящено двоюродному брату поэта, А. В. Шереметеву (1800—1857), который служил в лейб-гвардии конной артиллерии, откуда он перешел на должность адъютанта при гр. П. А. Толстом (1761—1844), командующем пятым пехотным корпусом. Корпус был расквартирован в Москве, где проживали мать и сестры А. В. Шереметева. Герой-агроном — П. А. Толстой, бывший одним из главных деятелей Московского общества сельского хозяйства.

Слезы. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 182—183. Печатается по первой публикации. В Совр. 1854—5 стихотворение вошло с некоторыми изменениями: в 5—6 строках вместо *созданья погружены* появилось *созданье погружено*, что противоречит смыслу стихов, в которых идет речь не об одном неведомом создании, а обо всех творениях природы; поправка в 10 строке — *Восенний въздух* вместо *Зефир лобзаньем* — была сделана из соображений стилистической модернизации. Однако это стихотворение с его *венидами*, *ланитами*, *небом серафимских лиц* и т. д. осталось фактом русской поэзии начала 1820-х годов. Эпиграф заимствован из стихотворения «Alcaic fragment» («Фрагмент из Алкея») английского поэта Т. Грея (1716—1771), ранние

стихи которого написаны по-латыни. *Пафосская царица* — богиня красоты Афродита. В Пафосе, древней финикийской колонии на острове Кипр, находился посвященный Афродите храм, вокруг которого в изобилии росли розы.

«Не дай нам духу празднословья...» Впервые — сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. 417, под заглавием «Молитва». Первая строка является цитатой из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

Противникам вина. Впервые — «Тютчевский сборник», Пг., 1923, с. 46.

Друзьям при посылке «Песни Радости» — из Шиллера. Впервые — журн. «Галатея», 1829, ч. 6, № 29, с. 153—154.

Проблеск. Впервые — альм. «Уrania на 1826 год», с. 147—148. Это стихотворение, как и два других, опубликованных в «Урании», было передано издателю альманаха М. П. Погодину самим Тютчевым во время его первого приезда из Мюнхена в Москву летом 1825 года. См.: М. П. Погодин. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869, с. 7. Написанное в первые годы пребывания за границей, стихотворение исполнено чувства тоски по родине, по юным годам, проведенным в литературно-философском кружке С. Е. Раича. *Воздушная арфа* (или *Золова арфа*) — музыкальный инструмент в виде ящика, в котором натянуты струны, звучащие от движения воздуха.

К Нисе. Впервые — альм. «Уrania на 1826 год», с. 47—48. Печатается по первой публикации. *Ниса* — условно-поэтическое имя.

К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»). Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 87—88, с ошибочным чтением в 16 стихе (сжет вместо жжет). В. Я. Брюсов («Русский архив», 1898, вып. 10, с. 251) предложила читать в 11 строке «Твой взор живет» вместо «живит». Эта поправка, однако, искажает смысл фразы: «Как жизни ключ, в душевной глубине // Твой взор живет...», то есть производит оживляющее действие. К кому обращено стихотворение, не установлено. Г. И. Чулков высказал предположение, что оно написано под впечатлением любовного увлечения поэта А. М. Лерхенфельд (см.: Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева. М., 1928, с. 14).

14-ое декабря 1825. Впервые — журн. «Русский архив», 1881, вып. 3, с. 340. Написано в связи с обнародованием приговора по делу декабристов. Стихотворение характерно для политических настроений молодого Тютчева. Неприятие тактики декабристов сочетается в нем с осуждением самовластья, своим произволом толкнувшего их на «безрассудную» попытку растопить «вечный полюс», «железную зиму» самодержавия и крепостничества.

Ваша память от потомства, как труп в земле, схоронена. Намек на то, что место захоронения пяти казненных декабристов неизвестно. Это было первым шагом правительства по пути стирания имен декабристов в памяти народной. Стихотворению посвящена статья Г. И. Чулкова. См.: «Уrania. Тютчевский альманах. 1803—1928». Л., 1928, с. 61—78.

Вечер. Впервые — журн. «Галатей», 1830, ч. 15, № 22, с. 41. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному С. Е. Ранчу для помещения в «Галатее». В ранней редакции (2-й автограф ЦГАЛИ), датируемой 1826—1827 годами, 3—4 строки таковы:

Как шорох стаи журавлиной,—
И в шуме листьев замер он.

Шум от стаи журавлиной — выражение, заимствованное у В. А. Жуковского («Ивиковы журавли», 42 строка).

«На камень жизни роковой...» Впервые — журн. «Атеней», 1829, кн. 1, с. 61—62. В этом шуточном стихотворении Тютчев кратко рисует поэтический путь своего бывшего воспитателя С. Е. Ранча. Обычно оно датируется 1822 годом, так как 29 апреля этого года Ранч защитил магистерскую диссертацию, о которой упоминается в последней строфе. Н. В. Королева предполагает, что оно было создано в 1827—1828 годах, во время полемики вокруг ранчевского перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, ибо стихотворение написано тем же размером, что и перевод Ранча. Стих. *Он так достиг земных венцов*, по мнению Королевой, содержит намек на алмазные перстни, полученные Ранчем от императрицы за альманах «Северная лира» и за перевод «Освобожденного Иерусалима». См.: Стих. 1962, с. 383. Однако вторым перстнем Ранч был награжден уже после того, как стихотворение Тютчева было опубликовано. Мы датируем стихотворение 1827 годом, полагая, что оно было написано после того, как Ранч был награжден перстнем за «Северную лиру», но до того, как им был закончен перевод «Освобожденного Иерусалима» (отрывки которого публиковались с 1825 г.). *Предстал во храм Свободы* — намек на связь Ранча с Союзом благоденствия в 1818—1821 годах. *Повесть... Орфеевой супруги* — имеется в виду рассказ об Орфее и Эвридике из IV книги переведенных Ранчем «Георгик» Вергилия.

Весенняя гроза. Впервые — журн. «Галатей», 1829, ч. 1, № 3, с. 151. В Совр. 1854—3 (с. 24), было опубликовано в новой редакции, ставшей хрестоматийной уже при жизни поэта. Раннюю редакцию см. во вступительной статье. *Геба* (ант. миф.) — богиня вечной юности, разносившая богам нектар. *Зевсов орел* — символ верховного божества Зевса.

Могила Наполеона. Впервые — журн. «Галатей», 1829, ч. 2, № 8, с. 86, с точками вместо 11 и 12 строк, обозначающими явный цензурный пропуск. Печатается по первой публика-

ции. В Совр. 1854—5 вошло в несколько иной редакции, в которой вторая строфа выглядит так:

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире...
И ум людей великой тенью полн,
А тень его, одна, на бреге диком,
Чужда всему, внимает шуму волн
И тешится морских пернатых криком.

Вторая редакция была создана после первой через четверть века. Если в конце 1820-х годов еще явственно ощущался «отзывный гул» наполеоновских побед и «тень» Наполеона была еще политической силой, то в 1854 году, когда его прах уже 14-й год покоился не на острове св. Елены, где он умер и был похоронен в 1821 году, а в Париже, от этого остался только исторический «гул». В связи с этим во второй редакции непосредственное обращение к Наполеону было устранено. Вторая редакция является результатом позднейшей переделки, произведенной без достаточного вдохновения (об этом говорит и тот факт, что Тютчев не восстановил стихи, выпущенные цензурой при первой публикации), учета контекста и под воздействием временных факторов. *Перун* (слав. миф.) — главное божество восточных славян, бог грома и молнии, покровитель воинов; в нарицательном употреблении символическое обозначение грома, как в данном стихотворении, или молнии (ср. «Успокоение». 2 строка).

Cache-cache. Впервые — журн. «Галатея», 1829, ч. 4, № 17, с. 50. Печатается по первой публикации с исправлением опечатки в 17 строке (*пылинки* вместо *былинки*), сделанным впервые в тексте Совр. 1854—5 (с. 5). В 7 строке этого текста «для меры» была вставлена частица *бы* (*Волшебную близость, как бы благодать*). *Сильфиды* (герм. миф.) — духи воздуха, легкие, подвижные существа.

Летний вечер. Впервые — журн. «Галатея», 1829, ч. 5, № 24, с. 150.

Видение. Впервые — журн. «Галатея», 1829, ч. 7, № 34, с. 144 слитно со стих. «Олегов щит» и с разбивкой всего текста на три части римскими цифрами. *Атлас*, или *Атлант* (ант. миф.) — гигант, держащий на своих плечах небесный свод. *Живая колесница мироздания* — планета Земля (перифраза восходит к поэтике классицизма; ср. «колесница дня» — солнце, «колесница ночи» — луна).

Олегов щит. Впервые — журн. «Галатея», 1829, ч. 7, № 34, с. 144. В альм. «Раут на 1854 год» (с. 430) стихотворение было помещено в новой редакции. Написано, видимо, по поводу русско-турецкой войны 1828—1829 годов или предшествовавших ей событий 1827 года. Как и в одноименном стихотворении

Пушкина, в нем вспоминается летописное сказание о щите, прибитом киевским князем Олегом на городских воротах Константинополя. *Гяуры* — турецкое название иноверцев, немусульман. Как некогда ты вел в пустыне//Свой избранный народ — имеется в виду еврейский народ, выведенный, по библейскому преданию, Моисеем из египетского плена через пустыню.

Бессонница. Впервые журн. «Галатей», 1830, ч. XI, № 1, с. 47—48.

Утро в горах. Впервые — журн. «Галатей», 1830, ч. 13, № 13, с. 90, слитно со стихотворением «Снежные горы», под общим названием «В горах» и с пометой «Салцбург». Написано, видимо, как и следующее, во время поездки в Тироле в январе 1828 года (см. об этой поездке в кн.: Пигарев 1962, с. 99).

Снежные горы. Впервые — журн. «Галатей», 1830, ч. 13, № 13, с. 91, как одно целое со стих. «Утро в горах» (см. выше). Публикуемая в настоящем издании редакция стихотворения была прислана И. С. Гагарину в мае 1836 г. и опубликована А. С. Пушкиным в «Современнике» (т. 3, с. 7). В тексте первой публикации имеется еще одна строфа (вторая):

Едва в трепещущих листьях
Перебирается прохлада,
Звонок пасущего стада
Почти замолок на высотах.

От этой строфы Тютчев, по-видимому, впоследствии отказался, ибо она выделялась по своему способу рифмовки. *Дольний* (церк.-кн.) — земной, человеческий.

Полдень. Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 10. Полдневный час считался священным у древних греков: в этот час отдыхал *Пан*, бог долин, лесов, стад и пастухов.

Сны («Как океан объемлет шар земной...»). Впервые — журн. «Галатей», 1830, ч. 16, № 27, с. 57. Печатается по первой публикации. Б. М. Эйхенбаум указывал на связь этого стихотворения со стихотворением А. Ламартина «Les étoiles». См.: Б. Эйхенбаум. Лермонтов. Л., 1924, с. 162.

Двум сестрам. Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 40. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному в конце 1820-х годов С. Е. Ранчу для помещения в «Галатее». В другом автографе (ЦГАЛИ) 4 строка читается: «Та ж прелесть утреннего часа». Переключается со стихотворением Г. Гейне «Als ich, auf der Reise, zufällig...» См.: А. А. Николаев. Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 годов... — Русская литература, 1979, № 1, с. 134.

К. Н. Н. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 137. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), отосланному в конце 1820-х годов С. Е. Раичу. К кому обращено стихотворение — не установлено.

«Еще шумел веселый день...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 237. Одна из ранних редакций (конец 1820-х гг.), имеющая заглавие «Пробуждение», такова:

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

Весенней негой утомлен,
Вдался я в сладкое забвенье:
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье.

Безмолвно в сумраке ночном
Ходило лунное сиянье,
И ночи зыбкое молчанье
Едва струилось ветерком.

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило —
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И между тем какой-то гений
Из области цветущей дня
Стезю тайной сновидений
В страну теней увел меня.

Последний катаклизм. Впервые — альм. «Денница на 1831 год», с. 89.

Безумие. Впервые — альм. «Денница на 1834 год», с. 185. Перекликается с позднейшим стихотворным обращением к А. А. Фету «Иным достался от природы...». В обоих случаях создан излюбленный в мистической символической образ водоносителя — человека, умеющего распознавать в безводных местах подземные источники ключевой воды. См. вступительную статью Б. Я. Бухштаба в ПССтих. 1957, с. 25—26.

«Здесь, где так вяло свод небесный...» Впервые — под заглавием «В дороге» — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 127. Написано, по-видимому, во время поездки в Париж в октябре 1829 года.

Странник. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 127.

Успокоение. Впервые — альм. «Денница на 1831 год», с. 51.

«Как над горячею золой...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 15. Автограф из собрания И. С. Гагарина (ЦГАЛИ) датируется по почерку началом 1830-х годов. В автографе, посланном С. Е. Ранчу около 1830 года (ЦГАЛИ), последний стих читается иначе: «Я просиял бы — и угас!»

Цицерон. Впервые — альм. «Денница на 1831 год», с. 40. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), датируемому по почерку началом 1830-х годов. В тексте первой публикации имеется вариант 9 строки: «Блажен, кто посетил сей мир». Существует предположение, что данное стихотворение является «прямым и непосредственным откликом» на Июльскую революцию 1830 года во Франции. См.: Д. Б л а г о й. Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX вв. М., 1933, с. 207. Этому, однако, противоречит тот факт, что стихи для альманаха «Денница» были обещаны Тютчевым в первых числах 1830 года. См. письмо П. В. Киреевского из Мюнхена к родным от 5 января 1830 года. — «Русский архив», 1905, вып. 2, с. 131. Об интересе Тютчева к Цицерону свидетельствует хранящееся в библиотеке Мурановского музея принадлежавшее поэту издание писем Цицерона в немецком переводе. Анализ стихотворения с обоснованием его текста см. в статье: А. А. Н и к о л а е в. Художник — мыслитель — гражданин. — «Вопросы литературы», 1979, № 1, с. 119—125. «Я поздно встал» и т. д. — перефразировка слов Цицерона: «Скорблю, что, вступив на жизненную дорогу с некоторым опозданием, я прежде, чем был окончен путь, погрузился в эту ночь республики» («Брут, или Диалог о знаменитых ораторах», ХСVI, 330). *Закат звезды ее кровавый!* «Кровавый закат звезды Римской Славы» — это гибель потопленной в крови гражданской войны 48—45 годов до н. э. римской аристократической республики, идеологом которой был Цицерон. Результатом этой войны было установление диктатуры Юлия Цезаря. Капитолийская высота — центральный из семи холмов, на которых расположен Рим. На нем находилось главное римское святилище — храм Юпитера Капитолийского. Мотив второй строфы заимствован из «Богов Греции» Шиллера.

Весенние воды. Впервые — журн. «Телескоп», 1832, ч. 10, № 13, с. 22—23. В тексте первой публикации в состав прямой речи (возгласов «гонцов молодой Весны») входит также третья строфа. В автографе (ЦГАЛИ) эта строфа начинается с кавычки, но закрывающая кавычка отсутствует.

Silentium! Впервые — газ. «Молва», 1833, № 33, 16 марта, с. 22. Публикуемая в настоящем издании автографическая редакция стихотворения относится к началу 1830-х гг.; впервые она была напечатана в пушкинском «Современнике» (1836, т. 3,

с. 16). В изд. 1854 года стихотворение вошло в так называемой «сушковско-тургеневской» редакции, в которой были выправлены стихи, выпадавшие из ямбической схемы:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи.

Лишь жить в самом себе умей!
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи:
Внимай их пенью и молчи!

Аналогичным изменениям стихотворение подверглось, видимо, и при первой публикации.

Молчи, скрывайся и таи
И мысли и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
Встанут и кроются оне,
Как звезды мирные в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Лишь жить в самом себе умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум —
Их оглушит житейский шум,
Разгонят дневные лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

Стихотворению посвящена специальная статья Н. В. Королевой. См.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 147—159. См. также: Я. О. Зунделович. Этюды о лирике Тютчева. Самарканд, 1971, с. 74—83.

Сон на море. Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 20. В изд. 1854 вошло в другой редакции, в которой было устранено чередование разных трехсложных размеров (дактили и анапесты были выправлены на доминирующий амфибрахий):

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
И две беспредельности были во мне —

И мной своевольно играли оне.
 Кругом, как кимвалы, звучали скалы
 И ветры свистели и пели валы.
 Я в хаосе звуков летел оглушен;
 Над хаосом звуков носился мой сон...
 Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
 Он веял легко над гремящею тьмой,
 В лучах огневицы развил он свой мир,
 Земля зеленела, светился эфир...
 Сады, лабиринты, чертоги, столпы...
 И чудился шорох несметной толпы.
 Я много узнал мне неведомых лиц:
 Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,—
 По высям творенья я гордо шагал,
 И мир подо мною недвижно сиял...
 Сквозь грезы, как дикий волшебника вой,
 Лишь слышался грохот пучины морской,
 И в тихую область видений и снов
 Врывалась пена ревуших валов.

Отредактировал стихотворение, по всей вероятности, Н. В. Сушков в период его работы над рукописью неосуществленного издания стихотворений Тютчева (см. СТ), ставшей основным источником текста изд. 1854. См.: К. В. Пигарев. Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева.— «Литературное наследство», 1935, т. 19—21, с. 379. Вместе с тем в тексте изд. 1854 имеются два собственных варианта (14 и 17 строки), первый из которых, несомненно, принадлежит автору («И чудился шорох несметной толпы»), а второй введен в угоду цензуре («По высям творенья я гордо шагал» вместо «как бог, я»). В Лирике 1965 (т. 1, с. 357) стихотворение датировано сентябрем 1833 года, когда Тютчев совершил первое морское путешествие (с дипломатическим поручением в Грецию). Однако почерк автографа, его местоположение среди других рукописей и наличие списка стихотворения в рачевском собрании говорят о том, что оно было написано не позднее 1830 года. Литературным источником стихотворения является стих. Ф. Н. Глинки «Сон», впервые опубликованное в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1820, № 11, с. 206. Огневица (диалект.) — бред, горячка. Сады-лабиринфы (лабиринты) — сады с затейливым, путаным расположением дорожек.

Конь морской. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 136—137. В Соч. 1900 помещено среди переводных, однако иностранный источник стихотворения неизвестен.

«Душа хотела б быть звездой...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 14. Образ звезды, светящейся днем, переключается с образом дневного месяца в стих. «Ты зрел его в кругу большого Света...»

«За нашим веком мы идем...» Впервые — журн. «Галатея», 1830, ч. 18, № 40, с. 134, по ошибке — как заключительные строки перевода стихотворения Гейне «Вопросы». Как шла Креуза за Энеем. Эней и Креуза — персонажи эпоса Вергилия «Энеида». Когда Эней покинул Трои, его жена Креуза последовала за ним, но все время отставала в пути и наконец исчезла. Ее взяла к себе мать Энея Афродита, так как Креузе не было предназначено покинуть Трои.

«Через ливонские я проезжал поля...» Впервые — журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 395—396. Написано на обратном пути из Петербурга за границу в октябре 1830 года. Ливонские поля. Ливонией в средние века называлась территория Латвии и Эстонии. Кровавую и мрачную ту пору... Тютчев имеет в виду тот период, когда Ливония находилась под владычеством духовно-рыцарского ордена меченосцев (1202—1562). Пустынная река — Западная Двина. Так отрок, чар ночных свидетель был случайный... — видимо, библейский отрок Самуил (1-я книга Царств, глава 3-я), который боялся объявить, что ему ночью было видение бога.

«Песок сыпучий по колени...» Впервые — журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 397. Написано на обратном пути из Петербурга в Мюнхен в октябре 1830 года. Ночь хмурая, как зверь стокий. // Глядит из каждого куста! — вариация двух стихов из стихотворения Гете «Willkommen und Abschied» («Свидание и разлука»). Аналогичная реминисценция имеется в поэме Лермонтова «Мцыри». Прочитывая стихотворение «Песок сыпучий по колени...» в своей статье о Тютчеве, Некрасов заметил: «Два заключительные стиха... одни составляют целую превосходную картину. Кто не согласится, что рядом с ними эти похожие стихи Лермонтова:

И миллионом темных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста,—

значительно теряют в своей оригинальности и выразительности». См.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9. М., 1950, с. 207.

Осенний вечер. Впервые — журн. «Современник», 1840, т. 19, с. 187. В первоначальной редакции (автограф ЦГАЛИ), строки 7—8 читались иначе:

И как предвестье близящихся бурь
Порывистый и ясный ветер порою...

Написано в октябре 1830 года на пути из Петербурга в Мюнхен. Божественной стыдливостью страданья — ср. 163 строку тютчевского перевода стихотворения «Байрон» (из Цедлица).

Листья. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 129.

Альпы. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 130—131. Н. Аммон и Р. Ф. Брандт усматривают в этом стихотворении иносказательный смысл, считая, что «Альпы изображают славянские племена» См.: Н. Аммон. Несколько мыслей о поэзии Тютчева. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1899, июнь, с. 463; Р. Ф. Брандт. Материалы для исследования «Федор Иванович Тютчев и его поэзия». — «Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», 1911, т. 16, кн. 2, с. 168—169.

Male Aria. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 131. Ранее во всех изданиях в 10 строке ошибочно печаталось *цвета* вместо *цветы*. Стихотворение навеяно описанием окрестностей Рима в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (см.: «Коринна, или Италия», М., 1969, с. 87).

«Сей день, я помню, для меня...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 131. Кого имеет в виду Тютчев в этом стихотворении, не установлено. Перекликается со стихотворением Гете «*War schöner als der schönste Tag...*»

«Как дочь родную на закланье...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 3, с. 385—386. Вызвано взятием Варшавы русскими войсками 26 августа 1831 года и антирусской кампанией, развернувшейся в связи с этим в баварской печати. Как дочь родную на закланье и т. д. В «Илиаде» Гомера рассказывается о том, как аргосский царь Агамемнон разгневал богиню Артемиду и, дабы вымолить попутных ветров для отплытия под Трою, дал обет принести ей в жертву свою дочь Ифигению. Сжалившаяся над Ифигенией Артемиды заменила ее на жертвеннике ланью и перенесла в Тавриду, где сделала своей жрицей. *Коран самодержавья...* Слово *коран* (священная книга мусульман) употреблено здесь в переносном смысле (права, кажушиеся бесспорными). *Янычары* — солдаты, составлявшие привилегированную часть турецкого войска, постоянные участники мятежей и дворцовых переворотов. *Феникс* (ант. миф.) — птица, возрождающаяся из собственного пепла.

«На древе человечества высоком...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 133. Содержание стихотворения не оставляет сомнений в том, что оно вызвано смертью Гете. В 1820-х — начале 1830-х годов творчество Гете привлекало к себе пристальное внимание Тютчева (см. раздел «Переводы»).

Problème. Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 134. В автографе первоначальной редакции (ЦГАЛИ), датированном 15 января 1833 года, четвертая строка была иной: «Или низвергнут мыслящей рукой?» По мнению Н. Я. Берковского (Стих. 1962, с. 40), стихотворение «перекликается с известным высказыванием Б. Спинозы в письме к Г. Г. Шуллеру: «обладай

летающий камень сознанием, он вообразил бы, что летит по собственному хотению».

«Над виноградными холмами...» Впервые — журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 398. Написано в г. Ротенбурге.

«Поток сгустился и тускнеет...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 19.

«О чем ты воешь, ветер ночной?..» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 18. В автографе (ЦГАЛИ) в строках 9—12 иная пунктуация, существенно изменяющая понимание стихотворения:

О! страшных песен сих не пой!
Про древний хаос, про родимый
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!

«Ты зрел его в кругу большого Света...» Впервые — газ.-журн. «Гражданин», 1875, № 2, с. 38 (первое восьмистишие) и журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 128 (второе восьмистишие). До настоящего времени эти восьмистишия печатались как отдельные стихотворения и с разбивкой каждого на строфы, чего нет в автографе (ЦГАЛИ). И в первом и во втором восьмистишии образ поэта сравнивается с месяцем, едва брезжащим в дневные часы и ярко сияющим ночью. Однако первое обращено к другу, а второе — к возлюбленной. Таким образом, эти восьмистишия являются не отдельными стихотворениями и не строфами одного стихотворения, а частями оригинальной двухчастной композиции (ср. композицию стихотворения «Два голоса»), каждая из которых представляет собой вариацию на тему «поэт и светское общество» и построена на противопоставлении «дневного» и «ночного» облика поэта. Тема поэта и «большого Света» сближает это стихотворение со стихами Пушкина «Поэт» (1827) и «Поэт и толпа» (1828). Романтический образ поэта, созданный в стихотворении, при всей своей обобщенности не лишен и некоторых черт автобиографичности. Возможно, что образ месяца, видимого днем, подсказан Тютчеву чтением 31 главы III части «Путевых картин» Гейне. Эту главу Тютчев переложил стихами (см. раздел «Переводы»). О других переключках этого образа в мировой лирике см. статью М. П. Алексеева «Дневной месяц» у Тютчева и Лонгфелло» в кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, с. 153—167.

«Душа моя, Элизиум теней...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 41. До настоящего времени 1-я строка печаталась с тире после слова «моя» вместо запятой, что превращало приложение в сказуемое. *Элизиум* (ант. миф.) — место пребывания праведных душ в царстве теней. *Ни помыслам години*

буйной ссй.— Стихотворение, по всей вероятности, написано в 1831 году. Автограф его находится в одной рукописи со стихотворением «Как дочь родную на закланье...», посвященным польскому восстанию 1831 года. П. Н. Сакулин считал, что в этой строке имеется в виду июльская революция 1830 года. См.: П. Сакулин. Русская литература и социализм. М., 1924, с. 468.

Арфа скальда. Впервые — журн. «Современник», 1838, т. 12, с. 91. Скальды — древнескандинавские народные певцы.

«Я лютеран люблю богослуженье...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135. Написано на озере Тегерн, неподалеку от Мюнхена. Созданный в этом стихотворении образ Веры, покидающей свой пустой дом (а убранство лютеранских церквей отличается строгой простотой и лишено украшений), возник у Тютчева, по-видимому, не без влияния его бесед с Шеллингом. Ср. К. Фишер. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1905, с. 254. Позднее Тютчев писал о протестантизме (в статье «Папство и римский вопрос»): «Протестантизм с его многочисленными разветвлениями, которого едва хватило на три века, умирает от истощения во всех странах, где оно до сих пор господствовало...». См.: ПССоч. 1913, с. 476.

«Восток белел... Ладья катилась...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 37. Написано, по-видимому, в первые годы увлечения Эрнестиной Пфедфель, то есть в 1833—1834 годах. *Ветрило* (устар.) — парус.

«Что ты клонишь над водами...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 34.

«И гроб опущен уж в могилу...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 36.

«В душном воздуха молчанье...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 32. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В тексте первой публикации имеются варианты, являющиеся, по-видимому, результатом редакторской правки: 4-я строка — «Звонче голос стрекозы»; 9-я строка — «Жизни некий избыток». Эпитет *звонкий* не приложим к «голосу стрекозы», между тем как тютчевский эпитет *резче* более точно передает и качество звучания стрекозино го стрекота и его восприятие обостренным в предгрозово й тишине слухом. О. Э. Мандельштам, не знавший авторского варианта этого стиха, писал в одном из своих стихотворений: «Дайте Тютчеву стрекозу,— догадайтесь, почему!»

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» Впервые под заглавием «Ночные голоса» — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 134.

«Как птичка, раннюю зарей...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 38—39.

«Вечер мгlistый и ненастный...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 4, с. 35

«Там, где горы, убегая...» Впервые — журн. «Современник», 1837, т. 6, с. 393—394. Печатается по списку МА с поправками поэта, но с исправлением ошибки переписчика в 25-й строке по автографу (ЦГАЛИ): *И лишь дремой...* вместо *Чуть дремотой*.

«Тени сизые смешались...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125, под заглавием «Сумерки», данным стихотворению И. С. Аксаковым. В 11 строке ранее ошибочно печаталось *томный* вместо *темный*. Строки 5—6 первоначально читались так:

Лишь мотыль снует незримый
Слепо в воздухе ночном.

«Нет, моего к тебе пристрастья...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135. *Синель* (диалект.) — сирень.

«Сижу задумчив и один...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 132.

«С поляны коршун поднялся...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125. Тема, композиция и образы этого стихотворения близки к стихам А. Д. Иллчевского (1798—1837) «Орел и человек» («Северные цветы на 1827 год», с. 291).

«Какое дикое ущелье!..» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 125.

«Все бешеной буря, все злее и злей...» Впервые — Нов. стих. 1926, с. 45. Имея в виду балладный характер стихотворения, не типичный для лирики Тютчева, Г. И. Чулков предположил, что оно переводное. Но иностранный источник стихотворения до сих пор не установлен. Возможно, что оно написано под влиянием ирландских баллад С. Ловера («Legends and Stories of Ireland», Dublin, 1831).

«Из края в край, из града в град...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 135—136. Вариация на тему стихотворения Гейне «Es treibt dich fort // Von Ort zu Ort...» (1834).

«Зима недаром злится...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 124.

«Яркий снег сиял в долине...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 17.

«Не то, что мните вы, природа...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 21—22. Строфы 2 и 4 были запрещены цензурой. Пушкин настоял на том, чтобы они были заменены точками, ибо отсутствие этих стрóf нарушало композиционную цельность стихотворения. См.: Е. Рыскин. Из истории пушкинского «Современника». — «Русская литература», 1961, № 2, с. 199. В 1851 году Н. В. Сушков, редактируя рукопись собрания стихотворений Тютчева (СТ), просил автора вспомнить недостающие строфы, но поэт или не смог их восстановить в своей памяти или не захотел их печатать. См.: К. В. Пигарев. Судьба литературного наследия Тютчева. — «Лит. наследство», 1935, тт. 19 — 21, с. 377. Печатается по первой публикации с исправлением ошибок по списку СТ, в котором они исправлены рукою самого Тютчева. Перепечатывая стихотворение в своей статье «Русские второстепенные поэты» («Современник», 1850, № 1), Н. А. Некрасов внес поправку в 31 строку (*Увы, души в нем не встревожит*) вместо *«Души его, ах, не встревожит»*). Эта поправка, сделанная с целью синтаксического упрощения фразы, не была замечена Тютчевым, когда он просматривал список СТ. Между тем она вступила в противоречие с тоном и смыслом стихотворения, имеющего уничтожающий противников финал. Некрасовское же сожалительное «увы» вместо «ах» лишило заключительную фразу ее гневной интонации. Стихотворение является программным для всей натурфилософской лирики Тютчева. Оно проникнуто идеей действующей по внутренним причинам живой материи, что характерно для философии тождества Шеллинга, с которым Тютчев часто общался в 1828—1836 годах. Неприемлемость с ортодоксально-церковной точки зрения пантеистических взглядов позволяет объяснить, почему стихотворение подверглось цензурному вмешательству. Более сложным оказался вопрос об адресате, месте и времени написания стихотворения. Некоторые исследователи считают, что у стихотворения нет конкретного адресата, что оно направлено против всех, кто недооценивает природу. См., например: В. Н. Касаткина. Поэтическое мировоззрение Тютчева. Саратов, 1969, с. 48. Однако, как верно писал Л. В. Пумпянский, ода-инвектива всегда направлена «против определенного врага по определенному поводу». См.: «Уралия. Тютчевский альманах. 1803—1829». Л., 1928, с. 26. В последние годы обнаружилась тенденция искать адресата стихотворения в России середины 1820-х годов. См.: А. Тархов. Три загадки одного стихотворения. — «В мире книг», 1978, № 12, с. 86; И. Шайтанов. Забытый спор. — «Вопросы литературы», 1980, № 2, с. 195—232. Однако отсутствие рукописи стихотворения в ранчевском собрании говорит о том, что оно было написано не ранее 1830 года. Текстуальный анализ стихотворения показывает, что оно направлено против дискриминации природы объективно-идеалистическим учением Гегеля, который видел в природе

нечто пассивное, мертвое, зависимое от бесконечной творческой деятельности духа, абсолютной идеи. См.: А. А. Николаев. Художник — мыслитель — гражданин. — «Вопросы литературы», 1979, № 1, с. 125—139.

«Я помню время золотое...» Впервые — журн. «Современник», 1836, т. 3, с. 11—12, с ошибкой в 6 строке: *вдаль* вместо *в дол*. Слово *вечер* в 13 строке было исправлено в изд. 1868 на *ветер*. Печатается по копии И. С. Гагарина с несохранившегося автографа окончательной редакции (ЦГАЛИ) и с поправкой изд. 1868. Первоначальная редакция состояла только из первых трех строф. Обращено к баронессе А. М. Крюденер и посвящено первым встречам с нею в 1822—1823 годах.

«Еще земли печален вид...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 126.

«Люблю глаза твои, мой друг...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 126. Обращено, по-видимому, к Эрн. Пфеффель.

«И чувства нет в твоих очах...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 126. Обращено, по всей вероятности, поэтом к самому себе и написано в первые годы увлечения Эрн. Пфеффель.

«Вчера, в мечтах обвороженных...» Впервые — журн. «Русский архив», 1879, вып. 5, с. 133—134. В автографе (ЦГАЛИ) последняя строфа первоначально читалась так:

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись девственных грудей,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк твоих очей!

Тема и образы стихотворения навеяны стихами В. Г. Бенедиктова «Прекрасна дева молодая...» (из цикла «Три вида»).

29-ое января 1837. Впервые — газ.-журн. «Гражданин», 1875, № 2, 13 января, с. 38. Вызвано трагической гибелью Пушкина, но написано, видимо, не в Мюнхене, а во время пребывания в Петербурге в мае — июле 1837 года, под впечатлением светских пересудов о дуэли и смерти поэта.

1-ое декабря 1837. Впервые — журн. «Современник», 1838, т. 9, с. 138. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В «Современнике» 4-я строка была напечатана иначе: «Что, жизнь твою убив, ее испепелило». Данный вариант представляется либо ошибкой, либо редакторской поправкой. Написано в Генуе после

свидания с Эрн. Пфеффель. Тютчев предполагал, что расстанется с нею навсегда, но в 1839 году она стала второй женой поэта.

Итальянская villa. Впервые — журн. «Современник», 1838, т. 10, с. 184. Связано с предыдущим стихотворением и относится ко времени пребывания Тютчева и Эрн. Пфеффель в Генуе. *Тенью элисейской*, то есть подобно душе, блаженствующей в элизиуме (см. примечание на с. 313).

«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» Впервые — журн. «Современник», 1838, т. 9, с. 131—132. 3 строка ввиду ее двусмысленности была изменена по цензурным соображениям («И как Эдем ты растворенный»). Написано в декабре 1837 года по возвращении из Генуи в Турин.

«Смотри, как запад разгорелся...» Впервые — журн. «Современник», 1838, т. 11, с. 181. Р. Ф. Брандт (указ. соч., с. 176) усматривал в этом стихотворении политический подтекст: символическое изображение «разлада между западом и востоком европейским».

Весна. Впервые — журн. «Современник», 1839, т. 13, с. 169—170.

День и ночь. Впервые — журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 140.

«Не верь, не верь поэту, дева...» Впервые — журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 154—155. Перекликается со стихотворением В. И. Красова «Не гляди поэту в очи...» (1838).

Лебедь. Впервые — журн. «Современник», 1839, т. 14, с. 139. Высокий одический строй стихотворения и наличие в нем противопоставления лебедя и орла как символов лирического и гражданского начал, характерного для поэтики классицизма и унаследованного многими романтиками, а также связь центрального образа — лебедя между двух стихий — с образом лебедя в тютчевском переводе из Цедлица «Байрон» (4 строфа) позволяли относить это стихотворение к концу 1820-х годов. Однако отсутствие рукописи стихотворения в ранчевском и гагаринском собраниях говорит о том, что оно, как и подавляющее число других тютчевских стихотворений, опубликованных в «Современнике» 1838—1840 годов, было написано в конце 1830-х годов. Символическое значение образа лебедя связано с древнегреческим преданием о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей (ср. 20-ю оду Горация и стихотворение Г. Р. Державина «Лебедь» 1804 года).

«С какою негою, с какою тоской влюбленный...» Впервые — журн. «Современник», 1840, т. 20, с. 299. Об-

ращено к Эрн. Тютчевой. Со своей будущей второй женой Эрн. Пфедфель (в первом браке — Дернберг) Тютчев сблизился еще в 1833 году. В том же году она овдовела. В 1836 году их роман получил в Мюнхене широкую огласку, в связи с чем несколько пошатнулось психическое здоровье Элеоноры Тютчевой и она пыталась покончить жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ударов кинжалом в грудь (см.: Пигарев в 1962, с. 90—91). Стихотворение написано после смерти Элеоноры Тютчевой (август 1838 года). В первых трех строках Тютчев описывает одну из первых встреч с Эрн. Дернберг, причем говорит о себе в 3-м лице, а в четвертой, переходя к речи от первого лица множественного числа, пишет об общности их судеб («Что будущность для нас обонх берегла»), намекая на то, что они стали принадлежать друг другу ценой двух жизней — ее мужа и его жены.

«Живым сочувствием привета...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 5—6. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), датированному 1857 годом. Обращено к великой княгине Марии Николаевне, дочери Николая I, с которой Тютчев встречался осенью 1840 года в местечке Тегернзее под Мюнхеном. В тексте первой публикации имеются разночтения: в 16 строке — *блеснет* вместо *мелькнет*; в 23 строке — *служить* вместо *любить*. Второе исправление, резко изменившее смысл стихотворения, по-видимому, принадлежит И. С. Аксакову, который в 1858 году редактировал «Русскую беседу». Аксакова явно смутила антитеза 2 строфы («Поэт, я знаю, суеверен, // Но редко служит он властям»), в свете которой он прочитал все стихотворение. Как и в ряде других стихотворений 1830-х годов, Тютчев рисует обобщенный образ романтического поэта с его мечтой о высокой любви и независимым отношением к большому Свету. Одержимый своей мечтой о «неземной» любви и лишь порой «доступный страстям людей», поэт противопоставляет любви к «земным кумирам» — «боготворенье всемогущей красоты» женщины. Этим и объясняется антитеза *Любить* — *Боготворить*. Аксаков истолковал это стихотворение в узкобиографическом контексте, в котором его можно расценить как проявление светской любезности. Однако связь с биографией поэта здесь иная. Строка «Пускай любить он не умеет» говорит о том, что при всей своей преданности идее и идеалу любви поэт непостоянен в своих «земных страстях» и что объект его страсти может стать ее жертвой (ср. стих. «Не верь, не верь поэту, дева...»). Стихотворение написано через два года после смерти первой жены Тютчева Элеоноры.

К Ганке. Впервые — в сб. «Русская беседа», СПб., 1841, т. 2, с. 4—5 второй пагинации. Написано в августе 1841 года, когда Тютчев совершил поездку из Мюнхена в Прагу, где познакомился с выдающимся деятелем чешского национального возрождения В. Ганкой (1791—1861). Это стихотворение, вписанное автором в альбом Ганки перед отъездом из Праги, было первым поэтическим обращением Тютчева к славянам. Поездка в Прагу окончательно укрепила ранее зародившийся интерес Тютчева к

историческим судьбам славянских народов. С этого времени славянская тема стала одной из основных тем его политической лирики и публицистики. Первой публикацией стихотворения до последнего времени считалась публикация в журнале «Русская беседа», 1858, ч. 4, кн. 12, с. 1—3. Публикация 1841 года не была замечена большинством читателей в связи с тем, что стихотворение вошло только в единичные экземпляры сборника «Русская беседа». Это объясняется тем, что панславистские идеи не находили поддержки в официальных кругах России. В мае 1867 года, в дни Славянского съезда, Тютчев сделал к стихотворению следующую «Приписку»:

Так взывал я, так гласил я.
Тридцать лет с тех пор ушло —
Все упорнее усилия,
Все назойливее зло.

Ты, стоящий днесь пред богом
Правды муж, святая тень,
Будь вся жизнь твоя залогом,
Что придет желанный день.

За твое же постоянство
В нескончаемой борьбе
Первый праздник *Всеславянства*
Приношением будь тебе!..

Внешним поводом для «*Первого праздника Всеславянства*» послужила организация Этнографической выставки в Москве, в состав которой был включен славянский отдел; на выставку прибыла депутация различных славянских народностей Балкан и Западной Европы. Вопреки надеждам славянофилов реального значения эта «всеславянская сходка» не имела.

Зная и слово. Впервые — «*Zeitschrift für slavische Philologie*», 1929, Bd. 5, S. 408. Посвящено К.-А. Фарнгагену фон Энзе (1775—1858). В молодости он служил в русской армии и участвовал в войнах против Наполеона. Впоследствии своими переводами сочинений русских писателей способствовал распространению русской литературы в Германии.

Колумб. Впервые — Совр. 1854—3, с. 39. Вариация заключительных строк стихотворения Шиллера «Columbus»: «С гением природа в вечном союзе, — что один обещает, сдержит наверное другая».

«Глядел я, стоя над Невой...» — Совр. 1854—3, с. 26—27. Первое стихотворение, написанное Тютчевым по приезде из-за границы в Петербург.

Море и утес. Впервые — журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 238. Ранее, в газете «Русский инвалид» от 7 сентября 1848 года, в анонимном фельетоне была опубликована послед-

няя строфа стихотворения. Печатается по списку СТ с несохранившегося автографа окончательной редакции с уточнением по автографу (ЦГАЛИ). Отклик на западноевропейские революционные события 1848 года. Образы моря как символа революционного Запада и утеса как символа самодержавной России, мощь которой поэт считал в те годы незыблемой, подсказаны незадолго до того напечатанным стихотворением Жуковского «Русскому великану». Оба стихотворения являются поэтическими переложениями манифеста Николая I, изображавшего Россию утесом среди бурной революционной анархии. См.: М. Поляков. Цена пророчества и бунта. М., 1975, с. 463. Однако у Жуковского политическая аллегория выступает более обнаженно и подчеркивается самим заглавием, тогда как у Тютчева поэтическая сила образов по существу устраняет необходимость исторического комментария. Параллельный анализ стихотворения см.: Д. Благой. Три века, с. 217—220.

«Еще томлюсь тоской желаний...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 288. Написано в десятую годовщину смерти первой жены поэта Элеоноры Ботмер. Смерть жены была тяжким ударом для поэта. «Есть ужасные годы в существовании человеческого, — писал Тютчев Жуковскому 6/18 октября 1838 года. — Пережить все, чем мы жили — жили в продолжение целых двенадцати лет... Что обыкновеннее этой судьбы — и что ужаснее? Все пережить и все-таки жить» (Стих. Письма 1957, с. 379). Последние четыре строки перекликаются со строками из стихотворения К. Н. Батюшкова «Мой гений» (1815): «И образ милый, незабвенный // Повсюду странствует со мной».

«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 75.

Русская география. Впервые — Соч. 1886, с. 141. *Град Петров* — имеется в виду Рим, город св. апостола Петра. *Константинов град* — Константинополь, столица древней Византии. *Как то провидел Дух и Даниил предрек* — намек на библейское пророчество о царстве, которое «вовсеки не разрушится» («Книга пророка Даниила», 2,44).

Русской женщине. Впервые — журн. «Киевлянин», 1850, кн. 3, с. 191, под заглавием «Моей землячке». Заглавие было, видимо, изменено с целью приглушения социального смысла стихотворения. Н. А. Добролюбов привел это стихотворение в статье «Когда же придет настоящий день?», охарактеризовав его как «безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещения поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах, т. 3. М., 1952, с. 67).

«Как дымный столп светлеет в вышине...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290.

«Неохотно и несмело...» Впервые — журн. «Киевлянин», 1850, кн. 3, с. 192, под заглавием «Гроза». Написано по дороге из Москвы в Овстуг.

«Итак, опять увидался я с вами...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 288. Написано во время пребывания в Овстуге, куда Тютчев приехал 7 июня 1849 года, вторично по своему возвращении из-за границы в Россию. По своему настроению близко к тому, что писал Тютчев жене 31 августа 1846 года под впечатлением первого посещения Овстуга после многих лет отсутствия: «в первые мгновенья по приезде мне очень ярко вспомнился и как бы открылся зачарованный мир детства, так давно распавшийся и сгинувший... Словом, я испытал в течение нескольких мгновений то, что тысячи подобных мне испытывали при таких же обстоятельствах, что вслед за мною испытает еще немало других и что, в конечном счете, имеет ценность только для самого переживающего и только до тех пор, пока он находится под этим обаянием» (См. т. 2, письмо № 55). *Ах, и не в эту землю я сложил // Все, чем я жил и чем я дорожил...* — поэт вспоминает о своей первой жене, умершей и похороненной в Турине. При публикации стихотворения в Совр. 1854—3 И. С. Тургенев заменил во 2 строке *немилые* на *печальные*. См. письмо Г. С. Гагарина к П. В. Быкову от 14 ноября 1912 года (ГПБ).

«Тихой ночью, поздним летом...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. Написано в Овстуге.

«Когда в кругу убийственных забот...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 289.

«Слезы людские, о слезы людские...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. И. С. Аксаков рассказал о том, как было сочинено Тютчевым это стихотворение: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозничьих дрожках, почти весь промокший, он сказал встретившей его дочери: *j'ai fait quelques rimes* (я сочинил несколько стихов.—Ред.) и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение...» См.: Аксаков 1886, с. 84—85.

«По равнине вод лазурной...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 164, под заглавием «Плавание».

Рассвет. Впервые — Совр. 1854—3, с. 57—58. В одном из автографов (ЦГАЛИ) имеется помета «Посвящено Фуад-Эфенди», то есть турецкому государственному деятелю Магомеду Фуаду-паше (1814—1869). Чем конкретно вызвано это посвящение, не установлено.

«Вновь твои я вижу очи...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 289. Обращено, по-видимому,

к Эрн. Тютчевой и содержит воспоминание о пребывании с ней в Генуе в 1837 году. *Киммерийской грустной ночи...* Киммерия — упоминаемая в «Одиссее» Гомера (XI, 14—15) «печальная область», где царит «ночь безотрадная».

«Как он любил родные ели...» Впервые под заглавием «О Ламартине» — Соч. 1886, с. 41. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Навеяно чтением книги А. Ламартина «Признание» «*Les confidences*» (1849), где есть такие строки: «Ветер так же мелодически шумит в ветвях трех елей, посаженных моей матерью... когда мне случается забыться там на минуту, меня пробуждают только шаги старого виноградаря, который служил у нас прежде садовником и который приходит иногда навестить свои растения, как я мои воспоминания и мечты». См.: Стих. 1962, с. 398—399. *Савойя* — родина Ламартина. Копия стихотворения имеется в СТ, однако в изд. 1854 оно не вошло — видимо, потому, что Ламартин был крупным политическим деятелем Франции, входившей в антирусскую коалицию и находившейся в состоянии войны с Россией.

Поэзия. Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 163, с перепутанным порядком стихов.

«Кончен пир, умолкли хоры...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 4, № 13, с. 4.

Рим, ночью. Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 4, № 13, с. 3.

Наполеон. Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 7, с. 162—163. Печатается по автографу АБ с поправкой по СТ в 26 строке (*клубится* вместо *струится*). Этот стихотворный цикл складывался на протяжении ряда лет. Прежде всего, в качестве самостоятельного стихотворения, было написано восьмистишие «Два демона ему служили...». Оно возникло под впечатлением характеристики Наполеона в публицистических очерках Гейне, объединенных в его книге «Французские дела» (1832). По выражению Гейне, Наполеон был гением, «в голове которого гнездились орлы вдохновения, меж тем как в сердце вились змеи расчета». См.: Г. Гейне. Собр. соч., т. 5. М., 1958, с. 263—264. Пушкин намеревался поместить это восьмистишие в 3 том «Современника», но оно было запрещено цензурой «за неясностью мысли автора, которая может вести к толкам весьма неопределенным». См. письмо цензора А. Л. Крылова к Пушкину от 28 июля 1836 года.— А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 16. М.-Л., 1949, с. 144; «Временник Пушкинского Дома», Пг., 1914, с. 15. В 1849 году Тютчев включил в конспект 7 главы («Россия и Наполеон») задуманного им публицистического трактата «Россия и Запад» стихотворный отрывок «Он сам на рубеже России...». Переработанный и дополненный восемью строками, он вошел в со-

став самостоятельного стихотворения под заглавием «Нерешенный вопрос», текст которого почти соответствует III части цикла. Окончательное оформление цикла состоялось, по-видимому, незадолго до публикации. Данный цикл отражает стремление Тютчева разрешить в духе славянофильской доктрины проблему революции и исторических судьб России. Характеристика Наполеона, данная в I части цикла, является отголоском того, что писал о нем Шатобриан: «Детище нашей революции, он поразительно похож на свою мать»; «рожденный главным образом для того, чтобы разрушать, Буонапарте несет зло в самом себе». См.: Р. Шатобриан. «О Буонапарте, о Бурбонах...» Развитием этой же мысли служат и следующие заметки Тютчева, относящиеся к «России и Западу»: «Риторика по поводу Наполеона заслонила историческую действительность, смысла которой не поняла и поэзия. Это центавр, который одною половиною своего тела — Революция». См.: Аксаков 1886, с. 220. *Да сбудутся ее судьбы!* — цитата из приказа Наполеона по армии при переходе через Неман 12 июня 1812 года: «Россия увлекаема роком: да свершатся ее судьбы». Под новою загадкою в изгнание подразумеваются слова Наполеона, сказанные на острове Святой Елены: «Через пятьдесят лет Европа будет либо под властью революции, либо под властью казаков». *На родину вернувшийся мертвец*. В 1840 году останки Наполеона были перевезены с острова Святой Елены в Париж.

Венеция. Впервые — Совр. 1854—3, с. 30. В стихотворении вспоминается обряд «обручения» венецианских дождей с Адриатическим морем, справлявшийся ежегодно до конца XVIII века. *Века три или четыре... Разрасталась в целом мире // Тень от львиного крыла*. Расцвет Венецианской республики относится к XII—XV векам. Крылатый лев — эмблема св. Марка, считавшегося покровителем Венеции. Перед дворцом дождей стоит колонна, увенчанная этой эмблемой. *Тяжкая цепь*. С 1814 по 1866 год Венеция, входившая в состав Ломбардо-Венецианского королевства, находилась под владычеством Австрии.

«Святая ночь на небосклон взошла...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1850, ч. 2, № 8, с. 290. В автографе (Музей-усадьба Мураново имени Ф. И. Тютчева) зачеркнуто заглавие — «Самосознание».

Пророчество. Впервые — Совр. 1854—3, с. 57. В списке МА заглавие приписано на полях рукой самого поэта. Появление стихотворения в печати вызвало недовольство Николая I. 12 марта 1854 года по поручению царя Н. Н. Анненков направил А. С. Норову «конфиденциальное» отношение, в котором говорилось: «Государь император, прочитав это стихотворение, изволил последние два стиха собственноручно зачеркнуть и написать: «Подобные фразы не допускать». Уведомляя о сем ваше превосходительство, имею честь присовокупить, что о таковой высочайшей воле сообщается мною вместе с сим для надлежащего сведения государственному канцлеру иностранных дел и генерал-адъютанту графу

Орлову». См.: Лирика 1965, т. 2, с. 361. См. также: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Вып. 1, М., 1928, с. 134. «Четвертый век уж на исходе, // Свершится он — и грянет час!» Осуществление своих панславистских чаяний Тютчев связывал с 400-летней годовщиной падения Византийской империи. Своды древние Софии — имеется в виду мечеть Айя-София в Константинополе, ранее бывшая христианским храмом.

«Уж третий год беснуются языки...» Впервые — газ. «Северная пчела», 1850, 7 марта, № 52. Слова, отмеченные курсивом и кавычками, заимствованы из манифеста Николая I от 14 марта 1848 года по поводу революционных событий в Австрии и Пруссии.

«Нет, карлик мой! трус беспримерный!..» Впервые — изд. 1868, с. 128—129. Обращено к государственному канцлеру гр. К. В. Нессельроде (1780—1862) и содержит критику с панславистских позиций австрофильского курса его политики.

«Тогда лишь в полном торжестве...» Впервые — изд. 1868, с. 127.

«Пошли, господь, свою отраду...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 33—34. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Ранее печаталось по первой публикации. Однако разночтения первопечатного текста являются не авторскими вариантами, а ошибками переписчиков СТ (в 4 строке — жаркой вместо жесткой) и МА (в 16 строке — освежит вместо осенит).

На Неве. Впервые — Совр. 1854—5, с. 13, с опечаткой в 1 строке (ныряет вместо играет). Печатается по автографам ЦГАЛИ и АБ. Одно из первых стихотворений так называемого «денисьевского» цикла любовной лирики поэта. Об отношениях Тютчева с Е. А. Денисьевой (1826—1864) и стихах, ей посвященных, см.: Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева. М., 1928; Пигарев 1962, с. 145—148, 169—172; И. В. Петрова. Любовная лирика Тютчева 1850—1870-х годов («денисьевский» цикл). — «Учен. зап. Магнитогорского гос. пед. ин-та», 1963, вып. 15, с. 72—109.

«Не рассуждай, не хлопочи!..» Впервые — журн. «Москвитянин», 1851, ч. 6, № 22, с. 220 с заглавием «Совет».

«Как ни дышит полдень знойный...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 34. Относится к начальной поре связи Тютчева с Е. А. Денисьевой.

«Под дыханьем непогоды...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 31.

«Обвеян вещею дремотой...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 40, с пропуском 19 строки.

Два голоса. Впервые — Совр. 1854—3, с. 55—56.¹⁾ А. А. Блок отметил в этом стихотворении «эллинское, дохристианово чувство Рока, трагическое». (См.: Дневник Ал. Блока. Л., 1928. с. 49, запись от 3 декабря 1911 года.) Б. М. Козырев обратил внимание на то, что стихотворение перекликается с масонским гимном Гете «Symbol» (1816). См.: Б. М. Козырев. Письма о Тютчеве. 1963—1967. — Архив Музея-усадьбы Мураново имени Ф. И. Тютчева, Н-82, л. 32—33. «Но по содержанию, — пишет Б. М. Козырев. — «Два голоса» являются смелой и горькой отповедью названному гимну с позиций сурового и — по моральному своему пафосу — атеистического стоицизма».

Графине Е. П. Ростопчиной (в ответ на ее письмо). Впервые — альм. «Раут на 1852 год», с. 203—204. Посвящено поэтессе Е. П. Ростопчиной (1811—1858), являясь в значительной степени проявлением светской галантности.

«Смотри, как на речном просторе...» Впервые — журн. «Москвитянин», 1851, ч. 3, № 11, с. 238. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). 4 строка в автографе (ЦГАЛИ) исправлена рукою П. А. Вяземского «За льдиной льдина вслед плывет». Нет оснований считать, что эта поправка была сделана без ведома Тютчева. С этой поправкой стихотворение было напечатано в «Москвитянине», издателю которого, М. П. Погодину, оно было послано самим Тютчевым. Вместе с тем нельзя не отметить, что поправка Вяземского привела к обеднению ритмического строения всего стихотворения, ибо, как верно пишет Б. Я. Бухштаб, «ритмическое изображение медленно и неровно плывущих льдин утратилось» (ПССтих. 1957, с. 43). *Мета* (устар.) — цель.

Предопределение. Впервые — Совр. 1854—3, с. 36.

Близнецы. Впервые — Соч. 1886, с. 145—146. В 1857 году Тютчев по памяти вписал это стихотворение в альбом поэта и переводчика Н. В. Гербеля (ГПБ). Текст данной альбомной записи в художественном отношении явно уступает общезвестной редакции начала 1850-х годов.

Есть близнецы — для земнородных
Два божества — то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Есть два другие близнеца —
Две тоже демонские власти —
И нет неолиимей страсти,
Им покоряющей сердца...

Одолевают нас они
Своей неразрешимой тайной —
Союз их кровный — не случайный,
Даны им роковые дни...

И кто ж — когда бунтует кровь,
В поре всесильных увлечений,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и Любьвь!

«Я очи знал, — о, эти очи!..» Впервые — Совр. 1854—3, с. 35. Написано в первый год связи с Е. А. Денисьевой, однако, как верно отметил Г. И. Чулков («Последняя любовь Тютчева», с. 79), «прошедшее время, введенное поэтом с первых стихов пьесы и выдержанное до конца, вызывает некоторое сомнение» в том, что стихотворение относится к ней.

«Не говори: меня он, как и прежде, любит...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 36. Написано от лица Е. А. Денисьевой.

«О, не тревожь меня укорой справедливой...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 36, с разночтением в 7 строке: *сознаю* вместо *узнаю*. Печатается по копии СТ, снятой с несохранившегося автографа.

«Чему молилась ты с любовью...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 37. Печатается по копии СТ, снятой с несохранившегося автографа. В первой публикации ошибка переписчика МА в 7 строке: *постыдилась* вместо *устыдилась*.

«О, как убийственно мы любим...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 37. Печатается по копии СТ с утраченного автографа. Ранее стихотворение печаталось по первой публикации, в тексте которой имелись поправки Н. В. Сушкова (например, *слепоте* вместо *слепости* во 2 строке), мелкие ошибки переписчика МА и наборщика «Современника».

«Не знаю я, коснется ль благодать...» Впервые — журн. «Русский архив», 1892, вып. 4, с. 536. Перед текстом помета на французском языке: «Для вас (чтобы прочесть наедине)». Обращено ко второй жене поэта Эрн. Ф. Тютчевой. Написанное в первый год любви Тютчева к Е. А. Денисьевой, стихотворение было вложено им в альбом-гербарий, принадлежавший его жене, и пролежало в нем, не замеченное ею, 24 года — до мая 1875 года. Прочитав впервые это стихотворение, И. С. Аксаков писал (в письме к Е. Ф. Тютчевой от 8 июня 1875 года): «Стихи эти замечательны не столько как стихи, сколько потому, что бросают луч света на сокровеннейшие, интимнейшие брожения его

сердца к его жене... Но что особенно поразительно и захватывает сердце, это то обстоятельство, ...что она об этих русских стихах не имела никакого понятия... В 1851 г. ...она еще не настолько знала по-русски, чтобы понимать русские стихи, да и не умела еще разбирать русского писания Ф. И. ...Каков же был ее сюрприз, ее радость и скорбь при чтении этого привета d'outre tombe (замогильного.— *Ред.*), такого привета, такого признания ее подвига жены, ее дела любви!» (цит. по кн.: Пигарев 1962, с. 149—150).

Первый лист. Впервые — альм. «Раут на 1852 год», с. 202.

«Не раз ты слышала признание...» Впервые — сб. «Звенья», кн. 1, М.-Л., 1932, с. 86. Обращено к Е. А. Денисьевой вскоре после рождения ее старшей дочери Елены. Впервые опубликовавшая это стихотворение Е. П. Казанович полагает, что оно написано еще до крещения дочери, чем и объясняется выражение «безымянный херувим».

Наш век. Впервые — журн. «Москвитянин», 1851, ч. 4, № 16, с. 379. «Впусти меня! — Я верю, боже мой!...» и т. д. — перефразировка евангельского изречения (Марк, 9. 24).

«Дума за думой, волна за волной...» Впервые под заглавием «Волна и дума» — альм. «Раут на 1852 год», с. 202. Заглавие дано издателем-редактором «Раута» Н. В. Сушковым. Подобные фрагментарные стихотворения Тютчев не озаглавливал. Печатается по копии СТ с утраченного автографа.

«Не остывшая от зною...» Впервые, под заглавием «Ночь в дороге» — альм. «Раут на 1852 год», с. 201. Написано по дороге из Москвы в Петербург.

«В разлуке есть высокое значенье...» Впервые — журн. «Старина и новизна», 1914, кн. 18, с. 30.

«День вечереет, ночь близка...» Впервые — Собр. 1854—5, с. 13.

«Как весел грохот летних бурь...» Впервые — Собр. 1854—3, с. 32, без деления на строфы.

«Недаром милосердм богом...» Впервые — Собр. 1854—3, с. 55. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Обращено к одной из дочерей поэта, нечаянно раздавившей канарейку.

«Ты волна моя морская...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 47—48. Б. М. Козырев («Письма о Тютчеве», лл. 79—82) убедительно показал, что в образе «своенравной волны» Тютчев дал психологически достоверную характеристику Е. А. Денисьевой. *Не кольцо как дар заветный* и т. д. — этот образ, в основе которого вариация на тему немецкой народной песни (ср. стихотворение В. А. Жуковского «Кольцо души-девицы...»), построен на противопоставлении «законной» любви и роковой «любви-самоубийства» и включает намек на то общественное положение, в котором оказалась Е. А. Денисьева вследствие своей связи с поэтом.

Памяти В. А. Жуковского. Впервые под заглавием «На смерть Жуковского» — Совр. 1854—3, с. 46. Посвящено памяти выдающегося русского поэта, который был одним из литературных учителей Тютчева. С Жуковским, который бывал в доме родителей Тютчева, он был знаком с юношеских лет. Одной из их ранних встреч Тютчев посвятил стихотворение «17-е апреля 1818». См.: Лирика 1965, т. 2, с. 268—269. Позднее они встречались за границей. Сохранилось письмо Тютчева к Жуковскому, написанное им после смерти первой жены. См. т. 2, наст. изд., письмо № 22. «Он человек необыкновенно гениальный и весьма добродушный, мне по сердцу», — отзывался Жуковский о Тютчеве. См.: В. А. Жуковский. Сочинения, т. 6. СПб., 1878, с. 502. 29 июля 1852 года Тютчев присутствовал на похоронах Жуковского, тело которого было перевезено из Баден-Бадена в Петербург и погребено в Александро-Невской лавре. Жуковскому посвящено также тютчевское стихотворение «Прекрасный день его на Западе исчез...» (1857). Он были мне Омировы читал — в 1847 году в Эмсе Жуковский читал Тютчеву свой перевод «Одиссеи» Гомера. «...я провел несколько прекрасных мгновений с Жуковским... занимаясь чтением его «Одиссеи» и с утра до вечера болтая о всевозможных вещах, — писал тогда же Тютчев жене. — Его «Одиссея» будет действительно величественным и прекрасным творением...» («Старина и новизна», 1914, кн. 18, с. 24). «Лишь сердцем чистые, те узрят бога!» — несколько перефразированное евангельское изречение (Матфей, 5,8).

«Сияет солнце, воды блещут...» Впервые — Совр. 1854—3, с. 48. Написано на Каменном острове, где Тютчев жил с июня по сентябрь 1852 года. В последней строфе — обращение к Е. А. Денисьевой.

«Чародейкою Зимою...» Впервые — Соч. 1886, с. 196. Написано в Овстуге.

Последняя любовь. Впервые — Совр. 1854—3, с. 38—39.

Неман. Впервые, под заглавием «Проезд через Ковно» — альм. «Раут на 1854 год», с. 163—164. Написано в Ковно (Кау-

насе), где поэт останавливался по пути из-за границы в Петербург. Посылая стихотворение жене 27 сентября 1853 года, Тютчев писал: «Это стихи, о которых я тебе говорил, навеянные Неманом. Чтобы их уразуметь, следовало бы перечитать страницу из истории 1812 г. Сегюра, где идет речь о переходе через эту реку армии Наполеона, или по крайней мере вспомнить картинки, так часто попадающиеся на постоянных дворах и изображающие это событие» («Старина и новизна», 1914, кн. 18, с. 53). Южный демон — Наполеон, уроженец острова Корсики.

Спиритистическое предсказание. Впервые — в сб. «Звенья», 1932, кн. 1, с. 87. Считается, что стихотворение написано в период увлечения Тютчева спиритизмом (осень 1853—весна 1854 годов) и отражает надежды поэта на победный для России исход Крымской войны. Следует, однако, отметить, что этой датировке противоречит почерк автографа, который близок к тютчевскому почерку конца 1860-х годов.

Лето 1854. Впервые — изд. 1868, с. 163, без заглавия. Первоначальная редакция была послана поэтом жене с письмом от 11 августа 1854 года (ГБЛ). Первая строфа в ней читается так:

О, это лето, это лето!
Мне подозрительно оно —
Не колдовство ли просто это?
И нам за что подарено?

Перекликается со следующими строками из письма поэта к жене от 5 августа 1854 года: «Какие дни! Какие ночи! Какое чудное лето! Его чувствуешь, дышишь им, проникаешься им и едва веришь этому сам. Что мне кажется особенно чудесным — это продолжительность, невозмутимая продолжительность этих хороших дней, внушающая какое-то доверие, называемое удачею в игре. Уж не отменил ли господь окончательно в нашу пользу дурную погоду?» («Старина и новизна», 1915, кн. 19, с. 87—88).

«Увы, что нашего незнания...» Впервые — изд. 1868, с. 171. Автограф (ГБЛ) в письме к жене от 11 сентября 1854 года из Петербурга.

«Теперь тебе не до стихов...» Впервые — изд. 1868, с. 164. Предназначалось для альб. «Раут на 1855 год» под названием «Е. И. П., требовавшей у автора стихов в альбом». См.: Лирика 1965, т. 2, с. 366. Посвящено Е. И. Поповой (1820—1878), одной из знакомых поэта. Созрела жатва, жнец готов... Тютчев использует здесь библейский образ войны «жатвы», который был традиционным в поэтическом стиле древнерусской литературы. См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.-Л., 1947, с. 129. Ты — лучших, будущих времен // Глагол, и жизнь, и просвещение. Тютчев, как и многие славянофилы, поддерживал идею В. Ганки о превращении русско-

го языка в язык интернационального общения всех славянских народов.

На новый 1855 год. Впервые — журн. «Русский архив», 1867, вып. 12, с. 1638. Печатается по первой публикации с уточнением по автографу (ГПБ, альбом Г. П. Данилевского), в котором слово божьих в 14 строке было заменено по цензурным причинам на тяжких. В альбом Данилевского (1829—1890) вписано 31 декабря 1855 года с заглавием-датой «1856». Тем самым поэт давал понять, что многие его пророчества по поводу 1855 года актуальны и для следующего года. Текст альбомной записи имеет противоречия чтению, связанные с приспособлением содержания к новой исторической обстановке. Особенно существенны замены глагольных форм настоящего времени несовершенного вида на формы прошедшего времени совершенного вида (например, «несет» на «принес» — дважды). В примечании к первой публикации стихотворения издатель «Русского архива» П. И. Бартнев писал: «...стоит перенестись мыслию к злосчастной эпохе Альмы и Инкермана, стоит вспомнить напряжение всей Европы, тогдашнюю общественную и политическую духоту, чтобы понять, какой животрепещущий смысл имело это стихотворение для того времени. Нельзя не признать за ним высокого историко-литературного значения. Мы испросили у автора обязательного дозволения закрепить печатую эти удивительные в их поэтической чуткости строфы» (с. 1638—1639). *Я не свое тебе открою...* В предпосланной стихам в альбоме Данилевского записке говорится: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно — никакой. Но вот вам мысль — чужая. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить, да и не нужно». В этой записке и в тексте стихотворения содержится намек на модное в то время в русских светских кругах увлечение спиритическим «столоверчением», которому поддался и Тютчев. А. Ф. Тютчева иронически писала об увлечении отца спиритизмом: «Странно, что дух этого стола как две капли воды похож на дух моего отца; та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог». См.: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, вып. I. М., 1928, с. 128. *Одна ли выя, народ ли целый обречен?..* Намек на то, что результатом неудачного хода Крымской войны может быть насильственное свержение Николая I. Смерть императору Тютчев предсказал менее чем за 50 дней. Вторая и третья строфы перекликаются с первой строфой стихотворения Ф. Шиллера «Начало нового века».

По случаю приезда австрийского эрцгерцога на похороны императора Николая. Впервые — изд. 1868, с. 169. Стихотворение отражает возмущение русских придворных и официальных кругов политикой Австрии во время Крымской войны, в частности — отказом соблюдать нейтралитет. 21 марта 1868 года цензор И. Росковшенко писал начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу, что в изд. 1868 имеется стихотворение, которое «заключает брань, обращенную и к Австрийскому эрцгерцогу и к царствующей династии Габсбур-

гов... Неуместна была бы задержка нами этих стихов, на это нет у нас закона; но во всяком случае я считаю нужным предупредить об этих стихах Ваше Превосходительство,— было бы жаль, если б австрийский посланник предъявил жалобу на почтенного автора этих горячих стихов». См.: *Щукинский сборник*, вып. 9. М., 1910, с. 206—207. Несмотря на предупреждение цензора, стихотворение не было изъято из изд. 1868. *И весь апостольский их род...* Австрийский император имел титул «апостольского величества».

«Пламя рдеет, пламя пышет...» Впервые — журн. «Русская старина», 1885, т. 45, февраль, с. 433. Ранее считалось, что в 14 строке опечатка: *люблю* вместо *ловлю*. Однако текст первой публикации соответствует тексту копии Ф. Ф. Тютчева с утраченного подлинника (ПД, архив «Русской старины»), которую сын поэта передал через Я. П. Полонского в редакцию журнала. Обращено к Е. А. Денисьевой.

«Так, в жизни есть мгновения...» Впервые — журн. «Русская старина», 1885, т. 45, февраль, с. 433.

«Эти бедные селенья...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1857, ч. 2, кн. 6, с. 143. Написано в г. Рославле Смоленской губ. по пути из Москвы в Овстуг. Д. Д. Благой обратил внимание на внутреннюю связь между этим стихотворением и написанным в тот же день «Вот от моря и до моря...», полагая, что строфы «Эти бедные селенья...» «подсказаны не только непосредственными впечатлениями от зрелища угнетенной крепостным рабством страны, но и мыслями о неисчислимых страданиях защитников Севастополя — простых русских солдат, в исключительно тяжелых условиях с беспримерным героизмом отстаивавших свою Родину». См. примечания к кн.: Стих. 1953, с. 367—368.

«Вот от моря и до моря...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1857, ч. 2, кн. 6, с. 143—144. Проникнуто мрачными предчувствиями, вызванными осадой Севастополя.

Графине Ростопчиной. Впервые — изд. 1868, с. 173. Написано по случаю возвращения в Петербург Е. П. Ростопчиной. В 1846 году она опубликовала балладу «Неравный брак», в которой аллегорически изобразила взаимоотношения Польши и России, чем навлекла на себя крайнее неудовольствие Николая I, препятствовавшее ей показываться в столице.

«О вещая душа моя...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1857, ч. 2, кн. 6, с. 144. Так ты — *жилица двух миров...* Здесь, по-видимому, поэт сравнивает себя с Е. А. Денисьевой, что имеет глубокий биографический и идейно-художественный смысл. Денисьева с ее противоречивым характером была живым олицетворением мятежной души поэта, его раздвоенного внутреннего мира. Подробнее см.: А. А. Николаев. Художник — мы-

санитель — гражданин. — «Вопросы литературы», 1979, № 1, с. 139—148. *Мария* — библейская Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря; слушала слово Христа, сидя у ног его, в то время как Марфа заботилась о большом угощении (Лука, 10.39). Эта притча, как и стихотворение, построена на противопоставлении мирских страстей и сует единственному святому делу души.

Н<иколаю> П<авловичу> («Не богу ты служил и не России...»). Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 76. Печатается по списку АБ. Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февраля 1855 года. Написана, по всей вероятности, несколько позже, когда под впечатлением падения Севастополя Тютчев подверг резкой критике личность и деятельность покойного самодержца. В письме к жене от 17 сентября 1855 года он писал: «Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека...» См. т. 2 наст. изд., письмо № 99.

«Тому, кто с верой и любовью...» Впервые — журн. «Русский архив», 1907, вып. 2, с. 276. Вклеено в экземпляр изд. 1854 (ГБЛ), посланный Тютчевым А. С. Норову (1795—1869). *Служил ей мыслию и кровью...* Намек на участие Норова в Бородинском сражении, в котором он получил ранение. *Поставлен новым поколениям// В благонадежные вожди.* С 1854 по 1858 год Норов занимал пост министра народного просвещения.

«Все, что сберечь мне удалось...» Впервые — Соч. 1900, с. 7. Обращено к Эри. Ф. Тютчевой в день ее рождения.

Н. Ф. Щербине. Впервые — журн. «Русский вестник», 1857, т. 7, кн. 2, с. 837. Текст первой публикации соответствует автографу (ПД), обнаруженному в 1979 г. В лирике Н. Ф. Щербины преобладали античные темы и мотивы. В 1858 году Щербина издал «Сборник лучших произведений русской поэзии», в который включил 8 стихотворений Тютчева.

«Прекрасный день его на Западе исчез...» Впервые — «Временник Пушкинского дома», Пг., 1914, с. 40. Написано в 5-ю годовщину со дня смерти В. А. Жуковского на форзаце несохранившегося экземпляра 10 тома его сочинений (СПб., 1857), подаренного Тютчевым дочери Дарье. Тютчев был членом комитета по редактированию этого издания.

«Над этой темною толпой...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 3. В первоначальной редакции (автограф Государственного музея Л. Н. Толстого) состояло из двух строф, соответствующих первой и третьей строфам окончательной редакции, при этом вторая строфа читалась так:

Смрад, безобразье, нищета,—
Тут человечество немсет,—

Кто ж это все прикрыть сумеет?..
Ты, риза чистая Христа!

Непосредственным поводом к созданию стихотворения послужил церковный праздник Успенья, на котором Тютчев присутствовал в Овстуге летом 1857 года. Это обстоятельство объясняет заглавие «Народный праздник», под которым стихотворение было напечатано в изд. 1868. В то же время оно отражает размышления поэта в связи с предстоящей крестьянской реформой. В сентябре того же года в письме к А. Д. Блудовой Тютчев высказал опасение, что крепостнический произвол будет заменен другим произволом, «в действительности более деспотическим, ибо он будет облечен во внешние формы законности». См. т. 2 наст. изд., письмо № 104.

«Есть в осени первоначальной...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 3. Публикуемый в настоящем издании текст соответствует первоначальной записи (ЦГАЛИ). Впоследствии Тютчев несколько изменил 2 строку «Прозрачный воздух, день хрустальный» (автограф ЦГАЛИ). Написано по пути из Овстуга в Москву.

«Смотри, как роща зеленеет...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 5. Написано по пути из Овстуга в Москву.

«Когда осьмнадцать лет твои...» Впервые — Нов. отих. 1926, с. 50. Написано ко дню восемнадцатилетия младшей дочери поэта М. Ф. Тютчевой.

«В часы, когда бывает...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 4. Посвящено памяти Эл. Тютчевой, первой жены поэта. Написано в 20-й год со дня ее смерти.

«Она сидела на полу...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1858, ч. 2, кн. 10, с. 2. По семейным преданиям Тютчевых, в этом стихотворении имеется в виду Эри. Ф. Тютчева, уничтожившая свою переписку с Тютчевым, относящуюся к первым годам их знакомства. *Присущая* (церк.-слав.) — присутствующая (здесь: принадлежащая).

Успокоение. Впервые — журн. «Русский вестник», 1858, т. 16, кн. 1, с. 719. В ранней редакции (автограф ГБЛ) отсутствует 3 строфа и имеются разночтения:

Когда, что звали мы своим
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело,—

Пойдем и взглянем вдоль реки,
Туда, по склону вод,
Куда стремглав бегут струи,
Куда поток несет —

Неодолим, неудержим,
И не вернется вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы льются из очей,
И видим мы сквозь слез,
Как все быстрее и быстрей
Волнение понеслось...

Душа впадает в забытье —
И чувствует она,
Что вот помчала и ее
Великая волна.

Стихотворение написано на тему стихов австрийского поэта-романтика Н. Ленау «Blick in den Strom» («Взгляд в поток»).

«Осенней поздней порою...» Впервые — журн. «Русская беседа», 1859, ч. 1, кн. 13, с. 2—3. Белокрылые виденья — белые лебеди царскосельских прудов, воспеты в стихах многих русских поэтов.

На возвратном пути. Впервые — газ. «Наше время», 1860, 17 января, № 1, с. 12, в обратной последовательности стихотворений. Написано по дороге из Кенигсберга в Петербург. Леман — Женевское озеро.

«Есть много мелких, безымянных...» Впервые — изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. Написано по следующему поводу. 20 декабря 1859 года Тютчев получил пакет с надписью: «Е<го> п<ревосходительству> Федору Ивановичу Тютчеву от в<еликого> к<нязя> генерал-адмирала для будущего бала». В пакете оказались очки. Этот непонятный подарок заставил Тютчева предположить, что на балу у Н. Н. и В. И. Анненковых, за два дня до присылки очков, он не заметил вел. кн. Константина Николаевича и не поклонился ему. Зная, что генерал-адмирал отличается грубостью, Тютчев принял очки за «урок» с его стороны. Раздраженный, он тотчас ответил Константину Николаевичу стихами, которые и были ему доставлены. Однако присылка очков объяснялась предстоящим костюмированным балом в Михайловском дворце, на котором Тютчев и Константин должны были появиться в одинаковых домино. Будучи близоруким и не желая быть узнанным по очкам, последний разослал ряду лиц очки. Последствий эта история не имела, так как стихи Тютчева, по существу весьма едкие, могли быть истолкованы и в лестном

для адресата смысле: стоило только принять на свой счет не строки о «мелких созвездиях», а строки о «красе небес родных».

Декабрьское утро. Впервые — газ.-журн. «Гражданин», 1872, 3 января, № 1, с. 9.

Е. Н. Анненковой. Впервые — Соч. 1886, с. 232—233.

«Куда сомнителен мне твой...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Чем конкретно вызвана эпиграмма — не установлено.

Мemento. Впервые — изд. 1868, с. 187—188. Вызвано смертью императрицы Александры Федоровны, вдовы Николая I. В стихотворении Тютчев вспоминает о встречах с нею в сентябре 1859 года в Веве (Швейцария).

«Хоть я и свил гнездо в долине...» Впервые — газ. «День», 1861, 16 декабря, № 10, с. 3.

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского. Впервые — газ. «Наше время», 1861, 6 марта, № 8, с. 141—142. Написано по поводу 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского, с которым Тютчева связывали многолетние приятельские отношения. О личных и творческих связях между Тютчевым и Вяземским см.: Д. Благой. Три века, с. 236—268.

Александрю Второму. Впервые — изд. 1868, с. 189. Написано в связи с крестьянской реформой.

«Я знал ее еще тогда...» Впервые — изд. 1868, с. 193. Адресат не установлен.

«Недаром русские ты с детства помнил звуки...» Впервые — сб. «Тютчевiana», М., 1922, с. 17. Обращено к немецкому журналисту В. Вольфсону (1820—1865), который в 1861 году по приглашению Академии наук приезжал из Дрездена в Петербург на юбилей Вяземского. Труды Вольфсона содействовали ознакомлению западноевропейского читателя с русской литературой. В 1 строке заключен намек на то, что Вольфсон, еврей по происхождению, был уроженцем Одессы.

Князю П. А. Вяземскому. Впервые — газ. «День», 1861, 21 октября, № 2, с. 2. Написано ко дню рождения Вяземского.

«Играй, покуда над тобою...» Впервые — журн. «Русский архив», 1874, вып. 7, с. 221—223. Адресат не установлен.

При посылке нового завета. Впервые — газ. «День», 1861, 28 октября, № 3, с. 3. Обращено к старшей дочери поэта Анне. Под нелегким жребием Тютчев подразумевает прежде всего ее раннее сиротство (смерть матери) и придворную службу: Анна была фрейлиной императрицы Марии Александровны и воспитательницей ее дочери. В своих мемуарах и дневнике А. Ф. Тютчева нарисовала далекую от идеализации картину придворной жизни последних лет царствования Николая I и первых лет правления Александра II. См.: А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания, дневник. М., 1928—1929 (в двух частях). См. во 2 томе наст. изд. письма поэта к дочери.

«Он прежде мирный был казак...» Впервые — журн. «Каторга и ссылка», 1931, № 11—12, с. 210. Эпиграмма направлена против попечителя Петербургского учебного округа Г. И. Филиппсона (1809—1883) и вызвана его мероприятиями по борьбе со студенческими волнениями 1861 года. Ранее Филиппсон был казачьим атаманом, на что и намекает Тютчев в 1 строке. Каламбур 3—4 строк построен на дословном переводе с немецкого на русский фамилии Филиппсона («сын Филиппа») и на том, что отца Александра Великого (Македонского) звали Филипп.

«Иным достался от природы...» Впервые — изд. 1868, с. 196 — как одно целое со стихотворением «А. А. Фету». Вместе со стихотворением «А. А. Фету» («Тебе сердечный мой поклон...») было послано А. А. Фету 14 апреля 1862 года. Оба стихотворения написаны в ответ на стихи Фета «Мой обожаемый поэт...», содержавшие просьбу к Тютчеву о присылке портрета. Фет был большим почитателем Тютчева. Он называл его «одним из величайших лириков, существовавших на земле» и дорожил дружеским расположением, с каким поэт к нему относился. См.: А. А. Фет. Мои воспоминания, ч. 2. М., 1890, с. 3. Фету принадлежит восторженная статья «О стихотворениях Ф. Тютчева». («Русское слово», 1859, февраль, отд. 2, с. 63—84). Кроме уже упомянутого стихотворения, Фет посвятил Тютчеву еще два: «Прошла весна, темнеет лес...» и «Нетленностью божественной одеты...» Уже после смерти поэта Фет написал известные стихи «На книжке стихотворений Тютчева», в которых дал высокую оценку его поэзии:

...Муза, правду соблюдая,
Глядит, а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Первая строфа перекликается с двумя последними строками стихотворения «Безумие». *Великой Матерью любимый...* Культ Великой Матери (Magna mater) — древний синкретический культ, распространенный среди всех средиземноморских народов.

А. А. Фету. Впервые — изд. 1868, с. 196. См. примечание к предыдущему стихотворению.

«Затею этого рассказа...» Впервые — сб. «Тютчевiana», М., 1922, с. 15. Эпиграмма на повесть Л. Н. Толстого «Казаки», которая впервые появилась в январском номере «Русского вестника» за 1863 год.

«Ужасный сон отяготел над нами...» Впервые — газ. «День», 1863, 10 августа, № 32, с. 3—4. Вызвано совместным дипломатическим выступлением Австрии, Англии и Франции в связи с польским восстанием 1863 года. *Притон разбойничий в дому молитвы* и т. д. — намек на участие католического духовенства в польском восстании.

Его светлости князю А. А. Суворову. Впервые — «Колокол», 1864, 1 января, л. 176, с. 1452. Вызвано отказом петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова (1804—1882) подписать приветственный адрес палачу польских повстанцев М. Н. Муравьеву, прозванному «Вешателем». Как администратор Суворов отличался мягкостью и был сторонником относительно либерального курса. Это привлекло к нему симпатии петербургского населения, в частности студенческой молодежи, но зато восстановило против него консервативно настроенные круги общества.

«Как летней иногда порою...» Впервые — изд. 1868, с. 202—204. Посвящено Н. С. Акинфиевой (1839—1891). В 19—20 строках содержится намек на увлечение ею А. М. Горчакова. См. также примечание к стихотворению «Как ни бесилося злоречье...» (с. 343).

Н. И. Кролю. Впервые — изд. 1868, с. 205, без заглавия. *Н. И. Кроль* (1823—1871) — поэт-искровец и драматург.

19-ое февраля 1864. Впервые — газ. «Русский инвалид», 1864, 22 февраля, № 43. В изд. 1868 вышло под заглавием «На смерть графа Д. Н. Блудова». С Тютчевым и его семьей Блудова связывали многолетние приятельские отношения. *Великий день...* Д. Н. Блудов (1785—1864), государственный и литературный деятель, президент Академии наук, умер в третью годовщину со дня обнародования манифеста о крестьянской реформе.

«Не все душе болезненное снится...» Впервые — «Однодневная газета Комитета академических театров помощи голодающим», 1922, 28—29 мая. Послано дочери Дарье в день ее рождения.

«Утихла биза... Легче дышит...» Впервые — журн. «Русский вестник», 1865, т. 55, № 2, с. 686. Написано в Женеве. *Биза* — местное название северного ветра, дующего на Женевском озере. *Белая гора* — Монблан (буквальный перевод слова Montblanc). *Одной могилой меньше было*. Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

«Весь день она лежала в забытьи...» Впервые — журн. «Русский вестник», 1865, т. 55, № 2, с. 685. Посвящено воспоминанию о последних часах жизни Е. А. Денисьевой. Написано в Ницце.

«Как неразгаданная тайна...» Впервые — Соч. 1886, с. 209. Печатается по первой публикации. Написано в Ницце и посвящено императрице Марии Александровне, жене Александра II.

«О, этот Юг, о, эта Ницца!...» Впервые — журн. «Русский вестник», 1865, т. 55, кн. 2, с. 685. Стихотворение отражает подавленное состояние, в котором поэт находился после смерти Е. А. Денисьевой. Покинув Ниццу весной 1865 года, он писал дочери Анне: «Странную роль сыграла Италия в моей жизни... Дважды являлась она передо мной, как роковое видение, после двух самых великих скорбей, какие мне суждено было испытать. Есть страны, где носят траур ярких цветов. По-видимому, это мой удел...» См.: Стих. Письма 1957, с. 534. Первая «великая скорбь», пережитая Тютчевым, была вызвана смертью его первой жены.

«Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...» Впервые — газ. «Русь», 1880, 22 ноября, № 2, с. 4. Печатается по первой публикации. Навеяно общением с императрицей Марией Александровной, с которой поэт встречался в Ницце.

En suspiria. Впервые — газ. «День», 1865, 8 января, № 2, с. 32. Написано в связи с обнародованием 26 ноября 1864 года энциклики папы римского Пия IX, осуждавшей в числе прочих «заблуждений века» свободу совести. В первой строфе говорится о разрушении Иерусалимского храма римлянами в 70 году н. э.

Князю Горчакову. Впервые — изд. 1868, с. 206. По предположению И. С. Аксакова, написано «по поводу грозивших русской печати новых стеснений». См.: Аксаков 1886, с. 281. По-видимому, Тютчев рассчитывал на то, что Горчаков, сменивший в 1856 году на посту министра иностранных дел австрофила К. В. Нессельроде и проводивший политику защиты национальных интересов, выступит против этих «стеснений», которые грозили и славянофильским органам. В 5—6 строках содержится намек на дипломатическую деятельность Горчакова во время польского восстания 1863—1864 годов и на отпор, оказанный им иностранным державам.

«Как хорошо ты, о море ночное...» Впервые — газ. «День», 1865, 22 января, № 4, с. 76, в ранней редакции; полностью — «Русский вестник», 1855, т. 55, № 2, с. 687. Посылая окончательную редакцию в «Русский вестник» 1 февраля 1865 года, Тютчев писал: «Прилагаемая пьеса напечатана была без моего ведома, в самом безобразном виде, в 4-м № «Дня»... Я, бог свидетель, нисколько не дорожу своими стихами, — теперь менее, нежели когда-нибудь, но не вижу и необходимости брать на свою ответственность стихов, мне не принадлежащих». См.: Стих. Письма 1957, с. 534. Три ранних редакции стихотворения см.: Лирика 1965, т. 1, с. 266—267. Написано в Ницце.

«Когда на то нет божьего согласия...» Впервые — изд. 1868, с. 215. В автографе из собрания К. В. Пигарева перед текстом помета: «Из Ниццы в Сими, 11/23 января 1865». Стихотворение было подарено поэтом дочери Дарье со следующей припиской: «Моя милая дочь, храни это на память о нашей вчерашней прогулке и разговоре, но не показывай никому... Пусть это будет иметь значение лишь для нас двоих... Обнимаю и благословляю тебя от всего сердца. Ф. Т.» Из содержания стихотворения явствует, что темой разговора поэта с дочерью были переживания его в связи со смертью Е. А. Денисьевой. Вместе с тем стихотворение имеет прямое отношение и к Д. Ф. Тютчевой. С первой его строфой следует сопоставить строки из письма поэта к Дарье от 8 сентября 1864 года, написанного через месяц после смерти Е. А. Денисьевой: «...если б что и могло меня подбодрить, создать мне по крайней мере видимость жизни, так это сберечь себя для тебя, посвятить себя тебе, мое бедное, милое дитя, — тебе, столь любящей и столь одинокой, внешне столь мало рассудительной и столь глубоко искренней, — тебе, кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви, которая у тебя, мое бедное дитя, осталась неутоленной». См. т. 2, наст. изд., письмо № 115.

Ответ на адрес. Впервые — журн. «Русский архив», 1885, вып. 10, с. 298, под заглавием «Москвичам». Вызвано адресом московского дворянства о созыве Земской думы, поданным Александру II 11 января 1865 года. На эпиграмму последовал ответ «москвичей», автором которого является князь Н. П. Мещерский (1829—1901):

Вы ошибаетесь грубо,
И в вашей Ницце, дорогой,
Сложили, видно, вместе с шубой
Вы память о земле родной.
В раю терпение уместно,
Политике там места нет;
Там все умно, согласно, честно,
Там нет зимы, там вечный свет.
Но как же быть в стране унылой,

Где ныне правит Константин
И где слились в одно светило
Валуев, Рейтерн, Головнин?
Нет, нам парламента не нужно,
Но почему ж нас проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караул кричать?

В ответном стих. упоминаются имена председателя Государственного совета, министров внутренних дел, финансов и народного просвещения.

«Есть и в моем страдальческом застое...» Впервые — журн. «Русский архив», 1874, вып. 10, с. 377, неполностью; полностью — «Исторический вестник», 1903, т. 93, № 7, с. 203, в статье Ф. Ф. Тютчева «Федор Иванович Тютчев. Материалы к его биографии», под заглавием «По возвращении из Ниццы в 1865 г.». Посвящено воспоминанию о Е. А. Денисьевой.

«Он, умирая, сомневался...» Впервые — журн. «Ипокрена», 1917, октябрь, с. 5. Написано по случаю столетней годовщины со дня смерти М. В. Ломоносова, отмечавшейся 4 апреля 1865 года. Было прочитано Я. П. Полонским 7 апреля на вечере памяти Ломоносова в зале Дворянского собрания. *Зловещей думою томим...* Умиравший Ломоносов высказал опасение, что все его «полезные намерения» умрут вместе с ним. *Борец ветхозаветный* — древнееврейский патриарх Иаков. В Библии имеется сказание о том, как однажды с Иаковом «боролся некто до появления зари», и только на рассвете он понял, что боролся с богом («Бытие», 32.24—32).

«Сын царский умирает в Ницце...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 68 в статье Г. Чулкова «Ф. И. Тютчев и его эпиграммы». Вызвано предсмертной болезнью старшего сына Александра II, вел. кн. Николая Александровича.

12-ое апреля 1865. Впервые — газ. «Русский инвалид», 1865, 14 апреля, № 79, с. 4. Вызвано смертью наследника престола.

«Как верно здравый смысл народа...» Впервые — изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. Эпиграмма вызвана слухами о том, что «уход» графа С. Г. Строганова (1794—1882) за наследником пагубно отразился на здоровье последнего и был причиной его смерти от туберкулеза.

«Певучесть есть в морских волнах...» Впервые — журн. «Русский вестник», 1865, т. 58, № 8, с. 432. Печатается по автографу (ГБЛ). В изд. 1868 И. С. Аксаковым была опущена последняя строфа, в которой ему не понравилось «иностранный слог» *протест*. См. по этому поводу письмо Аксакова

к Е. Ф. Тютчевой (в кн.: Г. Чулков. Последняя любовь Тютчева, с. 60). Написано в Петербурге во время поездки на Острова. Эпиграф заимствован у римского поэта Авзония (IV в. до н. э.). Б. М. Козырев отметил, что философскому содержанию этого стихотворения о разладе человека и природы соответствует и стилистический диссонанс. Мировой гармонии, описанной в духе пифагорейско-платонического учения, противостоит «отчаянный протест» — выражение, «словно бы сошедшее со страниц радикальной журналистики шестидесятых годов» («Письма о Тютчеве», л. 31). *Музыкальный* (церк.-кн.) — музыкальный. *Мыслящий тростник* — образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля (из его «Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но это — тростинка мыслящая». *Глас вопиющего в пустыне* — библейское выражение («Книга пророка Исайи», 40,3), процитированное во всех четырех евангелиях и ставшее поговоркой.

Другу моему Я. П. Полонскому. Впервые — «Сочинения» Я. П. Полонского, СПб., 1869, т. 1, с. 106—107. Написано в ответ на стихотворение Полонского «Ф. И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска...»).

«Сегодня друг, пятнадцать лет минуло...» Впервые — журн. «Исторический вестник», 1903, т. 93, № 7, с. 202. Обращено, по всей вероятности, к близкому другу поэта А. И. Георгиевскому (1829—1911), мужу сестры Е. А. Денисьевой Марии.

«Молчит сомнительно Восток...» Впервые — журн. «Русский вестник», 1865, т. 58, № 7, с. 111. В изд. 1868 вошло под заглавием «Восход солнца». Стихотворение в аллегорической форме выражает мечты поэта о политическом и национальном возрождении восточных славян. Вместе с тем, по верному замечанию И. С. Аксакова, «здесь под образом восходящего солнца подразумевается пробуждение Востока... Однако образ сам по себе так самостоятельно хорош, что, очевидно, если не перевесил аллегорию в душе поэта, то не подчинился ей, а вылился свободно и независимо». См.: Аксаков 1886, с. 118.

Накануне годовщины 4 августа 1864 г. Впервые — журн. «Исторический вестник», 1903, т. 93, № 7, с. 202. Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой. Подробный анализ стихотворения см. в кн.: Ю. М. Лотман. Анализ поэтического текста. Л., 1972, с. 186—203.

«Как неожиданно и ярко...» Впервые — газ. «День», 1865, 25 сентября, № 33, с. 780. Написано в Рославле.

«Ночное небо так угрюмо...» Впервые — газ. «День», 1865, 25 сентября, № 33, с. 781. Написано по дороге из Овстуга в Дядьково или на обратном пути.

«Нет дня, чтобы душа не ныла...» Впервые — журн. «Исторический вестник», 1903, т. 93, № 7, с. 202. Связано с воспоминанием о Е. А. Денисьевой.

«Как ни бесилося злоречье...» Впервые — журн. «Русский архив», 1874, вып. 12, с. 1124. В стихотворении речь идет, по-видимому, об Н. С. Акинфиевой, внучатой племяннице А. М. Горчакова. Вызвано светскими пересудами об ее разводе с мужем и предполагавшемся браке с дядей.

Графине А. Д. Блудовой. Впервые, под заглавием «Графине А. Д. Б.» — изд. 1868, с. 221. Написано в связи со второй годовщиной смерти графа Д. Н. Блудова. Посвящено его дочери Антонине Дмитриевне (1812—1891).

«Когда сочувственно на наше слово...» Впервые — ПССстих. 1933—1934, т. 2, с. 172.

Князю Суворову. Впервые — изд. 1868, откуда вырезано по требованию автора. В списке М. Ф. Тютчевой (Музей-усадьба Мураново им. Ф. И. Тютчева) заглавие в стихотворение вписано рукой Эрн. Ф. Тютчевой. В резком тоне этого стихотворения сказалось предубежденное отношение консервативных слоев русского общества к административной деятельности А. А. Суворова. Покушение Д. В. Каракозова на Александра II в апреле 1866 года было расценено в правительственных кругах как следствие не-радивости Суворова. Это повлекло за собой упразднение должности петербургского генерал-губернатора, которую он занимал.

«И в божьем мире то ж бывает...» Впервые — изд. 1868, с. 224. Вызвано распоряжением Министерства внутренних дел о приостановке на три месяца газеты «Московские ведомости», к редакции которой Тютчев был в эти годы близок. См.: Б. Я. Бухштаб. Три стихотворные послания Тютчева. — «Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской», 1956, т. 1, с. 238—240.

«Когда расстроенный кредит...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Эпиграмма вызвана назначением директора канцелярии морского ведомства С. А. Грейга (1827—1887), товарищем министра финансов.

«Тихо в озере струится...» Впервые — изд. 1868, с. 222. В письме к жене от 31 июля 1866 года из Царского Села

Тютчев писал: «В течение нескольких дней стоит довольно хорошая погода, и, когда солнце пригревает и небо ясно, царскосельские сады в самом деле очень красивы. Чувствуешь себя погруженным в более изысканную стихию: это прелестно и величественно в одно и то же время». См.: «Старина и новизна», 1916, кн. 21, с. 230.

«На гробовой его покров...» Впервые — газ. «Русский инвалид», 1866, 7 сентября, № 229, с. 4, под заглавием «Памяти графа М. Н. Муравьева».

«Когда дряхлеющие силы...» Впервые — изд. 1868, откуда было вырезано по требованию автора, под заглавием «Еще князю П. А. Вяземскому». Непосредственным поводом к написанию этого стихотворения послужили сатирические стихи Вяземского «Воспоминания из Буало» и «Хлестаков», направленные против редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» М. Н. Каткова (1818—1887). См.: П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. М.-Л., 1935, с. 463—468. Несмотря на консервативность тогдашних политических убеждений Вяземского, ему претил откровенный национализм Каткова и его стремление поучать правительство. Тютчев в то время был близок к редакции «Русского вестника» и «Московских ведомостей», членом которой состоял его друг А. И. Георгиевский. Данное стихотворение, написанное как бы в защиту М. Н. Каткова, было послано Тютчевым Георгиевскому при письме от 3 сентября 1866 года для публикации в «Русском вестнике». Однако опубликовано оно не было. Будучи в широком смысле произведением об «отцах и детях», это стихотворение является вместе с тем очень острой, хотя и косвенной характеристикой Вяземского в его отношении к молодым поколениям вообще. Его можно сопоставить с тем, что писал Тютчев о Вяземском, прослушав однажды его статью по поводу «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «...натуры столь колючие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем для малоисследованной страны является враждебно настроенный и предубежденный посетитель-иностранец. Это Кюстины новых поколений». См. во 2-м томе наст. изд. письмо к Е. Ф. Тютчевой от 3 января 1869 года, № 147. Требование исключить стихи из изд. 1868 объясняется нежеланием Тютчева портить давние приятельские отношения с Вяземским. См. по этому поводу во 2-м томе наст. изд. его письмо к Е. Ф. Тютчевой от 26 марта 1868 года, № 141.

«Небо бледно-голубое...» Впервые — журн. «Литературная библиотека», 1866, октябрь, кн. 1, с. 1—2. Написано по поводу приезда в Петербург в сентябре 1866 года датской принцессы Дагмары, невесты наследника престола Александра Александровича, будущего императора Александра III.

«Умом Россию не понять...» Впервые — изд. 1868, с. 230. В. И. Кулешов считает, что формулу: Россию «аршином

общим не измерить» Тютчеву «мог подсказать И. С. Аксаков в «Зимней дороге» (1847), где строка «Свое чужим аршином мерить» также означает, что несуразно по-западному истолковывать все русское». См.: В. И. Кулешов. Славянофилы и романтизм.— В кн.: К истории русского романтизма. М., 1973, с. 328.

На юбилей Н. М. Карамзина. Впервые — журн. «Вестник Европы», 1866, т. 4, декабрь, с. 62, без строк 4 и 5. Написано для прочтения на вечере памяти Карамзина (в 100-летнюю годовщину его рождения) в Обществе для пособия нуждающимся литераторам, на котором оно было прочитано М. М. Стасюлевичем.

«Ты долго ль будешь за туманом...» Впервые — изд. 1868, с. 234. Написано по поводу восстания христианского населения острова Крит против турецкого владычества. Критяне пользовались поддержкой греков. Сильное брожение наблюдалось вообще среди христианских народностей на Балканах. Тютчев, понимавший, что без поддержки Европы и России эти выступления христиан Востока против турок обречены на поражение, но явно переоценивавший возможности России после поражения в Крымской войне, надеялся, что Россия окажет помощь восставшим и воспользуется событиями на Крите для решительного выступления по восточному вопросу. Стихотворение было написано 20 декабря 1866 года, а через несколько дней, после первых дипломатических обращений русского кабинета к Европе с призывом защитить христианские племена исламского мира, Тютчев написал стихотворение «Хотя б она сошла с лица земного...».

«Хотя б она сошла с лица земного...» Впервые — изд. 1868, с. 235—236. См. примечание к предыдущему стихотворению. В списке М. Ф. Тютчевой (собрание К. В. Пигарева) имеется помета: «На слово леди Бьюкенен (жена английского посла.— *Ред.*): бал в пользу кретинов» вместо «христиан» (в подлиннике по-французски: «...un bal pour des crétins» au lieu de «chrétiens»). Имеется в виду какой-то благотворительный бал, имевший целью сбор пожертвований в помощь борющимся христианам Крита. На фоне пассивности официальных кругов России это увеселительное мероприятие не могло не вызвать возмущения Тютчева, не раз говорившего о недостойном поведении русского правительства в данной ситуации. Так, летом 1867 года он писал жене: «Трагична участь бедных кандиотов, которые будут раздавлены. Наше поведение в этом деле самое жалкое. Иногда преступно и бесчестно быть настолько ниже своей задачи». См.: «Старина и новизна», 1916, кн. 21, с. 225. Вместе с тем Тютчев противопоставлял дипломатические шаги русского правительства по этому вопросу двуличию буржуазных правительств, на словах готовых руководствоваться гуманистическими, религиозными и нравственными принципами, на деле же подчинявших свою политику корыстным интересам данного момента. Предпринятое рус-

ским правительством дипломатическое вмешательство реального значения не имело.

«Над Россией распростертой...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 72. Эпиграмма направлена против графа П. А. Шувалова (1827—1889), шефа жандармов и начальника Третьего отделения. Назначенный в 1866 году на эти посты, Шувалов был облечен чрезвычайными полномочиями и получил в Петербурге прозвище «Петр IV» и «Аракчеев II». См.: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, с. 270.

«Как этого посмертного альбома...» Впервые — изд. 1868, с. 237, под заглавием «Графине А. Д. Блудовой при получении от нее книги с заметками гр. Д. Н. Б.». *Посмертным альбомом* Тютчев назвал изданную посмертно книгу Д. Н. Блудова «Мысли и замечания» (СПб., 1866).

Дым. Впервые — журн. «Отечественные записки», 1867, май, кн. 1, с. 181—182, вслед за статьей Н. Н. Страхова «Новая повесть Тургенева». Написано в связи с появлением в мартовской книжке «Русского вестника» за 1867 год романа И. С. Тургенева «Дым». 23 апреля 1867 года В. П. Боткин писал Тургеневу: ««Дым» еще читается, и мнение о нем не успело еще составиться. Вчера я был у Ф. И. Тютчева, — он только что прочел и очень недоволен. Признавая все мастерство, с каким нарисована главная фигура, он горько жалуется на нравственное настроение, проникающее повесть, и на всякое отсутствие национального чувства». См.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. М.-Л., 1930, с. 264. В своем стихотворении Тютчев противопоставляет «Дыму» творчество писателя 1840-х — начала 1850-х годов, которое он называет «могучим и прекрасным», «волшебным и родным» лесом.

Славянам. Впервые — газ. «Московские ведомости», 1867, 14 мая, № 105, с. 1. Печатается по первой публикации. Написано в связи со Славянским съездом (см. примечание к стихотворению «К Ганке»). Прочитано Б. М. Маркевичем в качестве приветствия славянским гостям 11 мая 1867 года на банкете в петербургском Дворянском собрании. Коссово поле — имеется в виду сражение при Косове, происшедшее 15 июня 1389 года между османской армией под начальством султана Мурада I и христианскими союзниками, действовавшими под командованием сербского короля Лазаря, — сражение, в котором турки одержали победу. Белая Гора — возвышенность близ Праги. Жестокое поражение, нанесенное здесь чехам 8 ноября 1620 года войсками германского императора Фердинанда II, привело к упадку политической самостоятельности Чехии. В 7 строфе выразилось характерное для реакционно настроенной части русского общества отношение к Польше, представители которой не были приглашены на Славянский съезд. Празднества в честь славянских гостей сопровождались различными демонстрациями против поляков.

Славянам («Они кричат, они грозятся...»). Впервые — газ. «Московские ведомости», 1867, 24 мая, № 113, с. 3. Посылая И. С. Аксакову 16 мая 1867 года автограф стихотворения, Тютчев сопроводил его следующим письмом: «Вот вам, любезнейший Иван Сергеевич, окончательное издание этих довольно ничтожных стихов, уже, вероятно, сообщенных вам Ю. Ф. Самариным. Не смейтесь над этою ребячески-отеческою заботливостью рифмоторца об окончательном округлении своего пустозвонного безделья». Прочитано С. М. Сухотиным 21 мая 1867 года в Сокольниках на банкете, данном Москвой в честь прибывших на Этнографическую выставку славянских гостей. По просьбе публики И. С. Аксаков прочитал его вторично. Эпиграф — слова австрийского министра иностранных дел графа Ф. фон Бейста (1809—1886), проводившего политику подавления славянских народностей Австро-Венгрии. Характеризуя роль Австрии в судьбах славянства, Тютчев еще в 1849 году писал в набросках к трактату «Россия и Запад», что именно Австрия «выражала факт преобладания одного племени над другим: племени немецкого над славянским». См.: Аксаков 1886, с. 212.

«Напрасный труд — нет, их не вразумишь...» Впервые — изд. 1868, с. 238. Непосредственный повод, вызвавший написание этих стихов, не выяснен. И. С. Аксаков приводит их в доказательство того, что ничто не раздражало Тютчева «в такой мере, как скудость национального понимания в высших сферах, правительственных и общественных, как высокомерное, невежественное пренебрежение к правам и интересам русской народности». См.: Аксаков 1886, с. 74.

«На юбилей князя А. М. Горчакова. Впервые — в литогр. сб. «Юбилей государственного канцлера князя А. М. Горчакова 1867 года», с. 46—47 (ЦГАОР). Написано по поводу 50-летия государственной деятельности Горчакова. 13 июня 1867 года в связи с юбилеем он был назначен государственным канцлером.

«Как ни тяжел последний час...» Впервые — в «Сочинениях графа П. И. Капниста», т. 1. М., 1901, с. 134. Написано 14 октября 1867 года во время заседания Совета Главного управления по делам печати. Присутствовавший на заседании писатель и редактор «Правительственного вестника» П. И. Капнист (1830—1898) заметил, что Тютчев «был весьма рассеян и что-то рисовал или писал на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумье, оставив бумагу». Экспромт был взят Капнистом «на память о любимом им поэте».

«Свершается заслуженная кара...» Впервые — газ. «Москва», 1867, 29 октября, № 166, с. 4. Вызвано вторжением итальянских патриотов-гарибальдийцев в Папскую область и их борьбой со светской властью папы. Конечным результатом этой борьбы было завершение к 1870 году объединения Италии. См.

во 2 т. наст. изд. примечание к письму № 139. ...чью помощь ни зови... — намек на помощь, оказанную папству французскими войсками, которые в ноябре 1867 года отбили наступление гарибальдийцев. *А ты, ее носитель неповинный* и т. д. — обращение к папе Пию IX.

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Petersbourg». Впервые — газ. «Русский», 1868, 1 января, № 1, с. 10. Написано в связи с обнародованием 5 декабря 1867 года дипломатической переписки русского правительства по восточному вопросу, в особенности же — в связи с декларацией, в которой оно отказывалось от дальнейшего гарантирования целостности Турецкой империи. Тютчев полагал, что это заявление вызовет всеобщее восстание восточных славян против турецкого владычества, но надежды поэта не оправдались.

«Опять стою я над Невой...» Впервые — журн. «Исторический вестник», т. 93, № 7, с. 201. В последней строфе обращение к памяти Е. А. Денисьевой.

Пожары. Впервые — газ. «Русский», 1868, 19 июля, № 16, с. 1. Навеяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868 года.

«В небе тают облака...» Впервые — Соч. 1886, с. 314. Написано на хуторе Гостиловка близ Овстуга.

Михайлу Петровичу Погодину. Впервые — газ. «Русский», 1869, 31 января, № 37, с. 4. Стихотворение было написано на форзаце экземпляра изд. 1868 (ПД), подаренного Тютчевым публицисту и историку М. П. Погодину (1800—1875). Посылая Погодину 30 августа 1868 года новую редакцию стихотворения, Тютчев писал: «Простите авторской щепетильности. Мне хотелось, чтобы по крайней мере те стихи, которые надписаны на ваше имя, были по возможности исправны, и потому посылаю вам их вторым изданием». Получив сборник стихотворений, Погодин ответил Тютчеву: «Вы заставили меня пожалеть, что не пишу стихов, любезнейший Федор Иванович. Возражу вам прозою, что такие стихи, родясь утром, не умирают вечером, потому что чувства и мысли, их внушающие, принадлежат к разряду вековых...» (цит. по кн.: Лирика 1965, т. 2, с. 396).

Памяти Е. П. Ковалевского. Впервые — газ. «Москва», 1868, 25 сентября, № 139, с. 2. *Е. П. Ковалевский* (1811—1868) — путешественник и писатель. 23 сентября Тютчев присутствовал на его похоронах.

«Печати русской добродоты...» Впервые — журн. «Былое», 1922, № 19, с. 71. Эпиграмма вызвана цензурными пре-

следованиями славянофильского органа «Москва» и почти дословно переключается с письмом Тютчева к брату Николаю от 13 апреля 1868 года: «Все они (чиновники Министерства внутренних дел.—*Ред.*) более или менее мерзавцы, и, глядя на них, просто тошно, но беда наша та, что тошнота наша никогда не доходит до рвоты». См. т. 2 наст. изд., письмо № 143.

«Вы не родились поляком...» Впервые — журн. «Русский архив», 1884, вып. 1, с. 243. Эпиграмма обращена к В. Д. Скарятину, издателю-редактору ультрареакционной аристократической газеты «Весть». *Громите речью вы свободной // Всех тех, кому зажали рот!* — имеются в виду в первую очередь славянофилы, против которых выступала «Весть» и которые после закрытия в 1868 году аксаковской «Москвы» не имели своего печатного органа.

«Нет, не могу я видеть вас...» Впервые — ПССтих. 1933—1934, т. 2, с. 264. Обращено к А. М. Горчакову.

«Великий день Кирилловой кончины...» Впервые — в бр. «Празднование тысячелетней памяти первосвятителя славян св. Кирилла 14 февраля 1869 г. в С.-Петербурге и Москве», Прага, 1869, с. 44.

«Нам не дано предугадать...» Впервые — альб. «Северные цветы на 1903 год», с. 182.

«Две силы есть — две роковые силы...» Впервые — Соч. 1886, с. 321.

11-ое мая 1869. Впервые — Соч. 1886, с. 318. Написано по случаю празднования памяти просветителей славян Кирилла и Мефодия в Славянском благотворительном обществе. *Не утается Град от зренья людского и т. д.* — цитата из евангелия от Матфея (5.14).

«Как насаждения Петрова...» Впервые — газ. «Эстляндские губернские ведомости», 1869, 25 июня, № 51, с. 425. В первых строках имеется в виду сад, разведенный по приказанию Петра I вокруг построенного им загородного дворца в Екатеринентале близ Ревеля (Таллина). *Екатерининская долина* — буквальный перевод слова «Екатериненталь».

Андрею Николаевичу Муравьеву. Впервые — журн. «Заря», 1869, № 9, с. 1—2. Стихотворение навеяно встречей с А. Н. Муравьевым в Киеве в августе 1869 года. *Воздушно-светозарный храм* — Андреевский собор в Киеве, построенный по проекту Растрелли.

В деревне. Впервые — Соч. 1886, с. 328—330. В списке И. Ф. Тютчева (ЦГАЛИ) имеется следующее примечание: «Стихотворение это написано Ф. И. Тютчевым в одно из последних пребываний его в принадлежавшем ему имении с. Овстуге и вызвано видом собаки, гнавшей за стадом гусей и уток».

«Природа — сфинкс. И тем она верней...» Впервые — Соч. 1886, с. 340. Написано в Овстуге. Сфинкс (греч. миф.) — чудовище с лицом и грудью женщины, туловищем льва и крыльями птицы, обитавшее на скале около Фив. Сфинкс подстерегал путников и задавал им загадки. Не сумевших разгадать их он убивал.

Чехам от московских славян. Впервые — журн. «Православное обозрение», 1869, № 9, с. 341—342. Текст первой публикации соответствует беловому автографу (ПД), обнаруженному в 1979 г. Прочитано 24 августа 1869 года в Москве на заседании Славянского комитета, посвященном 500-летию со дня рождения национального героя чешского народа Яна Гуса. Стихи были присоединены к золотой чаше, посланной Комитетом в Прагу. В русских славянофильских кругах гуситство рассматривалось как протест славянской религиозной мысли против западноевропейской. Разделяя это убеждение, Тютчев писал в статье «Россия и Революция»: «...вся еще сохранившаяся в Богемии национальная жизнь сосредоточена в ее гуситских верованиях, в этом постоянно живучем протесте ее угнетенной славянской национальности против захватов римской церкви, а также и против немецкого господства». См.: ПССоч. 1913, с. 463. Под страшной ценой подразумевается казнь Яна Гуса, обвиненного в ереси и сожженного живым по приговору католической церкви.

«Как нас ни угнетай разлука...» Впервые — журн. «Красная нива», 1926, № 6, с. 9.

Современное. Впервые — газ. «Голос», 1869, 15 октября, № 285, с. 2. Вызвано торжествами, происходившими в октябре 1869 года в Турции в связи с завершением строительства Суэцкого канала. Франция принимала ближайшее участие в строительстве канала. Поэтому Наполеону III и его жене императрице Евгении (о ней говорится в 9—11 строфах) в Турции оказывались особые почести. *Рима дочь*, т. е. католичка. *Как вторая Клеопатра...* В древности, при египетской царице Клеопатре (I век до н. э.), уже существовал Суэцкий канал, но был позднее занесен песком.

А. Ф. Гильфердингу. Впервые — газ. «Голос», 1869, 28 декабря, № 357, с. 2. Написано по поводу забаллотирования на выборах в адъюнкты Академии наук известного слависта-этнографа, собирателя онежских былин А. Ф. Гильфердинга (1831—1872). Тютчев высоко ценил заслуги Гильфердинга перед русской

и славянской филологией. Во время предсмертной болезни он написал стихотворение, посвященное памяти Гильфердинга:

Хоть родом он был не славянин,
Но был славянством всем усвоен,
И честно он всю жизнь ему служил,
Он много действовал, хоть мало жил,
И многого ему принадлежит почин —
И делом доказал, что в поле и один
Быть может доблестный и храбрый воин.

См.: Лирика 1965, т. 2, с. 271, 432—433.

Ю. Ф. Абазе. Впервые — Соч. 1886, с. 319—320. Ю. Ф. Абаза (ум. 1915), музыкантша и певица, была дружна с Гуно и Листом, принимала активное участие в основании Русского музыкального общества.

«Так провидение судило...» Впервые — Нов. стих. 1926, с. 96. Повод к написанию эпитафии не установлен.

Гус на костре. Впервые — журн. «Заря», 1870, № 5, с. 3—4. Написано для прочтения на вечере с живыми картинами, устроенном 1 апреля 1870 года в пользу Славянского благотворительного комитета. Предварительно, 26 марта, оно было прочитано на литературном вечере у Тютчева. *Вероломный кесарь* — германский император Сигизмунд, давший Гусу охранную грамоту при вызове его на церковный собор в Констанце, но затем, под давлением собора, признавший ее недействительной как выданную еретiku. *Старца простая* — по преданию, одна старая женщина бросила вязанку хвороста в костер Гуса, чем вызвала с его стороны восклицание: «*Sancta simplicitas!*» («Святая простота!»).

«Над русской Вильной стародавней...» Впервые — Соч. 1886, с. 341—342. Написано проездом через Вильну (Вильнюс) за границу. *Позднее бывшее* — имеется в виду польское восстание 1863 года.

К. Б. («Я встретил вас — и все былое...»). Впервые — журн. «Заря», 1870, № 12, с. 26. По свидетельству Я. П. Полонского, инициалы в заглавии обозначают сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер». См.: ПССоч. 1913, с. 638. Написано в Карлсбаде (Карловых Варах), куда Тютчев и А. М. Крюденер (во втором браке — Адлерберг), случайно там встретившиеся, пришли лечиться на воды. Перекликается с посвященным ей же стихотворением 1830-х годов «Я помню время золотое...».

Два единства. Впервые — журн. «Заря», 1870, № 10, с. 3. Прочитано 1 октября 1870 года на празднестве, устроенном Славянским благотворительным комитетом по случаю перехода в православие 13-ти чехов. *Кровь льется через край* — имеется в ви-

ду начавшаяся 19 июля 1870 года франко-прусская война. *Оракул наших дней* — О. Бисмарк, процитированные в стихотворении слова которого ярко выражают идеологию германского милитаризма.

«Веленью высшему покорны...» Впервые — газ. «Русь», 1880, 22 ноября, № 2, с. 17, под заглавием «В альбом П. А. Вакара» и с примечанием от редакции: «Это стихотворение, так сказать, от цензора к цензору — печатается нами с разрешения самого П. А. Вакара, которому, как члену Совета Главного управления по делам печати, Ф. И. Тютчев в качестве члена того же Совета приходился коллегой». О цензурной деятельности поэта и его сослуживцев см.: М. Брискман. Ф. И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной. — «Литературное наследство», 1935, т. 19—21, с. 565—578; Пигарев 1962, с. 158—168. См. примечания к стих. «Давно известная всем дура...».

А. В. Пл<етне>вой («Чему бы жизнь нас ни учила...»). Впервые — журн. «Русский вестник», 1871, т. 91, январь, с. 118. А. В. Плетнева (1826—1901) — жена поэта и критика П. А. Плетнева.

«Да, вы сдержали ваше слово...» Впервые — в литогр. сб. «Поздравления князю А. М. Горчакову по поводу циркуляра 19 октября 1870 г.», с. 92—93 (ЦГАОР). Вызвано обнаружением 3 ноября 1870 года декларации А. М. Горчакова о расторжении 14 статьи Парижского мирного договора 1856 года, ограничивавшей права России на Черном море. Пояснением к последней строфе служит письмо Тютчева к А. Ф. Аксаковой от 22 ноября 1870 года, в котором «твердому и достойному образу действий» правительства он противопоставляет «жалкое и даже омерзительное поведение петербургских салонов», заискивающих перед иностранцами. См. т. 2 наст. собр., письмо № 162.

«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» Впервые — журн. «Русский архив», 1874, вып. 10, с. 380—381. Посвящено памяти Н. И. Тютчева. Написано по дороге из Москвы в Петербург, куда Тютчев возвращался после похорон брата. По словам И. С. Аксакова, Н. И. Тютчев был, «можно сказать, единственным другом Федора Ивановича, у которого вне семьи было великое множество «друзей», но между ними ни одного, с кем бы преимущественно пред прочими делился он всеми тайнами мысли и сердца, с кем бы состоял в отношениях исключительно тесной, задушевной дружбы. Николай Иванович Тютчев любил брата не только с братскою, но с отцовскою нежностью, и ни с кем не был Федор Иванович так короток, так близко связан всею своею личною судьбою с самого детства». См.: Аксаков 1886, с. 307.

«Давно известная всем дура...» Впервые — «Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени

Н. К. Крупской», т. 1, 1956, с. 243. Четверостишие было записано Тютчевым в альбом П. А. Вакара (1820—1899), возможно, тогда же, что и стихотворение «Веленью высшему покорны...», т. е. в 1870 году.

«Впросонках слышу я—и не могу...» Впервые — в «Мурановском сборнике», 1928, вып. 1, с. 43.

Черное море. Впервые — в бр. «Стихотворения к живым картинам, данным в пользу Славянского благотворительного комитета 29 марта 1871 г.», СПб., 1871, с. 43. Вызвано отменой 14 статьи Парижского мирного договора 1856 года (см. примечание к стихотворению «Да, вы сдержали ваше слово...»). В 4 строфе курсивом выделена цитата из стихотворения Пушкина «К морю». Петропавловского свода... *гробовая сень* — имеется в виду могила Николая I.

Ватиканская годовщина. Впервые — газ.-журн. «Гражданин», 1872, 17 января, № 3, с. 79. Написано по поводу первой годовщины со дня провозглашения догмата о непогрешимости папы римского, принятого Ватиканским собором 18 июля 1870 года.

«От жизни той, что бушевала здесь...» Впервые — Соч. 1886, с. 352—353. Сохранился первоначальный набросок стихотворения (ЦГАЛИ).

От жизни той, во дни былые
Пробушевавшей над землей,
Когда здесь силы роковые
Боролись слепо меж собой,
И столько бед здесь совершалось,
И столько крови здесь лилось,
Что уцелело и осталось?
Затихло все и улеглось.

Лишь кое-где, как из тумана
Давно забытой старины,
Два-три выходят здесь кургана

Написано под впечатлением поездки в село Вщиж Брянского уезда Орловской губернии, которое некогда было центром удельного княжества и близ которого сохранились древние курганы, напоминающие о кровавых событиях истории села. Тематически и идейно перекликается со стихотворением «Через ливонские я проезжал поля...» (1830).

«Враг отрицательности узкой...» Впервые — в бр. «Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина», 1872, с. 88.

Памяти М. К. Политковской. Впервые — газ.-журн. «Гражданин», 1872, 6 марта, № 10, с. 338. М. К. Политковская — писательница и переводчица.

«День православного Востока...» Впервые — газ. «Московские ведомости», 1883, 19 апреля, № 107, с. 3, под заглавием «Светлое Христово Воскресение». Печатается по первой публикации, но без названия, отсутствующего в автографах, и с исправлением по автографам ошибок во 2 строке (Святой, святой вместо Святись, святись) и в 18 строке (полей вместо посей). В четвертой строфе, отсутствующей в автографах, было ошибочно напечатано *врачество* вместо *врачевство* или *врачебство*. Написано в день Пасхи, 16 апреля 1872 года, и послано М. Ф. Тютчевой, умиравшей в то время от чахотки в Рейхенгалле (Бавария).

«Все отнял у меня казнящий бог...» Впервые — Соч. 1900, с. 8. Написано во время предсмертной болезни. Обращено к жене, Эри. Ф. Тютчевой.

Бессонница (ночной момент). Впервые — Соч. 1900, с. 369. Написано во время предсмертной болезни.

«Бывают роковые дни...» Впервые — журн. «Русская старина», 1873, № 8, с. 4, в некрологе Тютчева, написанном А. В. Никитенко. Одно из последних стихотворений. Было послано А. В. Никитенко с припиской: «Друг мой, когда я вас увижу? Мне страшно тяжело и грустно».

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

«Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...» («Устали мы в пути, и оба на мгновенье...»). Впервые — «Тютчевский сборник», М., 1923, с. 13. Написано в Линдау. Обращено к немецкому поэту А. П. Мальтицу (1795—1870). Мальтиц был женат на сестре первой жены Тютчева К. Ботмер. Он один из первых переводчиков стихов Тютчева на немецкий язык.

«Que l'homme est peu réel, qu'aisément il s'efface!...» («Как зыбок человек! Имел он очертанья...») Впервые — журн. «Старина и новизна», 1914, кн. 18, с. 3. Автограф стихотворения (ГБЛ) вложен в одно из писем поэта к жене за 1842 год.

Un gêve (Мечта). Впервые — Соч. 1900, с. 3—4. Обращено к Эри. Ф. Тютчевой. Четыре первых стиха написаны от ее лица.

«Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiége...» («Безвременная ночь восходит безнадежно...»). Впервые — Соч. 1900, с. 445. Имеется также перевод М. П. Кудинова.

Тяжелый небосвод окутан ранней мглою.
Упрятана река под ледяной покров,
И гонит зимний вихрь, не знающий покоя.
Пыль снежную вдоль смутных берегов.

Вот море, наконец, замерзло. Скрылся где-то
Тревожный мир живых, мир бурный, грозовой,
И полюс северный при тусклых вспышках света
Баюкает любимый город свой.

«Comme en aimant le coeur devient pusillanime...» («Как любящую грудь печаль и ужас гложат...»). Впервые — сб. «Звенья», 1933, кн. 2, с. 270. Обращено к Эри. Ф. Тютчевой. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Как робко любящее сердце! Как с годами
Оно все более охвачено тоской!
И время я прошу: о, не беги, стой!
Ведь может каждый миг стать бездной между нами —
Между тобой и мной.

Неумолимый страх, гнетущая тревога
Легли на сердце мне и жгут его огнем.
Я слишком долго жил, дней прошлых слишком много, —
Так пусть твоя любовь не будет прошлым днем.

«Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées...» («Огни, блестящие во глубине светло-синей...»). Впервые — Соч. 1900, с. 5. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Вам, изливающим из глубины ночной
Свой непорочный свет, чья сущность неизменна, —
О звезды, слава вам! Сияя красотой,
Не ведаете вы ни дряхлости, ни тлена.

А люди призрачны... Топча земную твердь,
В один и тот же миг живя и умирая,
На вас глядят они, идущие на смерть,
Бессмертный свой привет вам, звезды, посылая.

«Des premiers ans de votre vie...» («О, как люблю я возвращаться...»). Впервые — журн. «Русский архив», 1892, вып. 4, с. 537. Обращено к Эри. Ф. Тютчевой. Имеется также перевод М. П. Кудинова:

Вверх по теченью вашей жизни,
Иду, когда внимаю вам,

Иду к неведомой отчизне,
К первоначальным родникам:

Как здесь легко! Какие тайны
Сокрыты в этих берегах!
Как ласков свет необычайный,
Разлитый в смутных небесах!

Как благостно цветов дыханье,
Как ярка синева волны,
Какие нежные мечтанья
Лазурью вод отражены!

Непонятое детство ваше
Вы раскрывали предо мной,
И все вокруг казалось краше,
Незримой веяло весной.

ПЕРЕВОДЫ

ГОРАЦИИ

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду. Впервые—«Труды Общества любителей российской словесности», 1819, ч. 14, с. 32—36. Вариация на тему 29 оды из 3 книги «Од». *Крины* (устар.) — лилии. *Брашны* (церк.-кн.) — кушанье. *Кастальские де-вы* — музы (по названию посвященного им и Аполлону Кастальского источника, находившегося на Парнасе). *Пенат* (ант. миф.) — божество домашнего очага. *Небесный лев* — созвездие Льва. Солнце в своем кажущемся годичном движении проходит это созвездие с середины августа до середины сентября. *Сильван* (ант. миф.) — бог полей, лесов и стад. *Персть* (церк.-кн.) — земной прах, пыль; *чада персти* — дети Земли, люди. *Нот* (ант. миф.) — южный ветер. *Сланы* (ст.-слав.) — соленые.

МИКЕЛАНДЖЕЛО

«Молчи, прошу, не смей меня будить...» Впервые—изд. 1868, с. 171. Перевод четверостишия Микеланджело «Саго m'è'l sonno, e più l'esser di sasso...», являющегося ответом на стихи Строцци, навеянные знаменитым изваянием Ночи на саркофаге Юлиана Медичи во Флоренции. Восхищенный гениальным творением Микеланджело, Строцци писал, что стоит лишь разбудить Ночь, как она заговорит. Предварительно Тютчев перевел четверостишие на французский язык (см.: Лирика 1965, т. 2, с. 250).

Приводим две первоначальных редакции русского перевода (ЦГАЛИ):

1

Мне любо спать — отрадней камнем быть.
В сей век стыда и язвы повсеместной
Не чувствовать, не видеть — жребий лестный,
Мой сон глубок — не смей меня будить...

2

Отраднo спать — отрадней камнем быть.
О, в этот век — преступный и постыдный —
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Прошу: молчи — не смей меня будить.

Переведенное в годы Крымской войны, четверостишие Микеланджело было созвучно переживаниям Тютчева той поры. Поэт и позднее хранил его в своей памяти. В одном из писем 1870 года, негодуя на правящие круги России, он процитировал две строки из этого четверостишия, по-своему перефразируя их: «Есть стихи Микеланджело, где говорится следующее о том времени, когда он жил:

Mentre che il danno e la vergogna dura,
Non sentir, non pensar è gran ventura,

что по-русски означает: пока глупцы царствуют и управляют, умные люди должны бы молчать». См.: «Литературное наследство», 1935, т. 19—21, с. 245.

В. ШЕКСПИР

I. «Любовники, безумцы и поэты...» II. Песня. Впервые — газ. «Молва», 1833, 19 января, № 8, с. 29—30. Переводы отрывков из комедии «Сон в летнюю ночь»: (I) из монолога Тезея и (II) песни Пукка (акт V, сцена 1).

Ж. РАСИН

<Из «Федры»>. Впервые — Соч. 1900, с. 379. Перевод монолога Терамена (акт V, сцена 6), в котором идет речь о гибели Ипполита, сына афинского царя Тезея. Ариция — афинская царевна, которую любил Ипполит. Мрак ужасной клеветы и т. д. Оклеветанная своей мачехой Федрой в том, что он домогался ее любви, Ипполит был проклят отцом.

И.-Г. ГЕРДЕР

Песнь скандинавских воинов. Впервые — альм. «Урания на 1826 год», с. 70—72. Вольный перевод стихотворения Гердера «Morgengesang im Kriege» («Утренняя песнь на войне»). Петел (арх. и диал.) — петух.

И.-В. ГЕТЕ

Саконтала. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 430. Вариация на тему четверостишия Гете «Sakontala» (из цикла «Antiker Form sich nähernd»). Четверостишие Гете вызвано переводом на немецкий язык драмы древнеиндийского поэта Калидасы (V в.) «Шакунтала».

Из «Фауста». Впервые: I, III и V — журн. «Искусство», 1927, кн. 2—3, с. 167—169; II — Соч. 1900, с. 412; IV — журн. «Галатей», 1830, ч. II, № 5, с. 283—284. Во II отрывке в 36 строке ранее ошибочно печаталось «естеством» вместо «естествам». Переводы из I части «Фауста»: I — отрывок из «Пролога на небеса»; II — диалог Фауста с Духом Земли из сцены «Ночь»; III — монолог Фауста из сцены «Ночь»; IV — монолог Фауста из сцены «У ворот»; V — монолог Фауста из сцены «Лес и пещера». Кроме этих отрывков, Тютчев перевел полностью I акт II части «Фауста», но рукопись перевода была случайно уничтожена поэтом. См. по этому поводу во 2 томе наст. изд. его письмо к И. С. Гагарину от 7 июля 1836 года, № 12.

Приветствие духа. Впервые — журн. «Галатей», 1830, ч. 18, № 38, с. 39. Печатается по автографу окончательной редакции (ЦГАЛИ), датируемому первой половиной 1830-х годов. Текст первой публикации близок к тексту раннего автографа (ЦГАЛИ):

На старой башне, у реки,
Дух рыцаря стоит
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит:

«Кипела кровь и в сей груди,
Кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости,
И кубок до конца!

Пробушевал полжизни я,
Другую проволоку...
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток!»

Перевод стихотворения Гете «Geistesgruß».

Певец. Впервые — журн. «Галатея», 1830, ч. 19, № 42, с. 226—228. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Перевод баллады «Der Sängere».

<Из «Вильгельма Мейстера»>. Впервые: I и II — альм. «Сиротка на 1831 год», с. 198—199; III — альм. «Раут на 1852 год», с. 201. Переводы: I и II — первой и второй песен арфиста (кн. 2, гл. 13); III — песни Миньоны (кн. 3, гл. 1). Посылая стихотворение «Ты знаешь край...» Н. В. Сушкову для помещения в «Рауте», Тютчев писал: «Романс из Гете несколько раз переведен был у нас, — но так как эта пьеса из числа тех, которые почти обратились в литературную поговорку, то она навсегда останется пробным камнем для охотников». См. т. 2 наст. изд. письмо № 86. До Тютчева песню Миньоны переводили Жуковский, Ободовский, Струговщиков и Шкляревский. В переводе Тютчева произведена перестановка второй и третьей строф.

Ночные мысли. Впервые — журн. «Телескоп», 1832, ч. 9, № 10, с. 154. Перевод стихотворения «Nachtgedanken». Оры (ант. миф.) — богини времени.

Из «Западно-Восточного Дивана». Впервые — Соч. 1886, с. 397—399. Перевод стихотворения «Hegire» («Геджра»), которым открывается «West-östlicher Divan». Гафиз — Хафиз, поэзией и личностью которого были вдохновлены обширные изыскания Гете в области истории культуры и литературы Востока.

Заветный кубок. Впервые — Соч. 1886, с. 392—393. Перевод баллады «Der König im Thule», включенной в качестве песни Маргариты в I часть «Фауста» (сцена «Вечер»).

<Из «Эгмонта»>. Впервые — Соч. 1886, с. 391. Перевод песни Клары (акт III, сцена 2).

Ф. ШИЛЛЕР

Гектор и Андромаха. Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 2, кн. 4, с. 204—205. Перевод стихотворения «Hektors Abschied». Пелид — Ахилл. Гекторов сын — Астианакт; взяв Трою, ахейцы сбросили его с городской стены. Пергам — крепость (кремль) в Трое. Стиксовы брега (ант. миф.) — берега реки Стикс в подземном царстве. Лета (ант. миф.) — река забвения в подземном царстве.

Песнь Радости. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 30—36. Перевод стихотворения «An die Freude».

Поминки. Впервые — альм. «Раут на 1851 год», с. 75—80. Печатается по Совр. 1854—3, с. 50—54, с исправлением ошибок по автографу (ЦГАЛИ). Перевод хоровой песни «Das Siegesfest» («Победное торжество»), написанной на сюжет, заимствованный из «Илиады» Гомера. *Пэан* — торжественная хоровая песнь. *Атрев сын и Атрид* — Агамемнон, предводитель ахейцев в Троянской войне. *Керы* (ант. миф.) — богини насильственной смерти. *Кронид* — Зевс, сын Кроноса. *Аякса брат меньшей* — Тевкр, покончивший с собой, так как Афина помешала ему отомстить Агамемнону за нанесенное ему оскорбление. *Патрокл* — друг Ахилла, славный своим благородством и храбростью; убит Гектором. *Терсит* — безобразный, дерзкий и трусливый грек. *Пелид* — Ахилл, сын Пелея. *Сын Тидеев* — Диомед. *Гекуба* — жена Приама, потерявшая при разрушении Трои всех своих детей. *Ниоба* — фиванская царица. За дерзкую похвальбу своими детьми перед Латоной, матерью Феба и Артемиды, Феб и Артемида поразили стрелами семь ее дочерей и семь сыновей. *Провозвестница-жена* — прорицательница Кассандра.

<Из «Вильгельма Телля»>. Впервые — Совр. 1854—3, с. 50. Перевод песни сына рыбака «Es lächelt der See...» (акт I, сцена 1).

«С временщиком Фортуна в споре...» Впервые — «Полное собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей», т. 2, СПб., 1857, с. 247. Перевод стихотворения «Das Glück und die Weisheit» («Счастье и Мудрость»), сделанный специально для полного собрания сочинений Шиллера, отредактированного Н. В. Гербелем (1827—1883).

П. Ж. БЕРАНЖЕ

«Пришлось кончить жизнь в овраге...» Впервые — Нов. стих. 1926, с. 93—94. Перевод песни «Le vieux vagabond» («Старый бродяга»). *Ир* — бродяга из «Одиссеи» Гомера, нарицательное имя бедняка.

А. МАНДЗОНИ

<Из «Пятого мая»>. Впервые — журн. «Русский архив», 1885, вып. 6, с. 320. Перевод 7—16 строф оды «Il cinque maggio», посвященной памяти Наполеона.

Л. УЛАНД

Весеннее успокоение. Впервые — журн. «Телескоп», 1832, ч. 10, № 15, с. 297—298. Перевод стихотворения «Frühlingsruhe».

ДЖ. БАЙРОН

В альбом друзьям. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 441. Перевод стихотворения «Lines written in an album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте») У Байрона обращено к женщине.

И.-Х. ЦЕДЛИЦ

Байрон. Впервые — журн. «Русский современник», 1924, № 1, с. 162—168. Перевод отрывка из поэмы «Totenkränze» («Венки мертвым»). Сия обитель — Ньюстэдское аббатство, родовое поместье Байрона. Камена (ант. миф.) — то же, что муза. Зачем бежал ты собственного крова. Разрыв Байрона с реакционными кругами английского общества вынудил его в 1816 году навсегда покинуть Англию. В поэме странствия Байрона по странам Европы и Ближнего Востока переплетаются с его путешествиями 1809—1811 годов. Лары (ант. миф.) — боги домашнего очага. Ах, и куда, безвременно почивший... Байрон, принимавший участие в национально-освободительной войне греческого народа, умер в 1824 году в греческом городе Миссолунги 36 лет от роду. Титан ли ты, чье сердце снедью врана... Имеется в виду античный миф о Прометее. Страна любви, героизма, приключений — Испания. ...Совершитель тризны благочестной... Путешествуя по Европе, Байрон посетил поле битвы при Ватерлоо. Строфа, посвященная Италии, в подлиннике отсутствует и введена переводчиком. ...Как льдистые лавины, // Полночные срывались народы. Речь идет о германских племенах, которые в древности вторгались в Италию со стороны Альп. И бой вспылал Отчаяния с Силой! — война греков за свою независимость от турецкого владычества, начавшаяся в 1821 году.

А. ЛАМАРТИН

Одиночество. Впервые — «Труды Общества любителей российской словесности», 1822, ч. 2, кн. 4, с. 231—232. Печатается по альманаху «Новые Анонды на 1823 год», с. 92—95. Перевод стихотворения «L'isolement» («Уединение»).

Г. ГЕЙНЕ

С чужой стороны. Впервые — альм. «Северная лира на 1827 год», с. 338. Перевод стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam...», являющийся самым ранним из переводов стихов Гейне на русский язык. Впоследствии это стихотворение переводили Лермонтов, Майков, Михайлов, Фет и другие, но только в тютчевском переводе сделана попытка передать метрическое своеобразие подлинника, что особенно сильно чувствуется в ранней редакции (ЦГАЛИ):

На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий, под снегом, белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его буря лелеет.

Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока,
Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и растет одинока...

«Как порою светлый месяц...» Впервые — журн. «Галатея», 1830, ч. 12, № 8, с. 76—77. Перевод стихотворения «Wie der Mond sich leuchtend drängt...»

«Друг, откройся предо мною...» Впервые — журн. «Галатея», ч. 18, № 41, с. 196. Перевод стихотворения «Liebste, sollst mir heute sagen...»

Вопросы. Впервые — журн. «Галатея», 1830, ч. 18, № 40, с. 133—134. Перевод стихотворения «Fragen».

Кораблекрушение. Впервые — Соч. 1886, с. 407—409. Перевод стихотворения «Der Schiffbrüchige» («Потерпевший кораблекрушение»).

«Закралась в сердце грусть,—и смутно...» Впервые — журн. «Искусство», 1923, № 1, с. 356. Перевод стихотворения «Das Herz ist mir bedrückt, und sehnlich...»

<Из «Путевых картин»>. Впервые — Нов. стих. 1926, с. 90. Перевод 31 главы из III части. Хотя Тютчев переложил прозаический текст белым стихом, его перевод очень точен и в какой-то мере передает даже ритмический строй оригинала. Желая придать большую цельность переведенному им отрывку, Тютчев нарушил последовательность частей текста подлинника. Немецкому тексту соответствовал бы такой порядок строк: 31—50, 1—30, 51—60. Ларвы (ант. миф.) — души грешников, скитающиеся по ночам в виде оборотней. Ереэ (ант. миф.) — Эреб, подземное царство.

«В которую из двух влюбиться...» Впервые — Соч. 1900, с. 433. Перевод стихотворения «In welche soll'ich mich verlieben...» Буриданов друг — осел. Буридану приписывается парадокс, заключающийся в том, что если бы осел обладал свободой воли и был поставлен между двумя одинаковыми стогами сена, то он погиб бы от голода, ибо не смог бы ни на одном из них остановить своего выбора.

Мотив Гейне. Впервые — журн. «Заря», 1869, № 2, с. 118. Перевод стихотворения «Der Tod, das ist die kühle Nacht...».

Из «Эрнани». Впервые — Соч. 1900, с. 420 (строки 1—24), полностью — «Мурановский сборник», вып. I, 1928, с. 36—40. Ранее в 6 строке ошибочно печаталось «обладанье» вместо «овладанье», а в строке 70 — «движенье» вместо «броженье». В 66 строке было не разобрано слово «неустанный». Перевод монолога дон Карлоса перед гробницей императора Карла Великого (акт IV, сцена 2). *Доги* — дожи.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

В Риме (с французского). Впервые — изд. 1868, с. 233, под заглавием «В альбом княгини Т.» Стихотворение было вписано в альбом Е. Э. Трубецкой (1830—1907). ...дворец свой золотой (или, вернее, «Золотой дом») — отличавшийся неслыханной роскошью дворец, построенный Нероном после пожара 64 года и разрушенный после его падения. Французский источник стихотворения не установлен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТРОЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

На Новый 1816 год. Впервые — сб. «Феникс», 1922, кн. I, с. 5—6. Написано в подражание одам Горация, а также русских поэтов XVIII — начала XIX века (Ломоносова, Державина, Карамзина, Мерзлякова, Гнедича). См.: Пигарев в 1962, с. 13—14. *Крон* (ант. миф.) — Хронос, бог времени. *Мемфис* — столица древнего Египта, развалины которой находятся несколько южнее Каира. *Илион* — то же, что Троя, столица Трояды, греческого государства в северо-западной части Малой Азии. *Коцит* (ант. миф.) — река в подземном царстве. *Таргар* (ант. миф.) — часть подземного царства, местопребывание душ преступников. *Евмениды* (ант. миф.) — богини возмездия. *Изошренну* (арх.) — заостренную, наточенную. *Жупел* (арх.) — сера.

Двум друзьям. Впервые — сб. «Феникс», 1922, кн. I, с. 139. К кому обращено стихотворение — не установлено.

«Всесилен я и вместе слаб...» Впервые — Нов. стих. 1926, с. 85. В автографе (ЦГАЛИ) перед текстом помета: «Перевод Ф. Т...ва». Иностраный источник стихотворения не установлен.

«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...» Впервые — журн. «Голос минувшего», 1923, № 3, с. 88. Автограф — на книге Вольтера «La Henriade» издания 1805 года (собрание К. В. Пигарева). Четверостишие представляет собой переделку «Надписи к портрету М. М. Хераскова» И. И. Дмитриева. По всей вероятности, непосредственным поводом к адресованию стихотворения Вольтеру послужило критическое суждение о «Генриаде», прочитанное Тютчевым в предисловии Делиля к переводу «Энеиды». См.: Пигарев 1962, с. 31—32. *Пиериды* (ант. миф.) — то же, что музы.

У р а н и я. Впервые — «Речи и отчеты императорского Московского университета», 1820, с. 1—6. Написано под влиянием традиционных стихов на академические торжества, в частности — стихотворения А. Ф. Мерзлякова «Ход и успехи изящных искусств». В то же время в этом стихотворении обнаруживаются отзвуки таких стихотворных произведений, как «Поэзия» Карамзина, «Храм Марсов» Мих. Никит. Муравьева, «Художники» Шиллера. См.: Пигарев 1962, с. 33—34. *Урания* (ант. миф.) — муза астрономии; в данном случае — божественное воплощение красоты. *Мнемозина* (ант. миф.) — мать девяти муз. *Хариты* (ант. миф.) — богини женской красоты (то же, что грации). *Аквилон* (ант. миф.) — бог северного ветра. *Фарос* — знаменитый маяк на острове Фарос близ Александрии. *Персеполь* — древняя столица Персии. *Мемнон* — гигантская статуя в окрестностях Фив, издававшая гармонические звуки при появлении солнца. *Эгея* на берегах — на берегах Эгейского моря. *Зеленый мирт Паллады* — ошибка поэта: мирт был посвящен не Палладе, а Афродите. *Певец слепой* — Гомер. *Арей* (ант. миф.) — бог войны (то же, что Марс). *Лебедь Мантуи* — Вергилий, который был уроженцем Мантуи. *Сретает* (арх.) — встречает. *Феррарский орел* — Торквато Тассо, долгие годы живший при дворе герцога Феррарского. ...*Храм Солимы* — Иерусалимский храм. *Таг* — река Тахо. *Младой певец* — Камюэнс. *Два гения* — Мильтон и Клопшток. *Тамиза* — река Темза. *Росский Пиндар* — Ломоносов. *Поллюкс и Кастор* — самые яркие звезды из созвездия Близнецов. *Отцом и царем-героем* назван Петр I. *Певец Фелицы* — Державин. Строки 171—194 посвящены прославлению Александра I. Выражение на троне *Человек* заимствовано из «Стихов на рождение в Севере порфирородного отрока» Державина. *Янус* (ант. миф.) — божество входа и выхода, изображавшееся двуликим. Почитался в Древнем Риме наравне с Юпитером. Двери посвященного ему храма растворялись во время войны и закрывались при наступлении мира. В выражении *Закрылись Януса врата* содержится намек на победоносное завершение Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813—1814 годов.

К. В. Пигарев, А. А. Николаев.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Ю. Ф. Абазе («Так — гармонических ору- дий...»)	208
Александру Второму	157
«Аллах! пролей на нас твой свет!..» (Олегов щит)	54
Альпы	68
Андрею Николаевичу Муравьеву	201
Е. Н. Анненковой («И в нашей жизни повсе- дневной...»)	153
Арфа скальда	74
Байрон. В альбом друзьям	268
Байрон (отрывок из Цедлица)	269
«Безвременная ночь восходит безнадежно...»	227
Безумие	59
Беранже. «Пришлось кончить жизнь в овраге...»	263
Бессонница (ночной момент)	221
Бессонница («Часов однообразный бой...»)	54
Близнецы	123
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	214
«Бывают роковые дни...»	222
«Был день, когда господней правды молот...» (Епсуслица)	168
«Был день суда и осужденья...» (Ватиканская годовщина)	217
«Был царь, как мало их ныне...» (Заветный ку- бок)	251
В альбом друзьям (из Байрона)	268

В деревне	202
«В душном воздухе молчанье...»	77
«В которую из двух влюбиться...» (из Гейне)	283
«В кровавую бурю, сквозь бранное пламя...» (Знамя и слово)	101
«В небе тают облака...»	195
«В ночи лазурной почивает Рим...» (Рим, ночью)	112
«В разлуке есть высокое значенье...»	130
В Риме (С французского)	288
«В сей день, блаженный день...» (Двум дру- зьям)	291
«В те дни кроваво-роковые...» (На юбилей князя А. М. Горчакова)	191
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...»	74
«В часы, когда бывает...»	147
«Вам выпало призванье роковое...» (Князю Горчакову)	169
«Вас развратило Самовластье...» (14 декабря 1825 г.)	49
Ватиканская годовщина	217
«Вдали от солнца и природы...» (Русской жен- щине)	104
«Вековать ли нам в разлуке?...» (К Ганке)	99
«Велению высшему покорны...»	212
«Великий день Карамзина...» (На юбилей Н. М. Карамзина)	184
«Великий день Кирилловой кончины...»	198
«Великий Карл, прости...» (Из «Эрнани»)	285
Венеция	113
Весеннее приветствие стихотворцам	40
Весеннее успокоение (из Уланда)	267
Весенние воды	62
Весенняя гроза	51
Весна («Как ни гнетет рука судьбины...»)	95
«Весь день она лежала в забытии...»	166
Вечер	49
«Вечер мгlistый и ненастный...»	79
Видение	53
«Вновь твои я вижу очи...»	109

«Войди со мной — пуста сия обитель...» (Байрон, из Цедлица)	269
Вопросы (из Гейне)	279
«Восток белел. Ладья катилась...»	75
«Вот арфа ее в обычайном углу...» (Cache-cache)	52
«Вот бреду я вдоль большой дороги...» (Накануне годовщины 4 августа 1864 г.)	176
«Вот от моря и до моря...»	142
«Вполне понятно мне значенье...» (Н. Ф. Щербине)	145
«Впросонках слышу я — и не могу...»	215
«Враг отрицательности узкой...»	219
«Все бешеной буря, все злее и злей...»	83
«Все отнял у меня казнящий бог...»	221
«Все решено, и он спокоен...» (12-ое апреля 1865)	173
«Все, что сберечь мне удалось...»	144
«Всесилен я и вместе слаб...»	291
«Vous, dont on voit briller, dans les nuits azurées...» («Огни, блестящие во глуби светло-синей...»)	228
«Вчера, в мечтах обвороженных...»	90
«Вы мне жалки, звезды-горемыки...» (Ночные мысли)	249
«Вы не родились Поляком...»	197
«Высокого предчувствия...» (<Из «Пятого мая»>)	265

Гейне:

«В которую из двух влюбиться...»	283
Вопросы	279
«Друг, откройся предо мною...»	278
«Закралась в сердце грусть,— и смутно...»	281
<Из «Путевых картин»>	281
«Как порою светлый месяц...»	277
Мотив Гейне	284
Кораблекрушение	279
С чужой стороны	277

Гектор и Андромаха (из Шиллера)	253
Гердер. Песнь скандинавских воинов	239
Гете:	
«Державный дух! ты дал мне, дал мне все...» (Из «Фауста», 5)	245
Заветный кубок	251
«Запад, Норд и Юг в крушение...» (Из «Западо-Восточного Дивана»)	250
«Зачем губить в унынии пустом...» (Из «Фауста»; 4)	244
«Звучит, как древле, пред тобою...» (Из «Фауста», 1)	241
<Из «Вильгельма Мейстера»> (1, 2, 3)	248
Из «Западо-Восточного Дивана»	250
Из «Фауста» (1, 2, 3, 4, 5)	241
<Из «Эгмонта»>	252
«Кто звал меня? — О страшный вид!..» (Из «Фауста», 2)	242
«Кто с хлебом слез своих не ел...» (<Из «Вильгельма Мейстера»>, 1)	248
«Кто хочет миру чуждым быть...» (<Из «Вильгельма Мейстера»>, 2)	248
Ночные мысли	249
Певец	246
Приветствие духа	246
Саконтала	241
«Ты знаешь край...» (<Из «Вильгельма Мейстера»>, 3)	249
«Чего вы от меня хотите...» (<Из «Фаус- та», 3)	243
А. Ф. Гильфердингу («Спешу поздравить с неудачей...»)	207
«Глядел я, стоя над Невой...»	102
Гораций. Послание Горация к Меценату...	230
Графине А. Д. Блудовой	179
Графине Е. П. Ростопчиной	121
Графине Ростопчиной	143
«Гроза прошла — еще курясь, лежал...» (Успо- коение)	61
«Грустный вид и грустный час...» (На возврат- ном пути, 1)	150

«Гуманный внук воинственного деда...» (Его светлости князю А. А. Суворову) . . .	162
Гус на костре	209
Гюго. Из «Эрнани»	285
«Да, вы сдержали ваше слово...»	214
«Давно известная всем дура...»	215
«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный...» . . .	94
Два голоса	120
«Два демона ему служили...» (Наполеон, 2) . .	112
Два единства	212
«Два разнородные стремленья...» (Князю Суворову)	179
29-е января 1837 («Из чьей руки свинец смертельный...»)	91
«Две силы есть — две роковые силы...» . . .	199
12-е апреля 1865	173
Двум друзьям	291
Двум сестрам	57
19-ое апреля 1864	165
Декабрьское утро	152
«Des premiers ans de votre vie...» («О, как люблю я возвращаться...»)	229
«День вечереет, ночь близка...»	130
День и ночь	96
«День православного Востока...»	220
«Державный дух! ты дал мне, дал мне все...» (Из «Фауста», 5)	245
«Дни настают борьбы и торжества...» (Спиритистическое предсказание)	137
«Дож Венеции свободной...» (Венеция) . . .	113
«Друг, откройся предо мною...» (из Гейне) . .	278
Другу моему Я. П. Полонскому («Нет более искр живых...»)	175
Друзьям при посылке «Песни Радости» — из Шиллера («Что пел божественный, друзья...»)	46
«Дума за думой, волна за волной...»	129
«Душа моя, Элизium теней...»	74
«Душа хотела б быть звездой...»	65

«Душой весны природа ожила...» (Могила Наполеона)	51
Дым	187
Его светлости князю А. А. Суворову («Гуманный внук воинственного деда...»)	162
«Едва мы вышли из Трезенских врат...» (<Из «Федры»>)	236
«Ее последние я помню взоры...» (Memento) .	154
Encyclica («Был день, когда господней правды молот...»)	168
«Если смерть есть ночь, если жизнь есть день...» (Мотив Гейне) -	284
«Есть близнецы — для земнородных...» (Близнецы)	123
«Есть в осени первоначальной...»	146
«Есть в светлости осенних вечеров...» (Осенний вечер)	67
«Есть и в моем страдальческом застое...» . .	171
«Есть много мелких, безымянных...»	151
«Есть некий час в ночи, всемирного молчания...» (Видение)	53
«Еще в полях белеет снег...» (Весенние воды) .	62
«Еще земли печален вид...»	89
«Еще томлюсь тоской желаний...»	103
«Еще шумел веселый день...»	58
«Живым сочувствием привета...»	99
«За нашим веком мы идем...»	65
Заветный кубок (из Гете)	251
«Закралась в сердце грусть,— и смутно...» (из Гейне)	281
«Запад, Норд и Юг в крушенье...» (Из «Западно-Восточного Дивана»)	250
«Заревел голодный лев...» (Песня II, из Шекспира)	234
«Затею этого рассказа...»	161
«Зачем губить в унынии пустом...» (Из «Фауста», 4)	244

«Звучит, как древле, пред тобою...» (Из «Фауста», 1)	241
«Здесь, где так вяло свод небесный...»	60
«Здесь некогда, могучий и прекрасный...» (Дым)	187
«Зима недаром злится...»	85
Знамя и слово	101
«И бунтует, и клокочет...» (Море и утес)	102
«И в божьем мире то ж бывает...»	180
«И в нашей жизни повседневной...» (Е. Н. Ан- ненковой)	153
«И вот в рядах отечественной рати...» (Памя- ти Е. П. Ковалевского)	196
«И гроб опущен уж в могилу...»	76
«И море, и буря качали наш челн...» (Сон на море)	64
«И опять звезда играет...» (На Неве)	118
«И распростиась с тревогою житейской...» (Ита- льянская villa)	93
«И тихими последними шагами...» (19-ое фев- раля 1864)	165
«И ты стоял — перед тобой Россия!...» (Напо- леон, 3)	113
«И чувства нет в твоих очах...»	90
«Играй, покуда над тобою...»	159
<Из «Вильгельма Мейстера»> (1—3, Гете)	248
<Из «Вильгельма Телля»>	261
Из «Западо-Восточного Дивана»	250
«Из края в край, из града в град...»	84
«Из переполненной господним гневом чаши...» (Два единства)	212
<Из «Путевых картин»> (Гейне)	281
<Из «Пятого мая»> (Мандзони)	265
Из «Фауста» (1—5, Гете)	241
<Из «Федры»> («Едва мы вышли из Тре- зенских врат...»)	236
«Из чьей руки свинец смертельный...» (29-ое января 1837)	91
<Из «Эгмонта»> (Гете)	252
Из «Эрнани» (Гюго)	285

«Иным достался от природы...»	161
«Итак, опять увиделся я с вами...»	106
Итальянская villa	93

К. Б. («Я встретил вас,— и все былое...») . . .	211
К Ганке («Вековать ли нам в разлуке?...») . . .	99
К Н. («Твой милый взор, невинной страсти полный...»)	48
К Нисе	48
К N. N. («Ты любишь! ты притворствовать умеешь...»)	57
К оде Пушкина на Вольность	39
«Как верно здравый смысл народа»	174
«Как весел грохот летних бурь...»	131
«Как дочь родную на закланье...»	70
«Как дымный столп светлеет в вышине!..» . . .	105
«Как жизнь ни сделалась скуднее...» (Графине А. Д. Блудовой)	179
«Как зыбок человек! Имел он очертанья...» . . .	224
«Как летней иногда порою...»	163
«Как любящую грудь печаль и ужас гложат...»	227
«Как медлит путника вниманье...» (В альбом друзьям)	268
«Как над горячею золой...»	61
«Как насаждения Петрова...»	201
«Как нас не угнетай разлука...»	205
«Как не бесилося злоречье...»	178
«Как неожиданно и ярко...»	176
«Как неразгаданная тайна...»	167
«Как ни гнетет рука судьбины...» (Весна) . . .	95
«Как ни дышит полдень знойный...»	119
«Как ни тяжел последний час...»	192
«Как океан объемлет шар земной...» (Сны) . . .	56
«Как он любил родные ели...»	110
«Как под сугробом снежным лени...» (Графине Е. П. Ростопчиной)	121
«Как порою светлый месяц...» (из Гейне) . . .	277
«Как птичка, раннею зарей...»	78
«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» . . .	78
«Как тихо веет над долиной...» (Вечер) . . .	49
«Как хорошо ты, о море ночное...»	169

«Как часто, бросив взор с утесистой вершины...» (Одиночество)	275
«Как этого посмертного альбома...»	186
«Какое дикое ущелье!..»	83
«Какое лето, что за лето!..» (Лето 1854)	138
Cache-cache («Вот арфа ее в обычайном углу...»)	52
Князю П. А. Вяземскому («Теперь не то, что за полгода...»)	158
Князю Горчакову («Вам выпало призванье роковое...»)	169
Князю Суворову («Два разнородные стрем- ленья...»)	179
«Когда в кругу убийственных забот...»	107
«Когда дряхлеющие силы...»	181
«Когда на то нет божьего согласия...»	170
«Когда <i>ошнадцать лет</i> твои...»	147
«Когда пробьет последний час природы...» (По- следний катаклизм)	59
«Когда расстроенный кредит...»	180
«Когда свершится искупление...» (По прочте- нии депеш...)	193
«Когда сомнителен мне твой...»	154
«Когда сочувственно на наше слово...»	179
«Когда, что звали мы своим...» (Успокоение)	149
Колумб	101
«Comme en aimant le coeur de vient pusillanime...» («Как любящую грудь печаль и ужас гложат...»)	227
«Кончен пир, умолкли хоры...»	111
Конь морской	64
Кораблекрушение (из Гейне)	279
«Костер сооружен, и роковое...» (Гус на костре)	209
Н. И. Кролю	164
«Кто б ни был ты, но, встретясь с ней...»	168
«Кто звал меня?..» (Из «Фауста», 2)	242
«Кто с хлебом слез своих не ел...» (Из <«Виль- гельма Мейстера»>, 1)	248
«Кто хочет миру чуждым быть...» (Из <«Виль- гельма Мейстера»>, 2)	248
«Que l'homme est peu réel...» («Как зыбок че- ловек!..»)	224

«Лазурь небесная смеется...» (Утро в горах)	55
Ламартин. Одиночество	275
Лебедь	98
«Лениво дышит полдень мглистый...» (Полдень)	56
Летний вечер	53
Лето 1854	138
«Лист зеленеет молодой...» (Первый лист) . .	128
Листья	67
«Люблю глаза твои, мой друг...»	90
«Люблю грозу в начале мая...» (Весенняя гроза)	51
«Люблю, друзья, ласкать очами...» (Слезы)	43
«Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо...» (Male Agia)	69
«Любовники, безумцы и поэты...» (I, из Шек- спира)	234
«Любовь земли и прелесть года...» (Весеннее приветствие стихотворцам)	40
«Любовь, любовь — гласит преданье...» (Пред- определение)	123

Male Agia («Люблю сей божий гнев! Люблю сие незримо...»)	69
Мандзони. «Высокого предчувствия...»	265
Memento («Ее последние я помню взоры...») .	154
Мечта	225
Микеланджело. «Молчи, прошу, не смей меня будить...»	233
Михаилу Петровичу Погодину	195
«Многозначительное слово...» (Памяти М. К. По- литковской)	219
Могила Наполеона	51
«Молчи, прошу, не смей меня будить...» (из Микеланджело)	233
«Молчи, скрывайся и тай...» (Silentium!) . . .	63
«Молчит сомнительно Восток...»	175
Море и утес	102
«Москва и град Петров...» (Русская география)	104
Мотив Гейне («Если смерть есть ночь, если жизнь есть день...»)	284
«Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...» (Два голоса)	120

А. Н. М<уравьеву> («Нет веры вымыслам чудесным...»)	41
---	----

«На ваши, братья, празднества...» (Чехам от Московских славян)	203
--	-----

На возвратном пути:

1. «Грустный вид и грустный час...» . . .	150
2. «Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...»	151

«На гробовой его покров...»	181
---------------------------------------	-----

«На древе человечества высоком...»	71
--	----

«На камень жизни роковой...»	50
--	----

«На мир таинственный духов...» (День и ночь)	96
--	----

«На небе месяц—и ночная...» (Декабрьское утро)	152
--	-----

На Неве	118
-------------------	-----

На новый 1816 год	289
-----------------------------	-----

На новый 1855 год	139
-----------------------------	-----

«На севере мрачном, на дикой скале...» (С чужой стороны)	277
--	-----

«На старой башне, одиноко...» (Приветствие духа)	246
--	-----

На юбилей князя А. М. Горчакова	191
---	-----

На юбилей Н. М. Карамзина («Великий день Карамзина...»)	184
---	-----

На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского	155
---	-----

«Над виноградными холмами...»	72
---	----

«Над морем, диким, полуночным морем...» (Вопросы)	279
---	-----

«Над Россией расprostертой...»	186
--	-----

«Над русской Вильной стародавней...»	211
--	-----

«Над этой темною толпой...»	145
---------------------------------------	-----

«Надежда и любовь—все, все погибло...» (Кораблекрушение)	279
--	-----

Накануне годовщины 4 августа 1864 года . .	176
--	-----

«Нам не дано предугадать...»	199
--	-----

Наполеон	112
--------------------	-----

«Напрасный труд—нет, их не вразумишь...»	191
--	-----

«Нас всех собравшихся на общий праздник...» (11-е мая 1869)	200
---	-----

«Насилу добрый гений твой...», (Послание к А. В. Шереметьеву)	42
---	----

Наш век	129
-------------------	-----

«Не богу ты служил и не России...» (Н<иколаю> П<авловичу>)	144
«Не верь, не верь поэту, дева...»	97
«Не в первый раз кричит петух...»	109
«Не все душе болезненное снится...»	166
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	125
«Не гул молвы прошел в народе...» (Пророчество)	115
«Не дай нам духу празднословия...»	44
«Не знаешь, что лестней для мудрости людской...»	104
«Не знаю я, коснется ль благодать...»	127
«Не легкий жребий, не отрадный...» (При послышке Нового завета)	160
«Не остывшая от зною...»	130
«Не плоть, а дух растлился в наши дни...» (Наш век)	129
«Не раз ты слышала признание...»	128
«Не рассуждай, не хлопочи...»	118
«Не то, что мните вы, природа...»	87
«Небо бледно-голубое...»	182
«Неверные преодолев пучины...»	39
«Недаром милосердным богом...»	132
«Недаром русские ты с детства помнил звуки...»	158
Неман	136
«Неохотно и несмело...»	105
«Нет боле искр живых на голос твой приветный...» (Другу моему Я. П. Полонскому)	175
«Нет веры к вымыслам чудесным...» (А. Н. М<уравьеву>)	41
«Нет дня, чтобы душа не ныла...»	178
«Нет, карлик мой! трус беспримерный...»	116
«Нет, мера есть долготерпенью...» (По случаю приезда австрийского эрцгерцога...)	140
«Нет, моего к тебе пристрастия...»	81
«Нет, не могу я видеть вас...»	197
Н<иколаю> П<авловичу>	144
«Ниса, Ниса, бог с тобою...» (К Нисе)	48
«Ночное небо так угрюмо...»	177
«Ночной порой в пустыне городской...» (Бессонница)	221

Ночные мысли (из Гете)	249
«Nous avons pu tous deux, fatigués du voyage...»	
(«Устали мы в пути, и оба на мгновение...»)	223
«О арфа скальда! Долго ты спала...» (Арфа скальда)	74
«О вещая душа моя!..»	143
«О, в эти дни — дни роковые...» (Графине Ростопчиной)	143
«О, как люблю я возвращаться...»	229
«О, как на склоне наших лет...» (Последняя любовь)	136
«О, как убийственно мы любим...»	126
«О, не кладите меня...» (Весеннее успокоение)	267
«О, не тревожь меня укорой справедливой...»	125
«О, рьяный конь, о конь морской...» (Конь морской)	64
«О, суд людей неправый...» (Противникам вина)	44
«О чем ты воешь, ветер ночной?...»	73
«О, этот Юг! о, эта Ницца...»	167
«Обеих вас я видел вместе...» (Двум сестрам)	57
«Овеян вещью дремотой...»	120
«Огнем свободы пламенея...» (К оде Пушкина на Вольность)	39
«Огни, блестящие во глуби светло-синей...»	228
11-ое мая 1869	200
Одиночество (из Ламартина)	275
Олегов щит	54
«Он прежде мирный был казак...»	160
«Он, умирая, сомневался...»	172
«Она сидела на полу...»	148
«Они кричат, они грозятся...» (Славянам)	190
«Опять стою я над Невой...»	193
«Оратор римской говорил...» (Цицерон)	62
«Осенней поздней порой...»	150
Осенний вечер («Есть в светлости осенних вечеров...»)	67
«От жизни той, что бушевала здесь...»	218
Ответ на адрес	170
«Открылось! — Не мечта ль?...» (Уrania)	292

«Пала царственная Троя...» (Поминки) . . .	257
Памяти В. А. Жуковского («Я видел вечер твой...»)	133
Памяти Е. П. Ковалевского	196
Памяти М. К. Политковской	219
Певец (из Гете)	246
«Певучесть есть в морских волнах...»	174
1-е декабря 1837 («Так здесь-то суждено нам было...»)	92
Первый лист	128
Песнь Радости (из Шиллера)	254
Песнь скандинавских воинов (из Гердера) . .	239
Песня («Заревел голодный лев...», из Шекспира)	234
«Песок сыпучий по колени...»	66
«Печати русской доброхоты...»	196
«Пламя рдеет, пламя дышит...»	141
А. В. Пл<етне>вой	213
По прочтении депеш императорского кабинета...	193
«По равнине вод лазурной...»	108
По случаю приезда австрийского эрцгерцога	140
«Под дыханьем непогоды...»	119
Пожары	194
Полдень	56
Поминки (из Шиллера)	257
Послание Горация к Меценату, в котором при- глашает его к сельскому обеду (из Горация)	230
Послание к А. В. Шереметьеву («Насилу доб- рый гений твой...»)	42
Последний катаклизм	59
Последняя любовь	136
«Поток сгустился и тускнеет...»	72
«Пошли, господь, свою отраду...»	117
Поэзия	111
Предопределение	123
«Прекрасный будет день»,— сказал товарищ...» (из Гейне)	281
«Прекрасный день его на Западе исчез...» . .	145
При посылке Нового завета	160
«Привет вам задушевный, братья...» (Славянам)	188
Приветствие духа (из Гете)	246
«Приди, желанный гость, краса моя и радость...» (Послание Горация к Меценату...) . . .	230

«Природа — сфинкс. И тем она верней...» . . .	203
«Пришлось кончить жизнь в овраге...» (из Беранже)	263
Problème	71
Проблеск	46
Пророчество	115
Противникам вина	44
«Пускай орел за облаками...» (Лебедь)	98
«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...» .	292
«Пусть сосны и ели...» (Листья)	67
«Пятнадцать лет с тех пор минуло...» (Черное море)	216
«Радость и горе в живом упоенье...» (<Из «Эгмонта»>)	252
«Радость, первенец творенья...» (Песнь Радости)	254
Расин. (<Из «Федры»>)	236
Рассвет	109
Рим, ночью	112
«Родной ландшафт... Под дымчатым навесом...» (На возвратном пути, 2)	151
Русская география	104
Русской женщине	104
«С временщиком Фортуна в споре...» (из Шил- лера)	262
«С горы скатившись, камень лег в долине...» (Problème)	71
«С какою негою, с какою тоской влюбленный...»	98
«С озера веет прохлада и нега...» (< Из «Виль- гельма Телля»>)	261
«С поляны коршун поднялся...»	83
С чужой стороны (из Гейне)	277
Саконтала (из Гете)	241
«Свершается заслуженная кара...»	192
«Святая ночь на небосклон взошла...»	114
«Себя, друзья, морочите вы грубо...» (Ответ на адрес)	170
«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...» . .	175
«Сей день, я помню, для меня...»	69

«Сентябрь холодный бушевал...» (Н. И. Кролю)	164
«Сижу задумчив и один...»	82
Silentium! («Молчи, скрывайся и тай...») . . .	63
«Сияет солнце, воды блещут...»	135
«Сквозь лазурный сумрак ночи...» (Альпы) . .	68
Славянам («Они кричат, они грозятся...») . .	190
Славянам («Привет вам задушевный, братья...») .	188
Слезы («Люблю, друзья, ласкать очами...») .	43
«Слезы людские, о слезы людские...»	108
«Слышал ли в сумраке глубоком...» (Проблеск)	46
«Смотри, как запад разгорелся...»	95
«Смотри, как на речном просторе...»	122
«Смотри, как облаком живым...» (Фонтан) . .	86
«Смотри, как роща зеленеет...»	146
Снежные горы	55
«Снова ль, Гектор, мчишься в бурю брани...» (Гектор и Андромаха)	253
Сны	56
Современное	206
Сон на море	64
«Спешу поздравить с неудачей...» (А. Ф. Гиль- фердингу)	207
Спиритистическое предсказание	137
«Среди громов, среди огней...» (Поэзия) . .	111
«Средь Рима древнего сооружалось зданье...» (В Риме)	288
«Стихов моих вот список безобразный...» (Ми- хаилу Петровичу Погодину)	195
«Стоим мы слепо пред Судьбою...» (На новый 1855 год)	139
Странник	60
«Сын Революции, ты с матерью ужасной...» (Наполеон, I)	112
«Сын царский умирает в Ницце...»	172
«Так, в жизни есть мгновения...»	141
«Так — гармонических орудий...» (Ю. Ф. Абазе)	208
«Так здесь-то суждено нам было...» (1-ое де- кабря 1837)	92
«Так провидение судило...»	209
«Там, где горы, убегая...»	80

«Там, где на высоте обрыва...» (Андрею Николаевичу Муравьеву)	201
«Там, где с землею обгорелой...» (Безумие) . . .	59
«Твой милый взор, невинной страсти полный...» (К Н.)	48
«Тебе, Колумб, тебе венец!..» (Колумб) . . .	101
«Тебе сердечный мой поклон...» (А. А. Фету) . . .	161
«Тени сизые смешались...»	81
«Теперь не то, что за полгода...» (Князю П. А. Вяземскому)	158
«Теперь тебе не до стихов...»	138
«Тихо в озере струится...»	180
«Тихой ночью, поздним летом...»	107
«Тогда лишь в полном торжестве...»	117
«Тому, кто с верой и любовью...»	144
«Ты взял свой день...» (Александрю Второму) . . .	157
«Ты волна моя морская...»	132
«Ты долго ль будешь за туманом...»	185
«Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...» (Из <«Вильгельма Мейстера»>, 3)	249
«Ты зрел его в кругу большого Света...» . . .	73
«Ты ль это, Неман, величавый...» (Неман) . . .	136
«Ты любишь! ты притворствовать умеешь...» (К N. N.)	57
«У Музы есть различные пристрастия...» (На юбилей князя Петра Андреевича Вязем- ского)	155
«Увы, что нашего незнания...»	138
«Угоден Зевсу бедный странник...» (Странник) . . .	60
«Уж солнца раскаленный шар...» (Летний вечер) . . .	53
«Уж третий год беснуются языки...»	115
«Ужасный сон отяготел над нами...»	162
«Уже великое полдневное светило...» (На новый 1816 год)	289
«Уже полдневная пора...» (Снежные горы) . . .	55
Уланд. Весеннее успокоение	267
«Умом Россию не понять...»	183
«Un ciel lourd que la nuit bien avant l'heure assiège...» («Безвременная ночь восходит безнадежно...»)	226

Un rêve (Мечта)	224
Урания	292
Успокоение	149
Успокоение («Гроза прошла — еще курясь ле- жал...»)	61
«Устали мы в пути, и оба на мгновенье...»	223
«Утихла биза... Легче дышит...»	166
Утро в горах	55
А. А. Фету («Тебе сердечный мой поклон»)	161
«Флаги веют на Босфоре...» (Современное)	206
Фонтан	86
«Хладен, светел...» (Песнь скандинавских вои- нов)	239
«Хоть я и свил гнездо в долине...»	155
«Хотя б она сошла с лица земного...»	185
Цедлиц. Байрон	269
Цицерон	62
«Чародейкою Зимою...»	135
«Часов однообразный бой...» (Бессонница)	54
«Чего вы от меня хотите...» (Из «Фауста», 3)	243
«Чему бы жизнь нас ни учила...» (А. В. Пл<етне>вой)	213
«Чему молилась ты с любовью...»	125
«Через ливонские я проезжал поля...»	66
Черное море	216
14-ое декабря 1825 («Вас развратило Само- властье...»)	49
Чехам от Московских дворян	203
«Что за отчаянные крики...» (В деревне)	202
«Что пел божественный, друзья...» (Друзьям при посылке «Песни Радости» — из Шил- лера)	46

«Что подарить в такое время года...» (Мечта)	225
«Что там за звуки пред крыльцом...» (Певец)	246
«Что ты клонишь над водами...»	76
«Что юный год дает цветам...» (Саконтала)	241

Шекспир:

I. Любовники, безумцы и поэты...»	234
II. Песня («Заревел голодный лев...»)	234

Шиллер:

Гектор и Андромаха	253
<Из «Вильгельма Телля»>	261
Песнь Радости	254
Поминки	257
«С временщиком Фортуна в споре...»	262
«Широко, необозримо...» (Пожары)	194

Н. Ф. Щербине	145
-------------------------	-----

«Эти бедные селенья...»	142
-----------------------------------	-----

«Я видел вечер твой...» (Памяти В. А. Жуковского)	133
«Я встретил вас — и все былое...» (К. Б.)	211
«Я знал ее еще тогда...»	157
«Я лютеран люблю богослужение...»	75
«Я очи знал, — о эти очи!..»	124
«Я помню время золотое...»	88
«Яркий снег сиял в долине...»	87

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. В. Пигарев. Ф. И. Тютчев и его поэтическое наследие</i>	3
СТИХОТВОРЕНИЯ	39
СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ НА ФРАНЦУЗ- СКОМ ЯЗЫКЕ	223
ПЕРЕВОДЫ	230
Приложение	
ОТРОЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	289
Примечания	298
Алфавитный указатель стихотворений	365

Федор Иванович ТЮТЧЕВ

Сочинения
в двух томах

Том I

Оформление художника
Н. Н. Каминского

Технический редактор
А. И. Шагари́на

Сдано в набор 10.10.80. Подписано к печати 03.01.81.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Академическая». Печать высокая. Усл. печ. л. 20,69.
Уч.-изд. л. 17,42. Тираж 600 000 экз. Изд. № 3005. Заказ № 3154.
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Индекс 70689

«ВЕСЕННИЕ ВОДЫ»

«ПЕСОК СЫПУЧИЙ ПО КОЛЕНИ...»

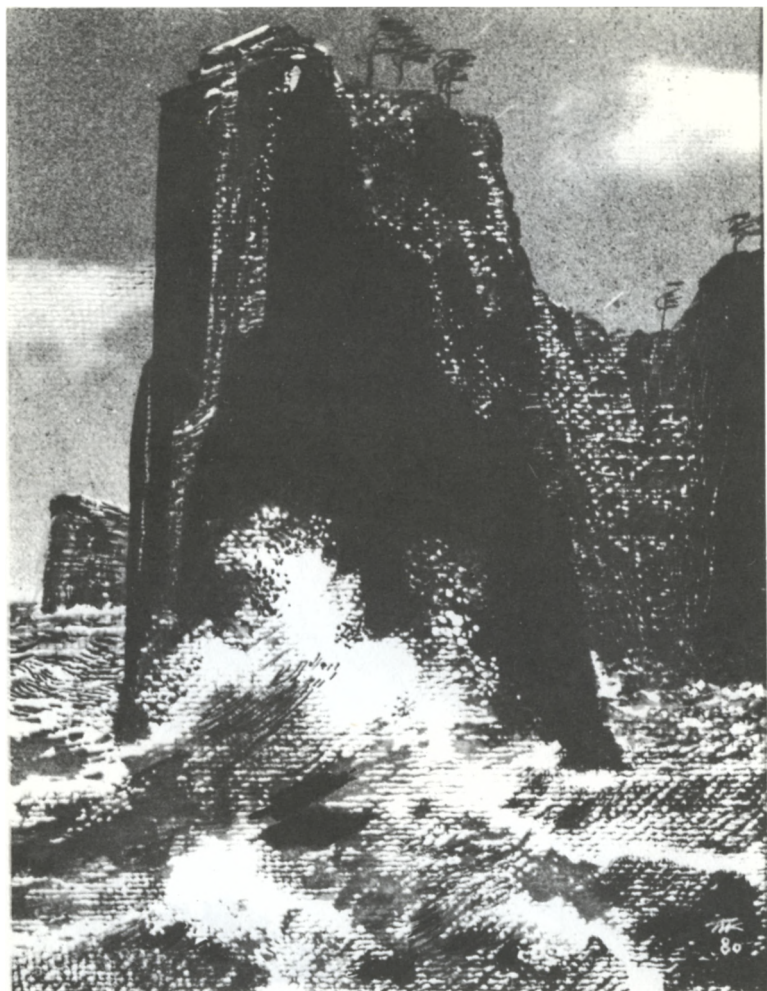
«О ЧЕМ ТЫ ВОЕШЬ, ВЕТР НОЧНОЙ?..»

«КАК СЛАДКО ДРЕМЛЕТ САД ТЕМНО-ЗЕЛЕНый...»

«С ПОЛЯНЫ КОРШУН ПОДНЯЛСЯ...»

«МОРЕ И УТЕС»

«ОПЯТЬ СТОЮ Я НАД НЕВОЙ...»

«Я ВСТРЕТИЛ ВАС — И ВСЕ БЫЛОЕ...»